МАРКЕЛОВА СОФЬЯ
В.А.М.П.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ближайшее будущее, Старая и Новая Москва. Люди, стремясь возвести свою уникальность в абсолют, гонятся за модными трендами, провозгласившими начало эры косметических модификаций тела. Между тем по столице распространяется вирус мутировавшей анемии, способный изменять организм носителя. Кровь становится единственной усвояемой пищей для инфицированных, а государство открывает на них охоту, отправляя на утилизацию. В это же время в Старую Москву возвращается бывший профессиональный боксер Герман Юдин. В попытках заработать деньги он попадает на теневую арену, где по итогам боя остается должен организатору крупную сумму. Остро нуждаясь в средствах и вынужденно скрываясь, Герман находится в отчаянном положении. Ему на помощь приходит В.А.М.П., подпольная ассоциация зараженных, которые противостоят государству, объявившему их вне закона. Вампы вынуждают Германа присоединиться к их борьбе. Обложка и иллюстрации предложены автором.

- Софья Маркелова
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Эпилог

Сделано для библиотеки LIBRUSEC

Сделано для библиотеки
FLIBUSTA
Сделано для библиотеки

Софья Маркелова
В.А.М.П

Глава первая
Медноголовый

Вакуумный поезд начал медленно и плавно тормозить, постепенно сбрасывая скорость. Мелькавшие в окнах неоновые полоски транспортного тоннеля в конце концов остановили свой суматошный бег и замерли на одном месте, освещая капсулу мягким голубоватым светом.

— Уважаемые пассажиры! Наш поезд прибыл на конечную станцию «Старая Москва. Ярославский вокзал». Благодарим за выбор нашей транспортной компании, — донесся женский механический голос из динамиков.

Автоматические двери бесшумно открылись, и к перрону вытянулась металлическая полоса трапа. Тесной толпой люди скорее выходили на платформу, кто-то сразу же нервно доставал электронные сигареты и вейпы, другие вызывали беспилотное такси по встроенным в яремную впадину голосмартфонам компании «Аргус».

Герман вынырнул из душного облака ароматических паров и размашистым шагом направился к выходу из вокзала. Он закинул на плечо свою полупустую спортивную сумку и натянул пониже кепку, прикрывая глаза от яркого света неоновых вывесок и голографической рекламы.

Телескопические двери мгновенно сдвинулись в сторону, выпуская мужчину из здания на улицу, где его со всех сторон сразу же окружил городской гул. Высоко в воздухе сновали

беспилотные дроны разной степени исправности: от обшарпанных аппаратов доставки до тяжеловесных полицейских дронов с металлическим корпусом и боезапасом дротиков. По широкой магистрали тянулись вереницы электромобилей, а по выделенным полосам неторопливо катились самоходные платформы и транспортеры с тяжелыми грузами.

Взгляд Германа невольно остановился на группе рабочих роботов возле самого вокзала: шестиногие и четвероногие машины укладывали слой за слоем плитку на совершенно неповрежденный тротуар. За работой должен был следить приставленный прораб-роботехник, но он, облокотившись на фонарный столб, увлеченно смотрел объемную проекцию какого-то фильма или сериала, который передавал его голосмартфон.

«Есть в этом городе вещи, которые никогда не изменятся», — с усмешкой подумал Герман, обогнув роботов и двинувшись вдоль по улице, оглядывая вывески.

Завернув в первую попавшуюся забегаловку с броской рекламой, мужчина облокотился на высокую стойку, изучая висевшие под потолком мониторы с меню.

— Что будете заказывать? — Возле кассы мгновенно оказалась улыбчивая девушка.

На ее голове, на линии пробора, светились два параллельных розоватых гребня-ирокеза. Подкожные неоновые импланты просвечивали сквозь кожу, бросая на светлые волосы рассеянные отблески. Открытое платье с длинными разрезами на рукавах позволяло разглядеть и другие косметические модификации тела: силиконовые колечки и шарики были вживлены под кожу девушки, создавая особенный узор.

— Двойная шаурма и кофе с молоком, — кратко бросил Герман.

— Кофе на растительном или синтетическом молоке? — уточнила бариста.

— Пусть будет растительное.

— Хорошо. С вас четыре мультивалютных доллара. Терминал готов к оплате.

Герман лениво щелкнул кнопкой голосмартфона, вызвал трехмерный штрих-код своего личного банковского счета, и девушка направила на голограмму сканер. Световая полоса мгновенно считала код, списывая деньги, и удовлетворенно мигнула зеленым.

— Для получения заказа вам необходимо будет просмотреть два рекламных ролика, — предупредила бариста, уже разворачивая к Герману экран небольшого монитора.

По нему побежали неровные всполохи, и почти сразу же

заиграла ритмичная музыка. На экране какая-то высокая модель в обтягивающем наряде начала танцевать, а закадровый голос вкрадчиво предлагать услуги по косметическим операциями:

— Компания «Осе» может подарить вам любой желаемый облик. Благодаря новейшим технологиям мы способны превратить вас в эксклюзивное создание.

На мониторе замелькали модели с пересаженной на отдельные участки тела змеиной кожей, их сменили юноши с металлическими рожками или бакенбардами львиной шерсти, а после камера показала девушку с высоким светившимся гребнем, наподобие того, что был у бариста.

— Ваша кожа будет сиять, подобно чешуе, или фосфоресцировать в темноте. Мы вживляем импланты и части искусственно воссозданных и клонированных животных уже более двадцати лет.

Модель повернулась спиной и продемонстрировала длинный бионический хвост, напоминавший по форме хвост ящерицы. Он легко двигался из стороны в сторону, будто жил своей жизнью.

— Последняя разработка нашей компании! Полностью контролируемый протез в форме хвоста сращивается напрямую с копчиковой костью и крестцом. На выбор уже доступны три модели.

Герман без особенного интереса наблюдал за рекламой косметических модификаций в ожидании своего заказа. Ему подобные преображения не казались заманчивыми. К тому же на его грубом широком лице с не единожды сломанным носом и бровями, изрезанными белесыми шрамами, вряд ли бы хорошо смотрелись новомодные импланты. Он был уже староват по своим меркам, чтобы восторгаться подобными трендами молодежи.

«Эволюция сделала из обезьяны человека, чтобы теперь тенденции моды вернули все обратно», — подумал про себя мужчина. — «Если бы это не было так печально, то я бы, наверное, даже посмеялся».

Следующий ролик был посвящен банковским вкладам, и лишь после того, как диктор закончил вещать о процентах, бариста с улыбкой поставила перед Германом шаурму и кофе. Он подхватил заказ и вышел с ним на улицу.

Стояло обеденное время, кругом было полно прохожих, а все веранды, террасы и даже скамьи были заняты. Отыскав взглядом ближайший небольшой сквер, выглядывавший из-за жилых домов, Герман неспешно туда двинулся. Но даже в этом зеленом оазисе посреди бетонных многоэтажек было столько людей, что единственную свободную скамью мужчина отыскал далеко не сразу. Он расположился в тени высокого клена, сбросил с плеча

сумку и принялся за еду.

Рядом сразу же кто-то пристроился на незанятый участок лавки. Герман краем глаза заметил броский ярко-желтый пиджак и даже не стал больше рассматривать своего соседа. Судя по вспорхнувшим в воздух клубам пара, пахнувшего кисло-сладким лимоном, этот прохожий просто решил перекурить в тишине.

Когда Герман расправился с обедом и небрежно обтер губы рукавом, то решил больше не тянуть с делом, приведшим его обратно в Москву. Он откинулся на спинку лавки и уверенно нажал на круглую пластину голосмартфона, встроенного в его яремную впадину. Перед глазами возникла голографическая проекция экрана с указанием времени и погоды.

— Вызвать абонента «Жека», — четко проговорил вслух Герман.

— Идет набор номера, — послышался механический голос в голове, куда звук поступал через костные наушники, тонкое металлическое устройство, вживленное в кожу за ушами для передачи звука с голосмартфона.

Раздались гудки, а после кто-то принял вызов.

— Евгений Дробышев слушает. Кто звонит?

Голос серьезный и строгий.

— Евгений Дробышев? — беззлобно усмехнулся Герман. — А почему так скромно? Даже без своих спортивных титулов и перечисления наград обошелся!

— Что? Каких еще наград? Кто вы такой?

— Жека, ну ты меня расстроил. Я надеялся, что узнаешь сразу. Это я, Герман. Герман Юдин.

Несколько секунд длилась томительная тишина, от которой даже начало звенеть в ушах.

— Герман?.. — наконец неуверенно переспросил Жека, мгновенно растеряв всю свою серьезность. — Это правда ты?

— А кто же еще.

— Ты почти семь лет на связь не выходил, а тут просто так взял и явился, как из-под земли?

— Ты помнишь, что тогда случилось. Я был вынужден уехать в Сибирь, к родне, и даже номер сменил, — извиняющимся голосом произнес Герман. — Прости, что решил позвонить только сейчас.

— Я ведь тебя искал! — неожиданно взъярился Жека. — Названивал сутками, все твои съемные квартиры обежал, искал через наших общих знакомых! А ты… ты!..

Послышалось натужное пыхтение, будто собеседник Германа сдувался, как воздушный шарик.

— Я все понимаю! Ситуация была, мягко говоря,

отвратная! — через миг продолжил Жека, явно с трудом держа себя в руках. — Но ты мог бы послать мне одно сообщение, хотя бы дать намек, что с тобой все в порядке и ты обустроился на новом месте! А ты исчез, растворился в тумане и обо всех забыл… А что мне было делать?!

— Жека, послушай. Ты сам там был в тот день. Поражение меня буквально уничтожило. Этот бой много значил для меня, для тебя и даже для Игоря, несмотря на его поступок. И я ведь мог там выиграть!..

— Герман, выставленный ими боец был накачан наркотой под завязку! Он бился как чертов берсерк! И ты бы просто лег под ним, и уже никогда не сумел бы подняться, — возразил Жека.

— Они вкололи ему обезбол только перед последним раундом. Когда поняли, что я реально могу уложить его на лопатки. И супервайзер допустил это. Если бы не он, то победа была бы за мной.

— Не один супервайзер. Игорь тоже тогда надеялся, что ты согласишься на сделку. Хотя я уверял его, что титул чемпиона ты просто так не отдашь. Но он не послушался, сделал, как сам хотел.

— Если я когда-нибудь снова с ним встречусь, то разобью ему лицо, — тихо и угрожающе прорычал Герман, ощущая, как давно забытый гнев поднялся в его груди горячей волной.

Сидевший рядом на скамье прохожий в желтом пиджаке заметно вздрогнул и, кажется, даже с опаской поглядел на своего соседа, выпустив в его сторону поток лимонного пара.

— Он, конечно, подлец и крыса, но не будешь же ты отрицать, что его поступок во время боя спас твою жизнь? — Жека прочистил горло.

— Когда твой собственный тренер сливает информацию противнику, а после еще и бросает полотенце на ринг, то это не спасение. Для меня это был позор.

— Если бы он его не бросил, то их боец размазал бы тебя по рингу. За то, что ты не принял условия сделки, что вознамерился защитить свой титул и не сдался, когда тебя толкнули на канаты и отбивали твое бездыханное тело, как кусок мяса.

— Я все равно хотел бы посмотреть Игорю в глаза. Посмотреть, а после поставить по фонарю под каждым. — Герман раздраженно ударил себя кулаком по ноге.

— Игорь уже давно уехал за бугор, — со смешком заметил Жека. — Он на тебя, между прочим, взаимную обиду держал долго. Хотя… Ладно. Это уже не важно. Как ты пропал после боя, кстати, я ведь хотел за ним даже рвануть за границу. Но как-то не сложилось. Жизнь внесла свои коррективы.

— Ты сейчас еще работаешь в сфере? Состоишь у кого-нибудь в команде? — выдохнув и успокоившись, хрипло спросил Герман.

— Да. Катмены всегда востребованы, знаешь ли. А мои руки, можно сказать, золотые.

— Значит, можешь и мне помочь вернуться в бокс по старой дружбе?

— А ты, выходит, отсиделся в Сибири, как медведь в берлоге, и теперь намерен опять ворваться в большой спорт, да, Герман? — Жека цокнул языком. — Как будто это так просто!

Герман заерзал на неудобной лавке.

— Сам подумай, к кому мне еще обратиться? — пробурчал он. — У меня там сестра осталась в Абакане, вдова с ребенком. Ей помогать надо. Отца я схоронил, а сестра гроши зарабатывает на фабрике, так еще и кредит теперь за искусственную почку выплачивает после операции. Я пытался там крутиться: устроился в детский центр, тренером работал. А что толку? Платят все равно мало.

— В Москве деньги тоже не из воздуха берутся, знаешь ли, — ворчливо заметил Жека. — И сам-то как думаешь, много ли сумеет заработать уже немолодой боец, который семь лет отсиживался в стороне, а?

Герман даже возмутился:

— Я тренировки не забрасывал! Каждый день, как положено. И все еще в отличной форме. Восемьдесят семь килограмм, к твоему сведению!

— Ну-ну! Завелся сразу, — хмыкнул Жека.

— Ты мне только прямо скажи, не юли. Сможешь пристроить меня или самому вертеться?

Несколько мгновений собеседник Германа помалкивал, будто что-то подсчитывая в голове, а после нехотя заговорил:

— Шансов пробиться обратно на профессиональную арену мало. И пока ты вернешь себе титул, пока поднимешься в рейтинге… На такое уйдет время. А, я так понимаю, деньги тебе нужны уже сейчас и деньги явно не самые малые.

— У тебя есть какое-то предложение, — проницательно заметил Герман.

— Знаю, что ты не в восторге будешь. Но пока ничего иного подобрать не могу, друг.

— Говори уже, — нетерпеливо поторопил он катмена.

— В городе есть несколько теневых арен. Я могу помочь тебе туда попасть, — понизив голос, прошептал Жека. — Но учти, здесь правила будешь диктовать не ты и не я, а организаторы. Если скажут лечь во втором раунде, то ты ляжешь. Если потребуют накачаться наркотой или устроить шоу на ринге, то у

тебя не будет выбора.

У Германа в горле резко пересохло.

— Но тут и деньги совсем другие, — продолжал нашептывать на ухо катмен. — Можешь хорошо поднять за пару боев, а потом выйти оттуда и найти себе работку поспокойнее.

Герман все продолжал молчать, погрузившись в мрачную задумчивость.

— Алло?.. Алло! Ты на связи еще? Ты слушал меня вообще? — через полминуты возмутился Жека.

— Да, я тут.

— Ну, что скажешь по поводу предложения?

— Знаешь… Наверное, соглашусь, — нехотя выдавил из себя Герман и выдохнул.

— Ха. Кажется, тот бой все же чему-то тебя научил.

— Не издевайся.

— Даже не думал, — серьезно ответил Жека. — Мне тоже все это не по нраву. Еще с тех пор, как Игорь согласился на договорной бой вместо тебя… Но выбирать должен боец, тот, кто пойдет на ринг и будет кулаки сбивать. И если сейчас для тебя важнее деньги, то это правильный выбор…

— Да знаю я все это! — оборвал его Герман. — Не береди душу.

— Как хочешь. Если и правда решишься, то приезжай сегодня к одиннадцати на Бутырский Вал. Там найдешь цеха полиграфического комбината. Один из них заброшен. В нем в полночь и начнется турнир. Я буду на связи, встречу тебя. С организаторами сам договорюсь.

— Бутырский Вал? Это где вообще?

— В Старой Москве. Улица возле станции метро «Савеловская». Там недалеко.

— Ладно, я понял. К одиннадцати буду там.

— До встречи.

Жека оборвал звонок, и Герман тоже нажал на кнопку своего голосмартфона, выключая устройство. Голограмма померкла и исчезла.

«Что я делаю? Почему я согласился на это?» — мелькнула паническая мысль в голове Германа. — «Семь лет назад я поплатился карьерой за свою принципиальность, а теперь готов участвовать в договорных боях ради того, чтобы мне, как облезлому псу, кинули обглоданную кость со стола организаторов и воротил теневого бокса?.. И ведь без этой кости я просто околею с голоду…»

Мужчина в желтом пиджаке, сидевший рядом на лавке, засобирался, пряча вейп в нагрудный карман. Он взял за ручку

свой дипломат и поднялся на ноги, но в последнюю секунду неожиданно закачался, то ли споткнувшись, то ли потеряв равновесие. Его высокая фигура неуклюже упала на Германа, чемоданчик картинно распахнулся, и в воздух взлетела кипа документов, отпечатанных на полупрозрачной пластиковой бумаге. Они медленно осыпались на землю, планируя в воздушных потоках. Пока неосторожный человек пытался подняться на ноги, сыпля извинениями, Герман внезапно почувствовал острую боль в бедре. Но она прошла буквально за секунду.

— Ау! — зашипел он на незнакомца. — Ты что творишь?!

— Простите! Я такой неловкий!

— Убирайся отсюда со своими бумажками, пока я тебя сам из сквера не вышвырнул!

Мужчина наконец принял вертикальное положение и принялся спешно собирать разлетевшиеся документы. Герман с негодованием вгляделся в лицо незнакомца, но оно почти до середины было скрыто за крупными солнечными очками, а губы закрывала густая бородка со спутанными усами. Почему-то именно эта растительность смотрелась на мужчине неестественно, будто ее там не должно было быть. Еще и широкополая старомодная шляпа отбрасывала тень на все лицо, мешая Герману подробнее разглядеть этого странного нелепого человека.

— Еще раз извините меня! Так неудобно вышло! — пролепетал незнакомец, заталкивая последние листы в свой дипломат и спешно защелкивая замок. Углы полупрозрачной бумаги беспорядочно высовывались из чемодана, но их владельца это явно не волновало.

Он коснулся рукой края своей шляпы, картинно прощаясь, будто в старых фильмах, и скорее направился к выходу из сквера.

Герман еще минуту с раздражением смотрел, как мужчина в желтом пиджаке удалялся прочь, потряхивая своим дипломатом, а потом и сам поднялся на ноги.

«Какой суматошный тип!» — промелькнула в его голове запоздалая мысль. — «Этот город будто пронизан спешкой, и люди в нем боятся потери времени больше, чем смерти».

* * *

До самого вечера Герман занимался поисками временного жилья. В конечном итоге ему удалось договориться о койке в одном капсульном общежитие на самой окраине Старой Москвы,

в районе Коптево. Цены, конечно, кусались, и за несколько ночей пришлось авансом внести почти все мультивалютные доллары, что у Германа остались после Сибири. И теперь ему или пришлось бы перебиваться подножным кормом без работы какое-то время, или же волей-неволей выполнять требования организаторов подпольного турнира, чтобы достать денег.

Ближе к одиннадцати часам он уже приехал на станцию «Савеловская». Вышел на поверхность, нервно походил по округе, пытаясь по голосмартфону определить, где находилась нужная ему улица. Чувство легкой нервозности, всегда появлявшееся у него перед очередным боем, вгрызлось в плоть. В горле стоял неясный комок, но Герман старался держать себя в руках и не позволял дурным мыслям лезть в голову.

Раньше на всех боях с ним была команда. Пусть небольшая, но все же команда: верный катмен Жека и рассудительный тренер Игорь. С ними любая схватка казалась детской игрой, потому что когда уверенные в твоей победе люди стоят за пределами ринга, то собственные силы возрастают многократно. А теперь вон как все неудачно сложилось. Игорь эмигрировал, а Жека, хоть и согласился помочь, но сам уже обосновался в чужой команде.

Улица тянулась длинной прямой полосой вдоль кирпичной стены. Приоткрытые ворота Герман заметил не сразу. За ними располагалась широкая неосвещенная парковка, на которой стояло несколько десятков электромобилей. Почти у всех были затонированы стекла, а там, где окна были приоткрыты, Герман видел лишь сосредоточенных мордоворотов в дорогих костюмах. Они, будто цепные псы, маленькими глазками постоянно оглядывали парковку, внимательно изучая каждого, входившего через ворота.

Чуть в стороне стояла одинокая машина скорой помощи с выключенными фарами. Возле нее, прислонившись спиной к водительской дверце, отдыхал один из фельдшеров, куривший тонкую электронную сигарету. Для такого рода мероприятий всегда приглашали медиков и платили им за подобные «дежурства» неплохо, хотя гарантировать выживание избитым бойцам не могла даже хорошая бригада.

Высокое заброшенное здание одного из цехов полиграфического комбината темной громадой нависало над парковкой, и Герман только успел подметить, что через приоткрытые металлические створки падает неровная полоса света, как его кто-то грубо схватил за предплечье.

— Ты еще кто такой? — хмуро спросил бритый налысо мужчина в безукоризненном костюме.

— А ну руки убрал от меня! — сразу же набычился Герман.

— Что здесь делаешь? Это частная территория. Вход не для всех, — громче добавил охранник, рывком разворачивая Германа обратно к выходу с территории.

— Эй-эй! Мужик, постой! — раздался откуда-то со стороны знакомый голос. — Этот на турнир, один из участников!

Жека, весь потный и запыхавшийся, бежал со стороны цеха. Он выглядел почти так же, как Герман его запомнил со времен их последней встречи. Поджарый, с выбритым виском и зализанными на одну сторону темными волосами, в спортивном костюме престижного бренда. И руки в кожаных перчатках. Свои руки он холил и лелеял, всегда держал в тепле и называл исключительно золотыми. Для катмена ловкость и быстрота пальцев были мерилом его мастерства.

— Оставь его, сказано же тебе!

Жека оттолкнул руку вышибалы и блеснул на него злобным взглядом.

— Его только сегодня внесли в списки. Герман Юдин. Хочешь, сам проверь! — прикрикнул катмен.

Охранник молча запустил руку в свой нагрудный карман и достал помятые скрепленные листы. Он долго и внимательно их изучал и только после удовлетворенно кивнул:

— И правда есть такой. Ладно, пусть проходит. Сам его провожай тогда.

— Без тебя разберусь! — бросил Жека и скорее, схватив Германа за локоть, повел его в сторону входа в заброшенный цех.

— Слушай, да ты совсем как прежде, — усмехнулся Герман. — Успеваешь быть одновременно во всех местах.

— Ох, и не говори, — вздохнул катмен. — Весь вечер ношусь, как гончая, от организаторов до своей команды. Еще тебя все ждал на пропускном! Тут на минуту отошел и на тебе!.. Сразу же эти безмозглые громилы полезли.

Жека неожиданно замер на месте и развернулся лицом к Герману.

— Черт, что же это я делаю? Я ведь тебя даже не поприветствовал нормально!

Он крепко обнял Германа, постучав его по спине своей ладонью в перчатке.

— С возвращением в Москву, друг! Рад, что свиделись! — Катмен расцвел в широкой улыбке, отстраняясь. — Прости, что все так сумбурно. Но по-иному не могу, сам знаешь.

— Как не знать! — Герман хохотнул и тоже пару раз похлопал старого знакомого по плечу.

В глазах каждого из них читался восторг от того, что спустя семь лет и множество трудностей судьба снова свела давнишних

друзей вместе.

— Пойдем, я тебе все покажу, объясню пока, — проговорил Жека. — А то еще надо успеть моего бойца подготовить к бою.

— Веди.

Жека первым шагнул в приоткрытые створки металлических ворот, Герман послушно последовал за ним. В лицо ему ударил запах пыли и отвратительная сладкая смесь ароматического пара вейпов. В помещении было тесно, а высокий потолок зала угрожающе давил своими сводами на головы всех собравшихся. Людей было много: от разряженных модных франтов в брендовой одежде и с целым штатом охраны до щуплых официантов, сновавших в толпе с подносами шампанского. То там, то здесь мелькали бойцы: накаченные сосредоточенные амбалы, жилистые атлеты, поигрывавшие скулами, и невзрачные юноши, больше походившие на подростков. Кто-то выслушивал наставления своих тренеров и друзей, кто-то разминался перед боем, другие, не моргая, глядели в пол, пытаясь справиться с напряжением.

Посреди зала высился привезенный боксерский ринг, ярким пятном выделяясь в холодном свете софитов. Он пока что пустовал, но скоро его поверхность должна была расцвести пятнами крови и пота бойцов.

Жека завел друга в отдельное помещение, которое отвели под общую раздевалку. Там был поставлен десяток лавок и беспорядочно валялись брошенные сумки, вещи и обувь. Несколько мужчин переодевались, не глядя друг на друга, кто-то из бойцов бинтовал руки и натирал себе лицо особыми мазями, позволявшими коже меньше травмироваться.

Неторопливо раздевшись и натянув свои красные боксерские шорты, Герман упал обратно на лавку и выжидательно взглянул на Жеку, который стоял чуть в стороне.

— Смотрю, форму ты и правда не растерял, — проронил тот и приблизился.

— Говорю же, тренируюсь, как прежде.

— Это правильно. — Жека присел возле друга и стянул с рук перчатки, блеснув небольшим золотым перстнем на мизинце. — Как общее самочувствие?

Он достал из кармана медицинский фонарик и посветил в глаза Герману, наблюдая за реакцией зрачков. После положил пальцы на его запястье и принялся отсчитывать пульс.

Герман в это время внимательно прислушивался к собственному организму. В целом его состояние можно было назвать удовлетворительным, но была где-то на грани сознания досадная слабость, терзавшая его тело уже половину дня. Он сразу после обеда заметил свое странное самочувствие, которое

можно было объяснить разве что дурным качеством привокзальной шаурмы, но так как иных симптомов, кроме легкой слабости, не было, то Герман отмахнулся от этой проблемы и предпочел ее игнорировать. Вот и сейчас катмен спрашивал о его состоянии, а врать медику не хотелось. Но был ли резон беспокоиться из-за незначительного упадка сил?

— Я в порядке, — решительно ответил Герман, подумав, что на один бой его сил точно хватит.

— Пульс чуть повышен, но в пределах нормы. Волнуешься что ли?

— Ты мне так и не объяснил, что сегодня будет.

Цокнув языком, Жека кивнул, признавая свою промашку. Он выудил из кармана маленькую баночку вазелина и принялся размазывать его по лицу Германа, негромко объясняя ему правила подпольной арены:

— Сегодня здесь состоится отборочный турнир. Куча новичков самых разных направлений, от бывших спецназовцев до мастеров спорта. Тут и каратисты, и борцы, и боксеры — всех в одну кашу. Их около сотни человек, после жеребьевки начнутся схватки, не больше пяти минут на каждую пару, поэтому месиво будет жесткое. Лучшую десятку организаторы проведут дальше, введут в таблицу рейтинга и допустят к следующим турнирам, где деньги будут уже крупнее.

Покончив с мазью, Жека тщательно обтер свои пальцы и забрал у Германа из сумки заранее подготовленные бинты. Он тщательно и неторопливо начал обматывать запястья друга.

— Левую, как обычно, затяну чуть туже, — предупредил Жека.

— Валяй. Так что там дальше с турниром? Я тоже попал на отборочные?

— Нет. Мне удалось выставить тебя как опытного бойца, еще и твоим титулом козырнуть. Организатор сказал мне, что ваш бой с его человеком пройдет в перерыве между отборочными схватками. Без рейтинга, без продолжения. Просто один поединок двух профессионалов для развлечения публики. Со ставками и без перчаток.

— Без перчаток? — переспросил Герман, вздернув брови.

— Без них, — подтвердил Жека, не отрываясь от бинтования.

— Этот их боец-то хотя бы какой весовой категории? Он боксер или кто вообще?

— А черт его знает. Я видел его сегодня мельком. Эдакая гора мяса…

— И как ты мне прикажешь его нокаутировать? — с легким возмущением спросил Герман.

— А тебе и не нужно будет нокаутировать его, — раздался со сторон входа в раздевалку чей-то гнусавый хрипловатый голос.

На пороге стоял невысокий смуглый мужчина средних лет. Его выразительные черты лица явно принадлежали выходцу из Средней Азии: густые черные брови, массивный нос и темные глаза. Впечатление от волевого профиля портила лишь лысеющая голова. Да и отвисшее круглое брюшко, которое едва сдерживал туго затянутый ремень брюк, тоже не выглядело слишком уж представительным. Цветастая полосатая рубашка плотно натянулась на его животе, вот-вот угрожая лопнуть, но человека это совсем не тревожило. Он держал зубами во рту оформленную под старину электронную курительную трубку с деревянным корпусом и внимательно разглядывал Германа своими маленькими глазками.

— Как это не надо? Ты кто еще такой? — не сразу догадался Герман.

Жека незаметно пнул его в коленку, едва слышно прошептав:

— Это организатор…

— Все верно, — чуть повысив голос, подтвердил мужчина, лениво делая несколько шагов вперед. — Я — организатор этого турнира, его король и судья, полноправный хозяин. И твой, кстати, тоже, Герман… Герман ведь, не так ли?

Скорее закрепив край бинта, Жека спешно поднялся с колен и отступил к стене, замерев там. Из раздевалки вдруг как ветром сдуло всех бойцов, которые переодевались.

Герман проводил убегавших людей удивленным взглядом и чуть свысока посмотрел на своего непосредственного работодателя, который никакого особенного уважения у него не вызывал.

— Он самый. Вот только я попросил бы тебя воздержаться от подобных заявлений. Ты мне не хозяин, да и я тебе не раб и не шавка какая-то, — ответил Герман, тщательно контролируя свой голос. — А если хочешь по-человечески общаться со мной, то для начала представься сам.

Толстяк беззвучно засмеялся, а его брюхо мелко затряслось.

— Ишь какой борзый нахал сыскался!..

Еще несколько секунд он посмеивался, после крепко затянулся паром и резко выдохнул его в сторону, наполнив помещение импровизированной раздевалки какой-то сладковатой вонью, наподобие жевательной резинки или сахарной ваты. И, стоило пару рассеяться, Герман увидел, что лицо организатора посерьезнело.

— Меня принято называть Золтан Султан. И я советую тебе хорошенько запомнить, что Султан не терпит неповиновения.

Если ты рискнул прийти на мою арену, то будь любезен, держи свои капризы при себе. Я гарантирую тебе деньги, а ты выполняешь все, что я скажу. И этого тебе должно быть достаточно. Я понятно выражаюсь?..

Не ожидая подобного желчного тона, в котором сквозила неприкрытая угроза, Герман замешкался, не придумав, что ответить. А тем временем Золтан продолжал говорить:

— Сюда приходят чемпионы, мастера спорта, солдаты и борцы всех мастей. Сбегаются ко мне под крыло как обнищавшие крысы, лишенные всех своих заслуг, и только я могу снова вернуть им славу, возвести на вершину Олимпа и озолотить. Умные люди это понимают. Если ты считаешь себя разумным человеком, то тоже теперь должен осознавать, что грубить мне не стоит.

Герман сглотнул, бросил быстрый взгляд на Жеку. Тот стоял в стороне, вытаращив на друга глаза.

«Он боится этого самоназванного Султана. И, похоже, хочет, чтобы и я тоже вел себя послушно и тихо. Ну, ладно. Поиграем пока что по этим правилам, чтобы не подставлять Жеку».

— Как скажешь.

Золтан скупо улыбнулся, вновь выдувая удушающе сладкий пар.

— Уже лучше. Но все еще недостаточно хорошо… Итак. Сегодня ты не участвуешь в отборочных, а будешь забавлять мою приглашенную публику в перерыве. Думаю, Евгений тебе уже все рассказал.

Не торопясь что-либо отвечать, Герман лишь неопределенно хмыкнул.

— Бой будет против моего человека. Это Коля по кличке Лось. Он такой же боксер, как и ты, хоть и более искушенный в теневом спорте… И ты должен будешь лечь в шестом раунде.

— Лечь? — неверяще переспросил Герман, бестолково заморгав.

— Ты плохо меня расслышал? — Султан явно наслаждался потерянным видом собеседника. — Здесь я выставляю правила. И я решил, что в этом бою ты проиграешь, Лось отправит тебя на канвас в шестом раунде. И ты больше не встанешь, Герман… Хм. Пожалуй, Герман — это не очень подходящее имя для такого местечка. Надо будет подобрать какую-нибудь звучную кличку.

Задумчиво почесав щеку пальцем, Золтан пару мгновений молчал, а после победно воскликнул:

— Медноголовый!

— Почему так? — тихо спросил Герман.

— Тебе не все равно? — поинтересовался Султан и

развернулся к выходу. — Готовься к выходу, Медноголовый. Скоро тебе предстоит болезненное падение.

Глава вторая
Болезненное падение

В воздухе над рингом кружили дроны и коптеры самых различных видов, большинство из них записывало бои или же транслировало крупные планы схваток на стены зала, чтобы собравшиеся зрители могли наблюдать проекции взмокших бойцов со всех ракурсов. Рефери в белоснежной рубашке, уже забрызганной каплями чужой крови, только и успевал объявлять имена и прозвища. Прибывшие на отбор новички один за другим с какой-то затаенной надеждой в глазах поднимались на ринг и набрасывались на своих противников, стремясь в сжатые сроки нанести как можно больше тяжелых оглушительных ударов.

Весь воздух заброшенного цеха был пронизан запахом пота и, казалось, что даже разодетые в шикарные костюмы и платья зрители, с огнем в глазах наблюдавшие за кровавой бойней, уже насквозь пропитались этой вонью. И даже пар вейпов и аромат духов не перебивал ее.

— Давай! Пора! — Жека торопливо запихнул в рот Герману капу и двинулся вперед сквозь толпу, освобождая дорогу к рингу для своего друга.

Нырнув под канат, Герман легко вскочил на площадку. Яркий свет прожекторов и лучи дронов на секунду резанули по глазам, но зрение почти сразу же восстановилось.

Десятки взглядов были устремлены на его массивную фигуру. Кто-то что-то выкрикивал про ставки, другие спешно включали голосмартфоны в надежде заснять себе на память минуты боя двух профессионалов. Герман сжал свои забинтованные кулаки, ощущая, как по телу медленно растекается старая давно позабытая нега — волнение перед грядущим боем, смешанное с обжигающим желанием скорее нанести первый удар по противнику. Единственным, что мешало его настрою в ту минуту, был голод. Какой-то неожиданно сильный и появившийся совершенно ни к месту. Но Герман пытался на него не отвлекаться, думая только о предстоявшем сражении.

Жека, сосредоточенный и необыкновенно бледный, потирал свои холеные ладони и то и дело поправлял браслеты на запястьях, где уже были подготовлены ватные палочки, диски и лекарства.

Перескочив через канат, на ринге появился Лось, который, как и говорил катмен, оказался достаточно высоким и крепким бойцом. Его широкий корпус без талии был покрыт буграми

вздувшихся мышц. Необъятная шея, напоминавшая бычью, была увенчана гладко выбритой и идеально круглой головой, которую пересекали белые полоски старых шрамов на лбу и за ушами.

С Лосем была целая команда помощников: два тренера, катмен, какой-то молодой паренек на побегушках. Но когда на ринге под светом софитов остались только сами бойцы и рефери, Герман подумал, что количество секундантов не так уж и важно. Ведь на самой площадке они ничем не могли помочь боксеру. Пусть за спиной Лося стояла большая команда, но на ринге было место только его навыкам и стойкости.

— Дамы и господа! В перерыве между отборочными боями на ваших глазах будет проведена особенная схватка! — громогласно объявил судья.

Лось криво оскалился в сторону своего противника и презрительно сощурил глаза.

«Он уже празднует победу», — с досадой подумал Герман, стиснув зубами капу. — «Козел!»

— Бокс без перчаток между двумя профессиональными спортсменами! В правом углу ринга Николай Огарев по прозвищу Лось! Действующий чемпион Европы по боксу в супертяжелом весе!

Лось вскинул над головой свои обмотанные кулаки и затряс ими под бурные аплодисменты толпы. Его здесь явно знали и любили. Герман мельком разглядел в толпе лысеющую голову Султана: Золтан стоял в самом центре небольшой группы приглашенных гостей, судя по всему, довольно богатых и важных, и с гордостью указывал на Лося, игравшего мускулами на публику.

— В левом углу ринга Герман Юдин по прозвищу Медноголовый! Бывший чемпион СНГ и славянских стран в первом тяжелом весе!

Достаточно сухо поприветствовав публику вскинутым подбородком, Герман нетерпеливо приблизился к своему противнику и обменялся с ним крепким рукопожатием.

— Я тебя по рингу размажу, сопляк, — шепнул ему Лось.

Они встали в стойку напротив друг друга, напряженные и собранные. Прозвучал гонг, и практически сразу же Лось сделал уверенный выпад вперед, целясь противнику четко в глаз. Второй его кулак уже метил под ребра, быстрый и неизбежный, как смертельный выстрел. Герман оценил ситуацию мгновенно. Его противник не зря носил свое прозвище: его действия были сильными и пробивными, на любезности Лось не разменивался, а с первых секунд предпочитал выкладываться на полную, не сдерживая себя. Герман прикрылся от ударов и сразу же

заблокировал серию следующих. Сам атаковать он пока не решался.

Зал встретил выпад Лося криками одобрения и восхищения. Публика желала увидеть кровавую расправу над новым бойцом на теневой арене.

Герман раз за разом уходил от ударов, внимательно изучая тактику своего противника, превосходившего его по весу и, возможно, даже по опыту. По крайней мере, в подобных боях с особыми условиями уж точно. Но какой бы уверенностью и непоколебимостью не сквозило от всей фигуры Лося, на самом деле Герман достаточно быстро пришел к выводу, что его соперник лишь попусту расточал свою энергию, надеясь в кратчайшие сроки нанести как можно больше повреждений противнику на потеху публике. Он помнил, что бой должен был завершиться на шестом раунде, а, значит, копить силы не было смысла.

И Германа это чертовски злило. Что его даже не воспринимали всерьез, что Лосю важно было лишь потянуть время, обойдясь без глубокого нокаута.

Весь первый раунд Лось наступал без передышек, его крепкие кулаки постоянно мелькали возле лица Германа, превратившись в сплошной вихрь ударов. Этот ослепительный по своей силе натиск, вызывавший у публики невольные возгласы ликования, казался настоящей симфонией ярости и мощи. И Герман мог лишь терпеливо сдерживать его, блокируя и прикрываясь, ритмично подныривая под удары и вовремя уходя с траектории, он то и дело входил в клинч, наваливаясь на Лося всем своим телом, но судья всякий раз прерывал эти объятья, больше походившие на тиски.

Едва раунд окончился и Герман оказался в своем углу, Жека уже обмахивал его полотенцем и внимательным цепким взглядом скользил по вспотевшему лицу друга, выискивая повреждения.

— Если ты не будешь драться, а уйдешь в глухую защиту, то Султан может понизить твой гонорар, — быстро проговорил катмен. — Им нужен бой.

Герман принял к сведению эту информацию, но промолчал. Он поддел языком капу, вытолкнув ее изо рта, и жадно дышал, наслаждаясь краткими секундами отдыха.

Гонг возвестил о начале нового раунда, и бойцы двинулись друг другу навстречу из своих углов.

Решив повторить прошлый свой успех, Лось сразу же бросился в наступление. Еще не уставший от собственного бешеного темпа, он обрушил на противника град ударов, по своей силе сравнимых лишь с взрывами бомб. Он беспечно растрачивал

силы организма на отскоки, прыжки и тяжелые замахи, иногда демонстративно разворачиваясь к гудевшей толпе или снимавшим ринг дронам и улыбаясь, либо же начиная махать руками, чтобы завести зрителей.

В один из таких моментов Герману даже удалось подловить невнимательного противника и наказать его за подобное неуважение к сопернику: он успел произвести несколько несильных, но весьма болезненных ударов по корпусу и печени. Толпа взвыла, захлебываясь от восторга. И их внимание сразу же переключилось на медлительного и тихого Германа, который впервые решился ответить самоуверенному Лосю. В осторожных храбрецов и смелых дураков людям почему-то всегда верилось охотнее во все времена.

Третий раунд начался так же, как и предыдущие, хоть было и некоторое отличие. И его почувствовали все, кто находился в зале. Лось больше не рисковал отвлекаться по сторонам, он не сводил взгляд с соперника, и Герман не стал его разочаровывать. Он постоянно выдерживал близкую дистанцию, став гораздо стремительнее двигаться и уворачиваться от ударов. Теперь и он сам не гнушался раз в десяток секунд произвести пару опасных выпадов, пробуя на зуб защиту противника.

Однако самое ошеломительное произошло уже ближе к концу раунда, когда отсчет шел на последние секунды. Лось беззаботно и совершенно самонадеянно раскрылся, не ожидая, что Герман попытается атаковать его в заключительный миг. Но он не упустил подобной возможности, и его кулак стремительным жалом взмыл в воздух, метясь точно в челюсть. Никто бы не посмел в тот момент остановить Германа или хоть как-то закрыться от его удара. Он вложил в свой хук всю силу, копившуюся с самого первого раунда, всю злость за несправедливость этого подставного боя и обиду на своего легкомысленного противника, который не воспринимал его как серьезного бойца.

Бинтованные костяшки врезались в щеку, смещая челюсть и отправляя Лося прямо на канвас. Он тяжело повалился на пол, будто безвольный мешок, набитый мясом, и несколько секунд не мог подняться, то ли от боли, то ли от растерянности, овладевшей им.

Зато этот удар очень пришелся по душе публике, которая впервые сумела разглядеть в Германе настоящую угрозу.

Пока судья отсчитывал секунды, Лось восстанавливал силы, замерев на одном колене. Его глаза медленно наливались кровью, и, стоило закончиться счету, как разъяренный боец уже вскочил на ноги. И почти сразу же гонг возвестил об окончании раунда.

«Теперь он из кожи вон будет лезть, чтобы нанести мне ответный удар», — мелькнула беспокойная мысль в голове Германа.

Весь четвертый раунд больше походил на ад. Лось наступал на своего противника, как локомотив, неустанно и угрожающе. О защите он позабыл вовсе и лишь теснил и теснил соперника, без жалости избивая его своими каменными кулаками, оставляя на коже синяки и заставляя Германа практически все время концентрироваться только на крепости собственной защиты и на превозмогании боли.

Медноголовому приходилось нелегко. И раз за разом он начинал пропускать удары, то попадаясь на ложные выпады, то не успевая вовремя нырнуть под кулак. Люди за пределами ринга неистово призывали Германа ответить на унижение мощным хуком, но он их не слушал. Он вообще давно уже пожалел, что рискнул тогда нанести этот меткий удар и так разгневать соперника.

Руки Лося мелькали в воздухе, снова и снова обрушивая на Германа всю свою силу. Уже казалось, что избежать их было невозможно, и только сэкономленная в первых раундах энергия давала Герману надежду продержаться как можно дольше на ногах.

— Будь аккуратнее, — в перерыве между ударами гонга предупредил Жека, прикладывая к разбухавшей щеке друга прохладный металл боксерского утюжка. — Ты его не на шутку разозлил. Мне бы хотелось, чтобы ты сошел с ринга с деньгами на счету и без проломленного черепа.

Сидя в своем углу и поглядывая на Лося, старательно выслушивавшего советы одного из тренеров, Герман думал лишь о том, что до рокового падения оставалось два раунда. И вся его натура, подлинная природа борца, кричала о злостной несправедливости подобной судьбы. Он не желал проигрывать, не хотел отдавать почет и гонорар победителя в руки этому бестолковому громиле. Но если он надеялся помочь своей погрязшей в долгах сестре и сам встать на ноги в Москве, то иного выбора просто не было. Гордыню следовало заглушить, а лучше вообще запереть за семью замками на ближайшие месяцы.

Звякнул гонг, и Герман в тот же миг оказался на ногах. Лось поприветствовал его серией ударов в корпус, и практически сразу же начал выцеливать голову соперника. Герман первую минуту уверенно парировал эти атаки, отвечая прямыми ударами левой в челюсть и лицо противника, но Лось достаточно быстро выставил защиту на эту сторону, став вести себя куда осторожнее и осмотрительнее.

Середина раунда затянулась, но преимущество теперь полностью принадлежало Лосю, который ни на секунду не позволял Герману отдыхать. Медноголовый постоянно смещался назад, уворачиваясь от боковых и апперкотов. Из колеи его выбил один единственный низкий удар в область резинки от шорт, который просто невозможно было предугадать заранее. И после него положение Германа становилось только хуже с каждой секундой: несколько раз он сильно получил по голове и уже был близок к потере сознания. Каждый раз черный туман медленно заволакивал глаза, отступая неохотно, будто тягучая смола.

Лось тоже чувствовал оглушенное состояние Германа и, очевидно, желая потешить собственное самолюбие, захотел перед последним раундом совершенно ослабить соперника. В какой-то момент он, полностью сосредоточив внимание Германа на своей левой руке, легко и стремительно сдвинулся назад всего на полшага и практически сразу же нанес сокрушительный апперкот правой. Удар пришелся точно по лицу из-за того, что Герман мгновение назад наклонился. Крепкий, как кувалда, кулак Лося отбросил его кверху, выбив капу изо рта. Безвольное тело с грохотом обрушилось на пол ринга, а зрители взревели.

Но Герман не слышал ни восторженных криков, ни рукоплесканий. На миг его взгляд потух, и он потерял из виду весь зал, публику и даже своего противника. Тяжелая пелена забвения рухнула на его голову.

— Пять! Шесть! Семь! — отсчитывал где-то над ухом судья.

И именно этот счет привел Германа в чувство. Он скорее оперся на колено и с последней секундой поднялся на обе ноги. Голова была как чугунный колокол, пустая и заходившаяся гулким звоном от любого звука.

Насмешливый взгляд Лося Герман разглядел сразу, почувствовал поднявшийся в груди гнев и бросился в атаку. Они вошли в клинч, навалившись друг на друга и с силой ударившись плечами в ребра противнику. Сжали друг друга в удушающих медвежьих объятьях.

— Брейк! — грубо оттолкнул их рефери в разные стороны.

И практически сразу же раздался гонг, возвещавший об окончании раунда.

Без сил упав на стул в своем углу, Герман вытянул гудевшие ноги и раскинул руки на канаты, дыша тяжело и глубоко. Вокруг суетился Жека, молча и быстро выполняя свою работу.

Среди всех прочих повреждений и припухлостей именно разбитая губа почему-то доставляла Герману наибольший дискомфорт. Она сильно кровила, и этот солоноватый металлический вкус, наполнявший рот, сперва заставлял

Медноголового морщиться, но в один момент все неожиданно изменилось. Кровь продолжала смешиваться со слюной, она растекалась по небу, обволакивала горло, и Герман вдруг почувствовал, что впервые за многие годы ее вкус пришелся ему по душе. Это был пикантный и терпкий вкус. Он все так же без движения сидел в своем углу, смакуя собственную кровь, как какое-то экзотическое блюдо, и подмечая странные изменения. Голод, терзавший его с самого начала боя, отступил на задний план, голова перестала гудеть и туман перед глазами окончательно развеялся. Он ощущал, как его руки наливались непонятно откуда взявшейся силой.

— Вперед! — катмен сунул в рот другу запасную капу и соскочил с ринга.

Начался шестой раунд, который должен был стать последним в этом бою.

Но Герман, все еще пребывавший под впечатлением от той энергии, что наполнила его уставший организм после нескольких глотков соленой крови, не торопился сближаться с противником.

Капа разберединила края раны, и новые капли попали на язык Германа.

«Я должен сосредоточиться. Не время отвлекаться на странности», — мысленно одернул себя мужчина. — «Надо аккуратно и чисто завершить раунд. Нельзя, чтобы вышло как в тот раз…»

И стоило ему подумать о финальном бое в своей карьере, с которого минуло уже целых семь лет, как перед глазами вдруг неожиданно ярко замелькали картинки из прошлого. Память услужливо демонстрировала сочные и живые воспоминания, будто проектор. Герман на секунду обомлел, когда сознание изменило ему и в суматохе боя вместо Лося он разглядел силуэт своего последнего противника на профессиональной арене.

Подтянутая фигура Леонтия Гаврилова выступила из пелены воспоминаний на ринг, будто оживший кошмар. Он постучал боксерскими перчатками друг о друга и встал в стойку.

Это был бой за защиту титула чемпиона стран СНГ и славянских стран. Герман готовился к нему основательно, каждый день отрабатывая с Игорем защиту от коронного левого хука Гаврилова, который начинался как прямой удар и в последний момент заменялся на хук. Тренер говорил, что именно выработка молниеносного рефлекса могла спасти в этом случае. И Герман усердно оттачивал навыки: всегда старался прикрывать подбородок, подавлял реакцию на защиту головы.

И в самый вечер перед поединком Игорь неожиданно отвел Германа в сторону, предложив ему на следующий день проиграть

бой.

— Ты уже получил свой титул, достаточно за него поборолся. Отдай его теперь Гаврилову, — серьезно посоветовал тренер. — Нам очень хорошо заплатят. Я подчеркиваю. Очень!

У Германа в голове ясно звучало каждое слово Игоря, будто они вновь стояли напротив друг друга тогда, семь лет назад. Конечно, он отказал. Грубо и гневно. Потому что тогда для Германа о подобном подставном бое не могло быть и речи.

И на следующий день он скрестил перчатки с Гавриловым, не намереваясь сдаваться. Но все уже решили за него. Если бы Леонтий сам не уложил Германа спиной на ринг, то ему бы помогли. А практически так и вышло. Перед последним раундом Гаврилову тайком вкололи конскую дозу обезболивающего, из-за которого пробить его становилось большой проблемой. А вот Герман, избитый и уставший, не имел никакой поддержки, и потому коронный левый хук все же добрался до него, несмотря на все отработанные приемы защиты. Просто потому, что Игорь спокойно и хладнокровно слил команде противника информацию обо всех тренировках перед боем.

Герман вздрогнул, когда воспоминания перед глазами помутились, прервавшись на несколько мгновений. Провал в памяти. Тогда он провалялся на ринге без сознания секунд семь, но поднялся с твердым намерением нокаутировать Гаврилова после подобного унижения. Вот только белое полотенце, брошенное тренером на пол, оборвало и его надежду на победу и погребло под собой все планы.

Все уже было решено за него.

Стоявшая во рту кровь неожиданно будто вскипела. Та кровь, что была на губах Германа семь лет назад, когда он позорно проиграл, и та же кровь, что теперь он должен был послушно сглатывать, поддаваясь своему противнику.

«Когда уже я сам начну что-то решать в своей жизни?!»

Разлившая по телу энергия клокотала внутри него: дрожали мышцы и нервы, казалось, из кончиков пальцев даже выстреливали настоящие разряды. Это была сила, никогда прежде не пробуждавшаяся в нем. Но теперь она рвалась наружу, желая выплеснуться волной яростного гнева.

Вихрем ударов Герман набросился на Лося, позабыв обо всем на свете. В его голове билась единственная мысль, и она была только о победе. Он не желал сдаваться, не желал слышать улюлюканья публики в свой адрес.

Не давая возможности противнику сменить стойку или отдышаться в клинче, Герман осыпал Лося сериями безостановочных ударов: прямые и боковые, длинные и короткие,

удары снизу, в голову и туловище. Он раз за разом отбрасывал соперника на канаты, растрачивая всю энергию тела на этот стремительный и неудержимый натиск.

— Медноголовый! Давай! Бей! — вопили все собравшиеся в зале люди.

Силы не иссякали, будто какая-то вечная батарейка внутри Германа не позволяла ему прекратить это жестокое и безумное избиение. А стоявший в воздухе металлический запах крови, своей и чужой, пьянил, будоражил и заставлял вдыхать его полной грудью, как наркотический пар.

Едва державшийся на ногах Лось, упрямо продолжавший бороться, с удивлением и страхом поглядывал на своего противника через узкие щелочки опухших век. Он не мог понять, что происходило и почему его, победителя, так чудовищно и беспрецедентно избивали на глазах у всех.

— Лось! Вали его, наконец! — раздался где-то в отдалении разъяренный крик Султана.

И именно эта фраза ворвалась в сознание Германа как поток прохладного воздуха. Нельзя было больше растрачивать драгоценное время раунда.

Он сократил расстояние между собой и соперником до минимума и, вложив всю внутреннюю мощь в кулаки, нанес два последних решающих удара один за другим. Первый пришелся в солнечное сплетение, промяв под собой влажную от пота кожу, второй был направлен четко в челюсть. Эти рекордные по своей силе удары с грохотом опрокинули габаритного Лося на канвас, приложив головой и плечами об пол.

И хоть тело его еще подрагивало, но сознание явно еще нескоро должно было вернуться к поверженному бойцу.

Над ним склонился рефери, отсчитывавший роковые секунды. Но Лось даже не двигался, и из его раскрытого рта не вырывалось ни единого звука. После таких ударов не каждый мог подняться.

Герман почувствовал ледяную волну страха, пронесшуюся по его телу за мгновение и отрезвившую разум, подернутый какой-то кровавой пеленой ярости.

«Что же я натворил?» — с ужасом подумал он и поймал обеспокоенный взгляд Жеки, который схватился побелевшими пальцами за край ринга и, казалось, даже дышать перестал.

— Медноголовый побеждает в этом бою! — раскатисто воскликнул судья. И практически сразу же его голос потонул в криках и возгласах ликовавшей публики.

Катмен выскочил на ринг, грубо схватив за запястье Германа, который покорно подчинился другу, и, расталкивая толпу,

протащил его до самой раздевалки. Им не давали прохода, требуя сфотографироваться на голосмартфон или отдать пропитанные кровью и потом бинты, но Жека сердито распихивал людей.

Едва оказавшись в тесной комнате, он первым делом бросил в Германа его сумку с одеждой и вещами.

— Живо! Накинь что-нибудь и уходи отсюда! — зачастил Жека. — За эту победу Султан обязательно захочет с тобой поквитаться!

Он вытащил из кармана штанов узкий нож и резким движением срезал с рук Германа бинты, освобождая его сбитые кулаки.

— Что на тебя вообще нашло?! Ты ведь должен был лечь в шестом раунде!

— Это уже не так важно. Что ты будешь делать? Тоже в бега бросишься? — торопливо спросил Герман, накидывая на тело свою кожаную куртку.

— У меня здесь команда и боец! Я не могу их бросить!

Жека быстрее вытолкал Германа из раздевалки обратно в нутро провонявшего потом и паром зала. Он вел его к выходу, оглядываясь по сторонам и лавируя в толпе. Сейчас встретиться нос к носу с озлобленным Золтаном было бы не самым хорошим вариантом.

Уже практически у самых металлических створок Герман неосторожно столкнулся с каким-то мужчиной в желтом. Тот упал на пол, опрокинув нескольких стоявших рядом гостей. И Герман было протянул руку, чтобы помочь подняться этому смутно знакомому типу, но Жека нетерпеливо дернул его за рукав:

— Тебе что, жить надоело?! Поторопись!

Герман так и вылетел вместе с другом из заброшенного цеха сжимая в руках свою сумку и не оглядываясь назад. Пробежав через весь двор под взглядами отдыхавших на улице гостей, они выскочили через ворота на улицу. И только тогда Жека остановился, развернувшись лицом к Герману.

— Уезжай из города сегодня же. Мне не говори, куда собрался. И номер лучше опять смени, — приглушенно заговорил катмен.

— Он же тебя убьет, Жека.

— Обо мне не беспокойся. У меня в городе есть связи, есть, куда податься и где затаиться.

— И все же…

— Уезжай, Герман. — Катмен крепко сжал запястье друга, прощаясь. — Рад был тебя видеть, пусть и на такой краткий промежуток. Береги себя.

Он развернулся и бегом поспешил обратно в сторону арены,

откуда доносился шум голосов и чьи-то отдельные выкрики. Герман несколько секунд смотрел вслед своему верному другу, а после и сам быстрым шагом направился вдоль по улице, прочь от этого места, прочь от собственного триумфа и денег, которые ему полагались за бой.

Наверное, со стороны он очень странно выглядел в тот момент: с опухшим избитым лицом, покрасневшими кулаками, в продуваемых ветром ярко-красных боксерских шортах и наглухо застегнутой кожаной куртке. Но людей на улице в такое позднее время уже совсем не было, и Герман мог не волноваться, что его примут за какого-нибудь маньяка или бомжа.

Ему хотелось затеряться на городских улицах, остаться наедине со своими мыслями и обдумать все пережитое на ринге. Засунув руку в карман куртки, Герман достал компактную упаковку сбалансированного питания, которое купил еще по дороге на бой в каком-то автомате. Надо было что-нибудь пожевать, чтобы восстановить потраченную в схватке энергию. Надкусив коричневый батончик и прожевав его, он поморщился.

«Фу! Какая гадость! Да как это есть можно?»

На вкус батончик напоминал гниль, и Герману очень хотелось выбросить его, но профессиональный спортсмен в нем упрямо твердил, что надо было вернуть потраченные калории. С трудом дожевав до конца содержимое упаковки и проглотив его, Герман едва сдержал рвотный позыв.

Высокая кирпичная стена неожиданно закончилась, мелькнули последние здания ангаров и цехов, и вперед до самого конца улицы потянулась сетка с металлическими опорами. За ней пролегали пути старой железной дороги, и Герман, отогнув один из краев латаной-перелатаной сетки, пролез в проделанную дыру.

Судя по количеству сорняков между шпалами, поезда здесь ходили не особенно часто, и мужчина пружинящей походкой двинулся вдоль железной дороги, поглядывая на небо. Облака и тучи над городом разогнали каким-то химическим составом в преддверии очередного государственного праздника, и теперь чистое звездное небо и изогнутый месяц освещали Старую Москву.

Герман все пытался объяснить самому себе, что же с ним произошло в шестом раунде, когда вкус собственной крови так неожиданно повлиял на его состояние и на несколько минут помутил разум, но все его предположения казались фантастическими. Старые воспоминания пробудились в самый неподходящий момент, чтобы взять власть над ним. И теперь выигранный бой повлек за собой множество проблем, хоть некоторую толику удовлетворения Герман все же испытывал.

Он ухмыльнулся, припомнив выражение лица Лося прямо перед решающим ударом в челюсть. Это была смесь детской обиды и удивления.

«Именно ради подобных моментов и стоит иногда выходить на ринг».

Хотя теперь его опять ждали годы изгнания. Надо было уезжать из Старой Москвы, снова менять номер и прятаться где-нибудь на съемных квартирах или же возвращаться к сестре в Абакан. Там, по крайней мере, можно было рассчитывать на сочувствие и поддержку. А здесь его непременно бы достали из-под земли.

Неожиданно у Германа скрутило желудок в жесточайшей судороге, и его вырвало прямо себе под ноги коричневатой массой только что съеденного батончика. Несколько минут боксер пытался прочистить горло от жгучей пленки желчи и выплюнуть все непереварившиеся куски, застрявшие в глотке. Он кашлял и плевался, пока его не вырвало второй раз. Желудок, окончательно опустевший и все еще сжимавшийся в болезненных сокращениях, казался тяжелым камнем.

«Все же с этим батончиком явно что-то было не так. Вот отсюда и этот гнилой вкус!»

За сеткой, со стороны дороги, раздался звук машины, ехавшей на высокой скорости. Черный вытянутый электромобиль промчался мимо, но вдруг в последнюю минуту затормозил. Дверь распахнулась и оттуда показался громила в костюме, который указывал кому-то на Германа, еще сидевшего на корточках возле железной дороги и приходившего в себя.

— Это он!

— Взять его немедленно! — послышался чей-то приказ с пассажирского сиденья.

Водитель бросился к сетке, схватив ее пальцами и пытаясь разорвать или сорвать с опор. А Герман, у которого дыхание перехватило от нахлынувшего волнения, скорее вскочил на ноги и побежал вдоль путей как можно дальше от места, где его заметили.

— Идиот! Он сейчас уйдет! — крикнул кто-то из машины. — Тарань забор!

Запрыгнув обратно в электромобиль, громила схватился за руль, так и не захлопнув водительскую дверь. Машина сдала назад и после с ревом свернула в сторону путей, въехав прямо в сетку и сбив несколько металлических столбов. Стекло на двери со звоном разбилось, да и сама она помялась, но электромобиль с сеткой на капоте лишь помчался дальше, не сбавляя скорость. Ослепительный белый свет фар мгновенно выхватил в темноте

бегущую фигуру Германа. Он даже не мог нигде укрыться или перелезть обратно через забор, потому что потерял бы на это драгоценное время. И так и продолжал, как дикий зверь, гнаться вперед без надежды скрыться.

Стоило машине сравняться с боксером, как из окна высунулась рука с электрошоковым пистолетом.

— Ты же не думал, что тебе удастся улизнуть от меня? — громко прокричал Золтан, нацеливая оружие на грудь беглеца.

В последнюю секунду Герман отпрыгнул в сторону, и два шоковых картриджа пролетели мимо, не задев его. Электромобиль резко затормозил, перегородив рельсы. Из распахнувшихся дверей вылезло трое громил, совершенно одинаковых внешне, и неспешно выбрался Султан с зажатым в руке пистолетом.

Он с ленцой сделал несколько шагов вперед, оглядывая Германа, который уперся ладонями в колени и пытался отдышаться после погони.

— В этот раз я уже не промахнусь, — пригрозил Золтан, поигрывая пистолетом. — Ты так быстро сбежал с арены, что мы даже не попрощались толком, Медноголовый.

— Что тебе нужно? — в перерыве между вздохами спросил боксер, чувствуя, как его все еще продолжало мутить после батончика. — Я не хотел валить Лося. Так вышло.

— А должно было выйти так, как я сказал, — сурово припечатал Султан.

— Оставь меня. Я уйду и на ринге больше не появлюсь. Никаких проблем тебе больше не доставлю.

Золтан подошел к Герману вплотную, вглядываясь в его неприглядное разбитое и опухшее лицо. А после приставил пистолет ему к шее.

— Ты уже доставил мне проблем. А теперь хочешь свалить, не заплатив по счетам, значит?

— Я не… — начал было Герман, но Султан ударил его рукоятью пистолета по скуле.

— Молчать! — прикрикнул он. — Слушай меня сюда, Медноголовый! Ты выиграл бой, который не должен был выигрывать, и я потерял большие деньги. Формально, ты украл их у меня. А Султан очень и очень не любит, когда его обкрадывают. Тебе это ясно?

Герман мог лишь едва заметно кивнуть. Он просто отвратительно себя чувствовал из-за этого батончика, желудок все еще продолжал сжиматься, и голова почему-то кружилась, будто во сне. Наверное, после суматошного бега. Впрочем, последствия боя тоже имели место быть, и Герман необыкновенно

четко осознавал, что от этих громил ему не убежать, кулаками их не раскидать, а подставляться под удары тоже казалось плохой затеей. Но состояние его совершенно не улучшалось с каждой минутой.

— И теперь ты должен вернуть мне украденные деньги. А эта хорошенькая такая сумма! Пятьдесят тысяч мультивалютных долларов! Ты четко ее запомнил, Медноголовый, а?

Не сдерживая силу, Золтан пнул Германа по голени. Боксер зашатался, как пьяный, и через миг рухнул на землю.

— Ты должен вернуть мне всю сумму до последнего доллара! И срок я тебе даю неделю! Вертись, как хочешь. Но деньги должны быть у меня через семь дней. Иначе тебе очень не понравятся методы, которыми я выбиваю долги из таких, как ты!

Султан выудил из кармана брюк стопку пластиковых визиток и брезгливо бросил одну из них на землю возле бессильно распластавшегося Германа.

— Свяжешься со мной, как соберешь сумму… И чтобы тебе лучше запомнилась наша сегодняшняя беседа, я вобью ее тебе в память, Медноголовый!

Он отступил на шаг и обратился к своим охранникам.

— Давайте.

Трое амбалов под два метра ростом каждый обступили боксера, угрожающе нависнув над ним. Один снял свой пиджак, другой лишь деловито закатал рукава, а третий, схватив Германа за волосы, приподнял его голову над землей.

И после этого посыпались удары. Лицо ему трогали меньше всего, оно и так было уже до крайности изувечено в бою с Лосем. Били в основном по корпусу и ногам. Печень, почки, ребра, солнечное сплетение, яйца и так по кругу много раз. Один за другим болезненные и сильные удары обрушивались на тело Германа, вбивая его в землю. Сначала он пытался брыкаться, старался руками прикрывать наиболее уязвимые точки, но вскоре один из людей Золтана схватил его запястья и не позволял больше уходить от ударов.

Это было похоже на чудовищную агонию. Боль. Боль. И ничего кроме боли.

Там, на ринге, все всегда было в пределах правил. И он привык к этому. Но здесь, в жизни, запреты растворялись в звериной жестокости, границы человечности рушились, и на их место приходила бритвенно-острая злоба. И Герман чувствовал ее в каждом ударе.

Потерял сознание он уже через несколько минут, хотя даже в отключке продолжал где-то на грани восприятия чувствовать толчки, пинки и слышать тяжелое дыхание своих мучителей. В

какой-то момент раздался звук треснувшего стекла, но Герман даже не понял, что это было.

Тело напоминало единую гематому, болезненно-разбухшую, налитую кровью. Казалось, внутренние органы были смяты и перемолоты, а на месте лица осталась лишь стягивавшая кожу короста. И Герман не сразу осознал, что удары прекратились, что люди Султана уже сели в машину и выезжали обратно на дорогу. Он остался наедине со своей болью и слабостью. Остался лежать в разорванной одежде на земле без сил пошевелиться или хотя бы сесть.

Сознание то возвращалось, то вновь уплывало. Но в какой-то момент он услышал рядом голоса.

— Где-то здесь…

— Обыщите все тщательно, — произнес кто-то властно.

— Помогите… — едва слышно одними губами прошептал Герман.

— Там кто-то лежит!

Перед глазами боксера замелькали неясные пятна. Чьи-то лица, руки, одежда.

— Это он.

Разум вновь медленно стал отключаться, но в последний миг Герман разглядел перед собой чей-то черный силуэт. И этот цвет заполнил все его сознание.

Глава третья
Золотозубый главарь вампов

Чьи-то холодные пальцы в тонких латексных перчатках проворно ощупывали лицо Германа. Они сдавливали шишки, дотрагивались до синяков и очищали от мусора края ссадин. А после в районе локтевого сгиба что-то резко и больно кольнуло кожу.

Герман распахнул глаза и вздохнул. Свет лампы врезался в глаза и выжег на сетчатке несколько белесых кругов.

— Что… — хриплый каркающий звук вырвался из его рта.

Он попытался дернуть рукой, но ее мгновенно прострелила боль, а еще Герман почувствовал, что все его тело стягивали ледяные металлические полосы, державшие его крепко пристегнутым к жесткому медицинскому креслу.

— Нет, нет, — цокнул кто-то над самым ухом боксера. — Так не пойдет. Еще слишком рано просыпаться.

Новый укол. И пелена забвения накрыла разум Германа мягкой волной.

* * *

В следующий раз его пробуждение было уже не таким внезапным: он плавно приходил в себя, пока кто-то несильно похлопывал его по предплечью.

— Пора открывать глаза, — посоветовал чей-то голос.

Герман подчинился и приподнял свои веки, тяжелые и воспаленные. Сперва вокруг плавали лишь мутные пятна, но вскоре они замерли на своих местах и стали обретать четкость.

Он все еще лежал в неудобном медицинском кресле, но металлические фиксаторы больше не сдавливали его грудь и руки. Свет стал не таким ярким, лампы приглушили, и Герман мог хорошо разглядеть комнату, в которой оказался. Всюду стояли процедурные столики, медицинские аппараты и приспособления. Вытянувшиеся вдоль стен шкафы были заставлены ровными рядами ампул, подписанных канистр и склянок. В углу висела панель негатоскопа, к которой было прикреплено несколько рентгеновских снимков.

— Как самочувствие?

Рядом с креслом Германа стоял немолодой мужчина в распахнутом белом халате с голубой медицинской шапочкой на голове. Он держал руки в карманах, оттопырив большие пальцы, и не сводил с боксера свой холодный взгляд серовато-синих глаз, спрятанных за прозрачной пластиной увеличительных очков с откидной бинокулярной лупой. Его отвисшие щеки подчеркивали узкую полоску плотно сжатых губ и придавали всему лицу какое-то недовольное выражение.

— Кто ты?.. — медленно проговорил Герман, стараясь не напрягать пересохшее горло.

— Дантист.

— Дантист?..

Повисло неловкое молчание.

— Мое имя Борис, но здесь все называют меня просто Дантист, — не изменившись в лице, произнес наконец медик. — Я спросил, как твое самочувствие.

— Я не знаю. Тело как будто не мое, слабо его чувствую.

Герман попытался пошевелить рукой, но она подчинилась очень нехотя и каждое действие выполняла с задержкой в несколько секунд.

— Это еще не закончилось действие нейротропных средств, которые я тебе ввел. Скоро влияние на афферентную иннервацию завершится, и к тебе вернется боль и чувствительность, — сухо объяснил Дантист, все еще не двигаясь с места и не спуская глаз с Германа.

— Где я вообще? Что это за больница такая странная? — Боксер в который раз огляделся.

— Это не больница. Это штаб Вневедомственной ассоциации медицинской помощи.

На пороге медицинского кабинета практически бесшумно

появился высокий человек в твидовом жилете и белоснежной рубашке с закатанными рукавами. Мужчине на вид было около тридцати лет и себя он держал с поистине невозмутимой грациозностью. Идеально выпрямленная спина, небрежно перекинутый через плечо хвост темных волос и узкое лицо придавали его облику аристократичные черты. Он окинул Германа быстрым взглядом и нахмурил брови.

— Док, почему не сообщил, что новичок уже очнулся? — приказным тоном спросил человек.

— Он пришел в себя только минуту назад. — Дантист сразу же демонстративно отвернулся и отошел в угол кабинета, принявшись копаться в каких-то медикаментах, расставленных на столах.

— Надо было позвать меня.

— Я не успел. Извини, — без какого-либо раскаяния в голосе ответил он.

Док вернулся к креслу с медицинским пистолетом в руках. Он вставил пару стеклянных ампул в патронник, грубо схватил Германа за запястье, вынуждая вытянуть руку и приставил дуло пистолета к локтевому сгибу. Нажав на курок несколько раз, медик внимательно взглянул на экран аппарата и после удовлетворенно кивнул сам себе.

— Я ввел тебе стимуляторы. — Он отложил пистолет на процедурный столик. — Через минуту станешь пободрее и даже сможешь уйти из моего кабинета на собственных ногах.

— Было бы куда идти, — пробормотал Герман, потирая кожу, где от уколов остались багровые точки. — Я даже не до конца понимаю, как тут оказался. И что это вообще за штаб такой.

— Что ты последнее помнишь? — поинтересовался у боксера высокий человек, подходя ближе. — Помнишь, откуда у тебя все эти травмы? Помнишь, что было на железной дороге?

Герман поднес к своему лицу ладони и оглядел сбитые костяшки.

— Я был на арене, выиграл бой. После, кажется, куда-то шел. Тогда… Да, тогда меня нагнали и избили люди Султана. А потом только темнота. Ничего больше не помню, будто в голове туман.

— Не знаю, кто такой этот Султан и за что тебе от него так досталось, но выглядишь ты прескверно, — усмехнувшись, франт взял с одной из тумбочек прямоугольное зеркальце без рамки и отдал его Герману. — Хотя ночью выглядел еще хуже, поверь. Сейчас Док немного тебя преобразил… А вообще, это я и мои друзья нашли тебя там, у железной дороги. И привели сюда, чтобы помочь.

— Спасибо, конечно…

Забрав зеркало, Герман вгляделся в собственное отражение. Оно показало ему широкое лицо, сплошь покрытое синяками и припухлостями, воспаленные красные глаза и взлохмаченные белокурые волосы, облепившие лоб короткими грязными прядями.

— Боюсь, тебе разбили в той драке голосмартфон, — констатировал Дантист. — Я извлек все осколки из яремной впадины, но титановый ободок трогать не стал. Это не моя специализация.

Герман опустил зеркало чуть ниже, чтобы разглядеть основание собственного горла. Вместо привычной кнопки голосмартфона в яремной впадине зияла черная неглубокая дыра в металлической оправе.

— Тебе надо будет обзавестись новым устройством. Старый уже не восстановить, — добавил медик. — И твои костные наушники без голосмартфона теперь бесполезны.

— Это недешево, — проворчал Герман. — Боюсь, таких денег у меня сейчас нет. Да и вообще никаких денег нет.

Франт и Дантист мельком переглянулись.

— О деньгах и проживании тебе теперь беспокоиться не стоит.

— Это еще почему? — боксер оторвал взгляд от зеркала.

— Потому что ты теперь являешься членом нашей ассоциации. Мы обеспечим тебя койкой, пищей и работой…

Герман раздраженно перебил высокого человека:

— С чего бы это еще? Я что, успел вступить в какую-то вашу секту, пока был без сознания?

— Вневедомственная ассоциация медицинской помощи — это не секта, — хмуро проговорил Дантист. — Мы — организация, которая помогает людям, инфицированным вирусом железодефицитной анемии.

— Но я ничем таким не болен! Никакого вируса у меня нет! — Герман стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Вообще-то, есть, — спокойно ответил франт и склонился к боксеру. — Ты заражен, и это подтверждают все взятые у тебя анализы. Именно поэтому ты сейчас здесь, в лоне нашей ассоциации. Потому что мы обнаружили у тебя все симптомы начальной формы заболевания и вовремя оказали необходимую помощь. Тебе очень повезло, что там, у железной дороги, тебя нашел именно я и мои ребята. Если бы тебя забрали в обычную больницу, то уже давно отправили бы на утилизацию.

Герман неосознанно сглотнул и вгляделся в темно-карие, почти черные, глаза франта.

— На какую еще утилизацию?..

Незнакомец молчал, будто не расслышав вопрос. Или же он не желал на него отвечать.

Дантист снял свои очки с лупой, сунув их в нагрудный карман халата, и сел на лабораторный табурет. Подкатившись поближе к боксеру, он нехотя заговорил, нарушив тишину:

— Это информация, о которой стараются умалчивать многие в Старой и Новой Москве, а за пределами столицы о ней и вовсе почти никто не знает. Вирус железодефицитной анемии появился относительно недавно, это одно из радикально мутировавших заболеваний, лекарства от которого на данный момент не существует. Вирус проникает в кровь, изменяя метаболизм, влияя на усвояемость всей поступающей в организм пищи. Твое тело больше не способно потреблять обыкновенную человеческую еду: любые попытки съесть что-то или выпить, кроме простой воды, приведут к рвоте и слабости.

Перед внутренним взором Германа неожиданно ярко замелькали эпизоды прошлого дня. Он вспомнил, как нехорошо ему было перед боем, и как он грешил на вокзальную шаурму, а после питательного батончика его ведь и вовсе вырвало уже через минуту.

— Это заболевание, кроме того, имеет еще несколько особенностей, которые возводят его в ранг опасных. Именно поэтому в нашей стране неофициально ведется компания по уничтожению всех носителей вируса железодефицитной анемии. Каждый человек с подтвержденной мутировавшей анемией в любой стадии подлежит немедленному отправлению на утилизацию в крематорий. Если будет оказано сопротивление, то органы правопорядка имеют право насильно доставить больного на сжигание.

— Наша Вневедомственная ассоциация медицинской помощи помогает зараженным, — вклинился в размеренный монолог Дантиста франт. — Мое имя Альберт Вайс, и именно я возглавляю В.А.М.П., в штабе которой ты и находишься сейчас. Мы — единственная существующая организация, которая скрывает людей, инфицированных вирусом железодефицитной анемии, от властей, помогает адаптироваться в обществе, обеспечивает всем необходимым для достойного существования, в том числе и подходящей пищей.

— Какой еще пищей? — зацепился Герман за последнее слово, которое резануло ему слух. — Вы сами сказали, что организм зараженных отвергает всю еду!

Альберт усмехнулся и неожиданно растянул губы в широкой улыбке. Среди белоснежных зубов мелькнули два золотых клыка, которые, стоило франту приоткрыть рот, неожиданно

удлинились.

От подобного зрелища у Германа перехватило дыхание, и он так и замер без движения, не в силах отвести взгляд от нечеловеческого оскала.

— Все инфицированные вирусом мутировавшей анемии испытывают критическую нехватку железа в организме, которая в свою очередь приводит к снижению уровня эритроцитов, повышенной потере крови, анемическому синдрому, — неторопливо углубился в объяснения Дантист. — Любые витаминные добавки или же железосодержащие продукты организм отвергает, и единственным выходом остается гематофагия, потребление крови. Это пища, которую наши тела полностью усваивают. Мы восполняем кровью недостаток железа.

— К-кровью?.. — охрипшим голосом переспросил Герман.

Клыки Альберта сами собой втянулись, став нормального размера, и глава ассоциации окинул боксера насмешливым взглядом.

— В старые времена мир полнился легендами о кровососущих монстрах, обитающих в ночи, — заговорил он. — Сейчас современное общество давно позабыло о такого рода сказках, вот только они неожиданно оказались куда реалистичнее, чем можно было подумать… Да, все мы здесь, в В.А.М.П., заражены, все нуждаемся в крови для поддержания своей жизни. И ты теперь стал одним из нас.

— Но я не хочу быть таким! Не хочу иметь эти жуткие клыки и пить кровь! — в ужасе зачастил Герман, вжавшись в металлического кресло.

— Вообще-то, клыки я тебе уже сделал, — с явным недовольством в голосе заметил Дантист.

Боксер вновь схватился за зеркало и раскрыл свой рот, с волнением вглядываясь в собственные зубы. Оба его клыка казались чуть белее, чем все остальные зубы.

— Это электронные импланты. — Док почесал мизинцем свою бровь. — Хотя точнее было бы сказать, что это полноценные нейронные протезы моего собственного производства. Устройства, которые теперь установлены вместо твоих старых клыков, обрабатывают определенные мышечные и нервные сигналы, поступающие на сами имплантированные блоки через микроэлектродные массивы…

Тяжело вздохнув, Альберт закатил глаза и решительно прервал Дантиста:

— Иными словами, стоит тебе только раскрыть рот и подумать о своих клыках, как импланты выдвинут наружу острые лезвия, способные разрезать любую кожу.

Герман даже не успел осознать, насколько быстро в его голове пронеслась мысль о клыках, и в тот же миг импланты словно бы удлинились, а их концы опасно заострились.

— Смотри, не обрежься сам, новичок, — со смешком предостерег Альберт.

Едва боксер подумал о более привычной форме своих зубов, как клыки втянулись обратно, ничем больше не выделяясь.

— Зачем это все мне? — Он опустил на колени ослабевшие руки, державшие зеркало. — Я не хочу пить кровь, не хочу быть в вашей ассоциации и иметь эти странные клыки…

— Эти странные клыки, как ты их называешь, помогут тебе выжить и добыть себе пищу в любой момент, — раздраженно нахмурившись, начал было говорить Дантист, но Альберт махнул рукой, прерывая его.

— Неужели в твоей жизни нет ничего, за что стоит побороться, а? — негромко и проникновенно произнес франт. — Пусть ты заразился, но на этом жизнь не заканчивается. Мы здесь все учимся выживать назло целому миру, назло государству, желающему нам смерти, назло болезни, изменившей наши тела. И каждый в этом здании поддерживает других членов ассоциации и дарит надежду… Ты оказался здесь, видимо, не в самый простой период своей жизни. Но именно здесь ты способен обрести новых товарищей, новую крепкую семью, которая поставит тебя на ноги… И, если только ты не слабовольный смертник, которому каждый день не в радость, то я не могу представить сейчас иного места, где тебя бы приняли радушнее.

— Я люблю жизнь! — в отчаянии воскликнул Герман, дернувшись вперед. — Я не боюсь трудностей, но эта неожиданная болезнь просто переворачивает все с ног на голову!..

— Ну так если ты любишь жизнь, то не позволяй никому ее отнять у тебя, — по слогам проговорил Альберт, выпрямляясь и скрещивая руки на груди. — Без нашей помощи тебя ждет только прямая дорога в крематорий. Но если ты примешь свою болезнь, если согласишься остаться в ассоциации, то у тебя появится шанс изменить свое настоящее, отомстить за обиды прошлой жизни или же обустроить свое будущее рука об руку с такими же, как ты сам.

Герман молчал, широко раздув ноздри и уставившись немигающим взглядом куда-то в угол кабинета.

— Думаю, если ты боец, то любое поражение для тебя неприемлемо, — вкрадчиво продолжил глава ассоциации. — Ты ведь наверняка желаешь поквитаться с теми людьми, что избили тебя у железной дороги, или же найти ответ на вопрос о том, как ты заразился мутировавшей анемией. Что-то мне подсказывает,

что у тебя остались друзья или семья, для которых твоя смерть или исчезновение станут очень горестной новостью. Я неправ?

Легко вздрогнув, Герман перевел на Альберта тяжелый потемневший взгляд.

— Я понятия не имею, откуда у меня этот вирус, — шепотом произнес он. — Но… Ты прав, у меня еще осталась семья, о которой я должен позаботиться, даже несмотря на болезнь. Моя сестра и ее ребенок не могут себя содержать. Я обещал ей помочь и заработать денег…

— Вот видишь. — Альберт едва заметно улыбнулся. — Тебе еще рано отправляться в крематорий. Борьба только начинается. И чем раньше ты примешь свою новую сущность, тем скорее добьешься поставленных целей. Я помогу тебе, но взамен и ты поможешь мне.

— О чем ты говоришь? — с подозрением спросил Герман, переводя взгляд с Дантиста на главу В.А.М.П. и обратно.

— Я нашел тебя, привел в свое логово, оказал необходимую медицинскую помощь и одарил эксклюзивными имплантами. Моя ассоциация устроит тебя на работу, даст кров и пищу, поможет скрыться от закона. По-твоему, это дорогого стоит?

— Хочешь сказать, что я теперь оказался у тебя в рабстве? — ощущая поднимавшийся в груди гнев, поинтересовался боксер, сжимая кулаки. — Должен буду состоять в этой твоей ассоциации до конца своей жизни и послушно выполнять любые приказы, как дрессированная шавка?!

— Грубовато, — холодно ответил Альберт. — Я разве похож на рабовладельца? Тебя никто здесь держать не будет. Как только освоишься, выполнишь пару моих поручений, выплатив этим свой долг, то можешь уходить. Если пожелаешь.

— О каких поручениях речь?

— Ничего невыполнимого или же опасного. Простая работа, по окончании которой ты получишь хороший процент от итоговой прибыли, — ушел от прямого ответа Альберт.

— И ты хочешь сказать, что, стоит мне помочь тебе с этими туманными делами, то ты меня отпустишь на все четыре стороны? Без каких-либо проблем и дополнительных условий?

— Слово Альберта.

Он вытянул вперед свою узкую ладонь с длинными пальцами для рукопожатия, но Герман лишь с сомнением на нее поглядел. Никакой уверенности в правдивости слов этого самовлюбленного франта у него не было.

Дантист, без движения сидевший на своем табурете несколько минут, пошевелился, привлекая к себе внимание боксера.

— Он говорит правду. И слову своему всегда верен.

— У меня есть определенные сомнения на этот счет, — тем не менее произнес Герман.

— Вне нашей ассоциации также живут отшельники, — сказал Док. — Другие вампы, которые отказались от помощи нашей организации и предпочитают самостоятельно выживать в обществе и добывать себе пищу. Многие из них все еще общаются со мной или Альбертом, никто ни на кого обид не держит. И, если тебе нужно, то я сведу вас.

— Значит, мир клином не сошелся на этой вашей ассоциации?

— Так и есть, — подтвердил Альберт, не убирая руку. — Выполнишь мои поручения, можешь быть свободен. Жадничать я ни в чем не стану. Ну так что, новичок, поборешься на моей стороне?

— Герман. Меня зовут Герман, — припечатал боксер и пожал протянутую ладонь главаря.

— Как скажешь. Идем.

Альберт криво улыбнулся, блеснув золотыми клыками, и развернулся к выходу. И Герман, выбравшись из неудобного кресла и кивнув хмурому Дантисту на прощание, последовал за своим новым нанимателем.

Глава четвертая
Театр, где спектакль никогда не заканчивается

Штаб В.А.М.П. располагался в Старой Москве, на улице Малая Ордынка, заняв ветхое здание, некогда принадлежавшее театру. В нем все еще сохранились выцветшие афиши начала века, разбитые электронные табло и множество реквизита. С приходом эры объемных голограмм консервативные театры, не принимавшие технические нововведения, все постепенно закрылись. Видимо, и этот небольшой театр, не желая отказываться от устаревших костюмов и бутафории, попросту разорился давным-давно, а после здание выкупила ассоциация вампов.

Небольшое строение имело четыре этажа и достаточно крупный подвал, в котором и располагался медицинский кабинет Дантиста вместе с его личной жилой комнатой. Большинство остальных членов В.А.М.П., а их оказалось около пятидесяти человек, проживало в общих спальных комнатах, организованных по типу казарм. Они занимали целый этаж и имели атмосферу, скорее, студенческого общежития, нежели какой-то серьезной организации. Свет там горел круглосуточно, поскольку всегда были вампы, которые бодрствовали. Пока кто-то пытался заснуть, слушая музыку с голосмартфона, другие уже или собирались на работу или разговаривали с товарищами, распахнув окна и дыша паром электронных сигарет.

Когда Альберт привел Германа в общую спальню после краткой и достаточно скудной экскурсии по зданию театра, то боксер с сомнением окинул взглядом комнату.

— Я скажу тебе, что никогда раньше не бывал в приютах для бездомных, — заговорил Герман. — Но почему-то именно так я себе их обычно и представлял.

— Ты теперь тоже в какой-то степени бездомный, — заметил Альберт. — А в какой-то степени ты сегодня обрел новый дом. Это уже зависит от твоего восприятия ситуации.

— И что я теперь должен делать? Какие поручения от тебя мне надо выполнить?

— Всему свое время. Твое тело еще не восстановилось после тех тяжелых побоев, к тому же ты должен научиться жить с вирусом. Потому я дам тебе неделю для адаптации.

— Значит, пока что я должен просто ждать?

— Отдыхать и приноравливаться к своей новой сути, — с нажимом произнес глава ассоциации, махнув рукой в сторону. — Вон та койка в углу свободна. Можешь ее занять.

Герман проследил за пальцем Альберта, указывавшем на застеленную кровать в самом конце ряда. Угрюмо кивнув, он послушно направился в ту сторону.

— Как только сойдут отеки и синяки, сходи еще раз к Доку на осмотр. Если все будет в норме, то я дам тебе работу, Герман, — бросил напоследок Альберт и вышел из общей спальни.

Не особенно представляя, чем занять себя на целую неделю, боксер устало упал на кровать, окинув быстрым взглядом комнату. Судя по всему, раньше в этом помещении находилось что-то вроде балетной комнаты или какого-то гимнастического зала, поскольку две стены из четырех были с пола и до самого потолка покрыты зеркалами. Это визуально увеличивало пространство спальни, но в то же время в подобной комнате невозможно было ускользнуть ни от чьего внимания. И Герман первые четверть часа постоянно ловил на себе чужие осторожные взгляды в отражениях. Вампы, мирно отдыхавшие в своих постелях, или же негромко общавшиеся в стайках, то и дело украдкой оглядывали новичка.

Чувство дискомфорта усиливал еще и тот фактор, что общая спальня предназначалась как для мужчин, так и для женщин, и Герман раз за разом торопливо отводил взгляд, когда видел, что кто-то без всяческого стеснения переодевался у всех на виду. Ему после всего произошедшего больше всего хотелось тишины и покоя, чтобы тщательно обдумать ситуацию, в которой он оказался, но, судя по всему, о подобном не стоило и мечтать. А, возможно, в этом и заключалась вся суть ассоциации: здесь невозможно было укрыться ни от любопытных глаз, ни в спокойствии поразмышлять, ни сбежать или сделать что-то с собой.

Терпения Герману хватило ненадолго. Он постоянно либо неосознанно прислушивался к чужой болтовне, либо морщился от ароматического пара вейпов. И его все это безумно раздражало.

Рывком поднявшись на ноги, он вышел из общей спальни и направился на подвальный этаж. Там располагались душевые: два вытянутых помещения, покрытых желтоватой плиткой и изъеденных плесенью до самого потолка. Никаких кабинок, душевых насадок и прочих удобств — только узкие загородки, забитый волосами слив и резиновый шланг с посредственным напором.

Но Герману было достаточно и этого. Он разделся и залез под чуть теплую воду, с наслаждением окатывая из шланга свое

избитое тело.

Дантист хорошо его подлатал: вскрыл крупные гематомы, аккуратно зашил ссадины, облепил силиконовыми противорубцовыми пластырями половину тела и, судя по всему, накачал его организм лекарствами по самые гланды. Потому что, уже имея опыт получения таких тяжелых травм, Герман знал, что не мог бы сам стоять на ногах в этот момент. Значит, как только выйдет время обезболивающих и стимуляторов, он упадет без сил и проспит половину суток.

Эта выделенная Альбертом неделя на восстановление действительно была ему жизненно необходима. Хотя даже такого времени Герману не хватило бы, чтобы решить другие важные вопросы, которые его терзали. Он лишился голосмартфона, из-за чего утратил доступ к своему практически пустому банковскому счету и всем контактам — теперь даже сестра не могла выйти с ним на связь и несомненно волновалась. Еще и Султан, которому Герман теперь крупно задолжал, наверняка так просто не собирался расставаться с боксером и в ближайшем будущем должен был бросить все силы на его поиски. В штабе ассоциации можно было хотя бы временно спрятаться от назойливого внимания организатора подпольных боев, но вряд ли это укрытие было таким уж надежным. А единственный способ заработать деньги, выплатить долг Золтану и обзавестись новым голосмартфоном заключался в том, чтобы согласиться на работу Альберта. Но ее суть так и оставалась для Германа загадкой, а подобные тайны ему никогда не нравились. Он хотел понимать, во что его собиралась впутать эта скрывавшаяся от закона организация, к которой он теперь невольно прибился.

Еще и неожиданный факт заражения этой опасной малоизвестной болезнью доставлял Герману головной боли. Не то, чтобы он не верил в слова Дантиста и Альберта о присутствии вируса в своем теле, ведь его самочувствие в последний день и правда было очень странным, но Герман никак не мог понять, как он мог заразиться этим вирусом так незаметно и явно уже после своего приезда в Старую Москву.

Набрав в рот воды, боксер прикрыл глаза. Он вспомнил вкус собственной крови, которая придала ему сил во время схватки с Лосем. Именно этот солоноватый металлический привкус тогда сотворил что-то фантастическое с телом Германа, вернув ему энергию, восстановив выносливость в полной мере. Хотя мысль о том, чтобы вновь сделать даже глоток крови, тем более чужой, претила боксеру. Он и подумать не мог, что существовали такие мутировавшие вирусы, которые делали из человека какое-то озлобленное животное, жадное до крови.

И теперь он стал этим существом. Вынужденным питаться алой артериальной жидкостью.

Выплюнув воду, Герман поморщился, пощупав языком свои новые зубы.

Его жизнь перевернулась с ног на голову буквально за одну ночь, и теперь он был болен неизлечимой болезнью, был должен двум опасным главарям и без единого доллара на счету должен был жить в казармах какого-то доисторического театра. Все это, скорее, походило на какой-то дрянной спектакль, чем на реальность.

«Осталось, чтобы я пережил все акты этого театрального представления».

* * *

Несколько дней прошли как в тумане. Действительно, стоило закончиться действию лекарственных средств, как тело Германа будто вспомнило всю ту боль, что оно пережило. Мышцы ныли, суставы скрипели как несмазанные дверные петли, а кожа и вовсе словно горела изнутри. Многие внутренние органы восстанавливались крайнее неохотно: хуже всего было отбитым почкам, из-за которых Герман мочился кровью и не мог спать на спине от нестерпимой боли в районе поясницы.

Все время он проводил в кровати, отвернувшись лицом к стене, то проваливаясь в дрему, то изнывая от широкого спектра всех малоприятных ощущений. К счастью, никто его не трогал и даже не пытался заговорить. Идти к Дантисту с просьбой об уколе обезболивающего Герман не хотел из гордости. Этот угрюмый медик со своим холодным взглядом производил впечатление человека глубоко безразличного к чужим проблемам, а потому боксер и не хотел выглядеть жалким в его глазах, выпрашивая ампулу, способную подарить ему пару часов блаженства и покоя.

К удивлению Германа, Дантист сам пришел к нему на третий день. То ли кто-то из соседей по спальне заметил дурное состояние новичка и позвал его, то ли Док сам решил проверить своего пациента. Он возник возле кровати боксера бесшумным призраком в белом халате и с неизменной голубоватой шапочкой на голове.

— Почему не пришел ко мне сам? К чему это геройство и борьба с болью? — с легким раздражением в голосе поинтересовался Дантист, измеряя медицинским пистолетом основные показатели тела.

Герман лежал, вытянувшись во весь рост, и из-под

полуприкрытых век наблюдал за манипуляциями доктора.

— Вся моя жизнь — это постоянная борьба с кем-то или чем-то. Я привык.

— Иногда нужно уметь попросить о помощи, Герман. Иначе так можно в вечной борьбе утратить собственное лицо.

— И чем же чревата его потеря?

— Тем, что ты станешь лишь безликой тенью самого себя, уже не способной хоть как-то повлиять на свою судьбу.

— Неужели тебе это знакомо, Дантист? — прищурившись, спросил Герман.

— Оставлю тебе возможность самому поразмышлять над этим вопросом на досуге, — с явной прохладой в голосе ответил Док, выключая экран медицинского пистолета. — А я здесь совсем для другого.

— Как скажешь… Так что там по итогу с моим состоянием?

— Ты вообще что-нибудь ел за последние три дня? — с нажимом поинтересовался медик.

Герман откровенно замялся с ответом и окинул быстрым взглядом спальню, где на тот момент было всего около трех человек. Двое сидели в отдалении на подоконнике, ведя какую-то приглушенную беседу, а одна женщина лет сорока в белой майке и потертых джинсах с интересом прислушивалась к разговору боксера и Дантиста. Она лежала на соседней кровати, подложив руки под голову и, совершенно не скрывая своей заинтересованности, ловила каждое слово Дока, параллельно читая что-то на проекции экрана своего голосмартфона.

Нахмурившись, Герман понизил голос, не желая обсуждать свои проблемы перед таким любопытным и, очевидно, совершенно бестактным зрителем:

— Я не могу ничего есть.

— Ты ни разу за эти дни не пил кровь, Герман? — вмиг посуровев, уточнил Дантист.

— Меня тошнит от одной мысли о том, как я буду ее пить, — перейдя на шепот, сказал боксер.

— Твой организм обессилен, у него заканчиваются внутренние ресурсы для восстановления, а ты отказываешься дать ему пищу, которая обеспечит тело необходимым ему источником железа?

Это прозвучало обвинительно, и Герман сжал губы.

— Я не хочу ее пить.

— Это пустые отговорки. Ты даже ни разу не пробовал кровь, и сам не понимаешь, от чего отказываешься. Сейчас тебе кажется, что пить чужую кровь противоестественно, но всего один глоток даст тебе силу, энергию и восстановит организм быстрее, чем все

медикаменты из моего кабинета!..

— Дантист! — неожиданно окликнула медика женщина с соседней койки. — Давай я провожу его в буфет? Мне кажется, новичок не до конца понимает, как устроено наше питание.

— Альберт ему не рассказывал? — Док приподнял бровь.

— Не знаю, — ответила женщина и пожала плечами.

— Альберт говорил тебе, как питаются вампы в нашей ассоциации? — обратился уже к боксеру Дантист.

— Не помню, чтобы об этом заходила речь, — протянул Герман. — Он быстро провел меня по этажам, показал общую спальню и больше за эти дни я его не видел.

— Пф! — раздраженно фыркнул медик. — Хлыщ занятой! Ничего другого от него я и не ожидал!..

У доктора явственно заходили желваки на щеках, и он, резко развернувшись, направился к выходу из комнаты.

— Ну так что? Я покажу ему? — выкрикнула вдогонку женщина, приподнявшись на своей койке.

Уже из коридора послышался приглушенный ответ Дантиста:

— Он твой, Вики!

По губам соседки Германа пробежала легкая улыбка. Она рывком привела тело в сидячее положение, выключив проекцию своего голосмартфона, и внимательно посмотрела на боксера, пребывавшего в задумчивости после всего услышанного.

— Я Виктория. Рада познакомиться, Герман!

Она протянула свою худую тонкую ладонь, и Герман аккуратно ее пожал, опасаясь сильно сжимать руку, кожа на которой до самого надплечья была покрыта буграми вживленных силиконовых имплантов.

— Я уже давно к тебе присматривалась, — поделилась женщина, хитро улыбнувшись. — Но ты спал практически круглые сутки. Даже не поговорить!

— Да, мне сильно досталось от одной шайки, — признался Герман, пожимая плечами. — Никак не могу прийти в себя.

— Сейчас мы тебя быстро поставим на ноги, это я гарантирую. Пойдем.

Вики легко поднялась на ноги и, поманив соседа, танцующей походкой вышла из спальни. Герман невольно восхитился энергичностью, волнами расходившейся во все стороны от этой невысокой короткостриженой женщины, походившей на изящную фею, по неясному стечению обстоятельств лишенную крыльев и предпочитавшую грубые джинсы платьям из цветочных лепестков.

Он выбрался из кровати и шагнул в коридор следом за своей новой знакомой, иногда невольно касаясь пальцами стен, чтобы остановить карусель в своей голове. На пробную прогулку тело

отозвалось тошнотой и ватными ногами, но Герман усилием воли заставил себя последовать за Викторией. Ему не хотелось расстраивать эту женщину отказом. Пока что среди всех вампов она человечнее всех отнеслась к нему, как к новичку.

— Судя по всему, ты еще даже ни с кем не успел тут у нас познакомиться, да? — спросила Вики, ступая чуть впереди.

— Не представилось возможности.

— Не переживай! Я знаю всех в этом здании, и даже очень многих вампов, живущих отдельно от ассоциации. Могу познакомить тебя с кем угодно из наших.

— Спасибо, — хмыкнул Герман. — Но я пока не в состоянии вести светские беседы и заводить новые знакомства, извини.

Виктория окинула боксера сочувствующим взглядом, задержавшись на его покрытом старыми шрамами и подживавшими синяками лице.

— Ты понимаешь, почему Дантист так разозлился, когда ты сказал, что не пил еще кровь? — спросила она.

— Похоже, он уверен, что мне это как-то поможет залечить раны.

— А ты думаешь, что это не так? — Вики замерла перед местом, где коридор сворачивал.

— Разве подобное заявление может быть правдой?

— Твое тело изменилось, но кое-что тебе стоит понять сразу: этот мутировавший вирус не враг тебе, Герман. Он что-то вроде паразита, который в обмен на кровь дает твоему организму необходимые для жизни вещества, приводит в тонус. И даже этим все не ограничивается… Но если ты будешь голодать, то мутировавшая анемия станет высасывать внутренние резервы, истощая тебя и разъедая. Не стоит отказываться от крови. Это твоя новая пища, и эта пища гораздо больше может принести телу, чем все, что ты ел раньше, в своей прошлой жизни, до заражения.

Она взяла боксера за запястье и потянула за собой, свернув за угол. Там коридор расширялся, превращаясь в небольшой холл с лестницами, ведущими вниз и вверх. Спустившись на второй этаж, Вики и Герман оказались в уютном фойе, некогда представлявшем собой зону отдыха для посетителей театра, где они дожидались начала спектакля или окончания антракта. Широкие массивные двери, ведущие в зрительный зал, были закрыты, но возле них еще сохранились диванчики и пуфики. В углу располагался буфет, окруженный высокими столиками на тонких ножках. Стеклянные витрины и шкафы были пусты, но за стойкой, деловито протирая пыль, стоял молодой кудрявый парень в бордовом фартуке. И еще несколько вампов

рассредоточились по всему свободному пространству фойе, заняв пару столиков и оккупировав продавленные диваны. Все они потягивали густой багряный напиток из бокалов и стаканов.

— Вампы могут пить любую кровь, не только человеческую, — продолжала просвещать Германа Виктория. — Здесь большинство из нас приноровились к крови искусственно воссозданных и клонированных животных, она немного пресноватая на вкус, но для эстетов и ценителей в ассоциации есть Марк Аполлонович. Он — местный поставщик эксклюзивной крови, исключительная личность! Я обязательно вас познакомлю, если захочешь попробовать кровь рептилий или птиц.

— Думаю, пока я воздержусь, — с трудом сдержав приступ тошноты, пробормотал Герман.

Они подошли к стойке буфета, и Вики с улыбкой обратилась к молодому вампу в фартуке:

— Полпорции для новичка.

Юноша смерил боксера внимательным взглядом, кивнул и отвернулся к громоздкому гранитору, в прозрачном резервуаре которого медленно перемешивалась густая кровь. Он открыл краник и наполнил до середины граненый стакан, а после поставил его на стойку. Вики сразу же подхватила напиток и потянула Германа к ближайшему свободному столику.

— На! Сделай хотя бы один глоток, и я тебе гарантирую, что самочувствие станет гораздо лучше. — Женщина протянула боксеру стакан и, облокотившись на стол, приготовилась наблюдать.

Хмуро поглядывая на красную жидкость, Герман сжал прохладный стакан и неуверенно поднес его к губам. Ему совершенно не хотелось пить эту кровь, но отказать любезной Виктории он просто не мог. И, сделав один небольшой глоток, крепко зажмурился, сдерживая рвотный рефлекс, который мгновенно сжал его желудок.

Однако стоило звериной крови растечься по языку, как тошнота отступила словно по мановению руки. Металлический вкус раздразнил рецепторы, и больше не казался таким соленым, а Герман сам не заметил, как сделал еще один глоток, куда больше предыдущего. Его горло обожгла холодом густая жидкость, она добралась до желудка и неожиданно расплылась по нему теплой волной. Пока Герман допивал свою порцию, поступившая в организм кровь делала свое дело: буквально через минуту он почувствовал, как перестала кружиться голова, как отступила слабость, а все его конечности будто окрепли.

— Вижу, что понравилось. Даже глаза заблестели, — лукаво произнесла Виктория.

— Я хочу еще, — только и смог выдавить из себя Герман, поставив пустой стакан на стол.

Женщина через полминуты уже принесла новую порцию крови, и теперь граненый стакан был наполнен практически доверху.

— Пей, сколько надо.

Жадно припав губами к стеклянному краю, Герман в несколько больших глотков торопливо осушил стакан и только после этого шумно вздохнул полной грудью. Мир перед его глазами впервые за пару дней обрел четкость, яркость и глубину. Словно он и не жил все это время.

— Вот видишь. А ты не хотел пробовать. — Вики отнесла грязную посуду на стойку и вернулась к своему собеседнику.

— Я не ожидал, что это окажется так… вкусно?

— Не вкусно, скорее, питательно. Это то, что требовалось твоему организму. Потому сейчас будет эйфория: легкость, сила и энергия наполнят тело на какое-то время. И восстановление пойдет куда быстрее, уж поверь мне.

— А ты сама почему ничего не выпила? — заметил Герман.

— Я из «хищников», — пожав плечами, сказала Виктория. — Предпочитаю самостоятельно обескровливать еще живых животных. Когда кусаю их сама, вкус крови становится ярче.

Германа такой ответ немного покоробил, но он решил не обижать женщину какими-то резкими высказываниями по поводу ее типа питания.

— И здесь, в штабе, держат отдельно животных? Или как это происходит?

— Альберт владеет небольшой бойней где-то на окраине Новой Москвы, на границе с Владимирской областью. Оттуда нам и поставляют сцеженную кровь и живой мелкий скот, вроде кроликов и индюшек.

— Много вампов здесь «хищники»?

— Не очень. У всех свои предпочтения. Кто-то спокойно живет на сцеженной крови искусственных животных, другие любят только птичью кровь, некоторые, как я, предпочитают живых зверей и птиц. Есть и такие, кто питаются исключительно человеческой кровью. Вроде Альберта. Он звериную даже никогда не пробовал, насколько я знаю.

— Сам людей на улицах обескровливает? — со смешком спросил Герман. — Бьет топором по голове и впивается клыками в горло?

— Нет, конечно, — фыркнула Вики. — Достает пакеты с кровью через станции переливания и донорские пункты. Хотя, будь я на твоем месте, то не шутила бы с ним в таком роде,

поскольку бывали случаи, что у него от жажды крышу сносило, и он случайных людей кусал. Да…

Было что-то в манере общения этой невысокой милой женщины, заставлявшее Германа невольно растягивать губы в ответной улыбке. Они разговаривали еще почти целый час, обсуждая всякие детали жизни вампов и забавные истории. Каждого нового человека, забредавшего в буфет, Вики обязательно представляла боксеру, так что в скором времени он знал уже половину членов ассоциации, хотя никто из них не горел особенным желанием общаться.

— Вон, видишь, в дальнем углу сидит немолодой такой тип? — Она ткнула пальцем в сторону очередного вампа. — Это Николай Павлович, старейший наш вамп. Не в плане возраста! Хотя, что уж таить, и по этому признаку тоже. Но вообще-то, он был первым, кого Дантист пригласил вступить в свою только созданную ассоциацию.

— В смысле Дантист? — удивился Герман, разглядывая бородатого деда, дремавшего на пуфике. — Разве не Альберт — основатель В.А.М.П.?

— Альберт руководит ассоциацией сейчас. Ее создатель — это Дантист. Он многие годы искал зараженных по всей Старой и Новой Москве, приглашая их объединиться в организацию для взаимной помощи, тестировал свои импланты.

Вики широко улыбнулась, мелькнули ее выдвижные клыки. Они отличались от тех, что были у самого Германа: эти зубы казались крупнее и имели блекло-серый цвет.

— Уже после появился Альберт. Это Дантист нашел его и привел в зарождавшуюся ассоциацию, когда вампы еще базировались на убитых съемных квартирах и дачах. Говорят, у Альберта было очень тяжелое заражение. Вирус-террористы избили его в одном столичном клубе до полусмерти и после обкололи своей инфицированной кровью из-за какого-то конфликта. Дантист его выходил, вставил зубные импланты, а уже через несколько месяцев Альберт взял главенство над ассоциацией в свои руки. И с тех пор дела В.А.М.П. идут все лучше и лучше с каждым годом.

— Постой-постой! — Герман замахал руками. — Вирус-террористы? Это еще кто такие?

— Ну, — замялась женщина, — это диссиденты, отщепенцы, которые настолько обижены на весь мир, что из-за какой-то случайности оказались заражены железодефицитной анемией, что вкалывают свою кровь здоровым людям. Чтобы испортить жизнь другим, раз им самим так не повезло.

— Поверить не могу, что кто-то способен на такое!

— Их нет в нашей ассоциации, и это, скорее, отдельные группы зараженных, чем какая-то конкретная организация. Они то стихийно появляются в городе, принося за собой десятки заболевших, то затихают на годы. Просто озлобленные люди мстят невиновным за свою боль.

— И все эти люди, что есть в ассоциации… — Герман обвел руками пространство вокруг себя. — …Все они были заражены этими вирус-террористами?

— Нет, конечно. Но многие. Однако большой процент и тех, кто заболел вследствие медицинской неосторожности, из-за использованных шприцов и игл. У нас есть несколько бывших наркоманов, которые кололись одной иглой в каком-то притоне и так получили вирус. К сожалению, есть и дети, рожденные от инфицированных родителей. Это особенно тяжко, ведь они с самого детства не знают вкус нормальной еды, а вынуждены пить кровь с самых пеленок.

Вики тяжело вздохнула и отвела взгляд в сторону.

— Знаешь, я сама получила вирус случайно, — через мгновение продолжила она. — Лет десять назад пошла с друзьями на один крупный музыкальный фестиваль. Приехала модная рок-группа, от которой все тогда фанатели. Я пришла туда здоровой, а ушла зараженной. Какой-то подонок в толпе успел наградить меня мутировавшей анемией… И если бы не Альберт и Дантист с их помощью, то даже не знаю, как бы я смогла выжить и понять, что со мной происходило в то время.

— Наверное, тебе было тяжело принять себя такой? — сочувственно произнес Герман, слегка касаясь пальцев Вики. Она искривила губы в слабой улыбке и в ответ похлопала боксера по костяшкам.

— Всем тяжело отказываться от своей старой жизни. Заводить новые, порой очень странные, знакомства, отказываться от некоторых привычек и пытаться стать частью общества, отлученного от мира, преследуемого государством… Но тосковать нельзя. Как и сдаваться. Иначе весь труд Дантиста и Альберта по благоустройству нашей жизни простой пойдет под откос.

— Может, ты и права.

Через минуту молчания женщина вновь заговорила:

— А ты сам-то как получил вирус, не знаешь?

— Я пытался вспомнить. Но ничего так и не пришло на ум. Если эта зараза должна попасть в кровь, то у меня нет представления, что произошло. Потому что в тот день я ран не получал. — Герман взлохматил рукой свои короткие светлые волосы.

— Если не помнишь, то велика вероятность, что это именно вирус-террористы. Они могут в толпе, где-нибудь в метро, например, незаметно воткнуть шприц в кожу, а ты даже не обратишь внимания. И всего капли их крови будет вполне достаточно.

Герман нахмурился и погрузился в угрюмую задумчивость. Перебирая в голове все события того дня, когда он вернулся в Москву, боксер старательно вспоминал моменты, в которые он мог получить губительный укол.

И он вспомнил.

Вспомнил нелепого человека в желтом пиджаке, который упал на него в сквере, а ногу Германа тогда прострелила острая боль. Кажется, это был все же вирус-террорист. Как это часто бывает, чем ярче одежда, тем хуже запоминается лицо. И потому Герман держал в голове лишь желтый безликий силуэт все это время.

В тот же самый роковой день этого человека Герман видел еще раз — сразу после окончания своего боя на подпольной арене. Тогда он сбил его с ног, но не успел ничего сказать, поскольку Жека торопливо увел друга на улицу. Неужели этот террорист еще и продолжал слежку после всего?

— Ты как-то помрачнел, — ворвалась в его мысли Вики своим мелодичным голосом.

— Кажется, я вспомнил, как все произошло.

— Правда?

— Да, но лица за очками и шляпой я почти не видел. Хотя этот гад следил за мной еще долго. Наверное, хотел точно увериться, что вирус попал ко мне в организм.

— Думаю, найти его шансов маловато. Ты не зацикливайся на этом обозленном на мир человеке, смотри в будущее, не живи прошлым. По крайней мере, тебе очень повезло: тебя вовремя нашла и приютила ассоциация, и теперь ты получил гораздо больше, чем тебе кажется.

Вики показалась Герману исключительным человеком. Он никогда не любил пустую болтовню, но именно с ней ему хотелось разговаривать и разговаривать часами. Это было легко и приятно, словно они были давнишними друзьями, которые не виделись много лет и теперь пересказывали друг другу всю свою жизнь, делились историями и не замечали, как бежит время вокруг.

Из буфета они перебрались на балкон на четвертом этаже, а после просто бродили по театру чуть ли не до самого вечера. Герман узнал, что Вики практически не покидала здание штаба.

Она работала здесь кем-то вроде начальницы компьютерного отдела, программистом и главой кибербезопасности в одном лице, и координировала через свои машины многие аспекты внутренней жизни В.А.М.П., отчитываясь напрямую только перед Альбертом.

Около семи часов вечера Виктория, извинившись, сказала, что у нее еще есть неотложные дела в рабочем кабинете, к тому же подходило ее время питания: скоро должны были по расписанию привезти кроликов для «хищников». Она не хотела пропускать свой ужин.

Герман ушел отдыхать, но Вики так и не появилась в тот день в общей спальне. Как и в последующие два дня тоже. Ее койка осталась в том же состоянии, что и в день их знакомства, и кого только Герман ни расспрашивал, все отвечали, что женщина, видимо, без продыху работает над очередным заданием Альберта. Он любил загружать ее своими новыми идеями и проектами, так что возле своих компьютеров Вики могла без отдыха проводить недели.

К счастью, силы Германа действительно возвращались. Больше он не отказывал себе в крови, и каждый день уже без какого-либо отвращения ходил в буфет, а потому к концу отмеренной Альбертом недели боксер вернулся в форму, а с его лица даже сошли все синяки.

— Я был абсолютно уверен, что Вики удастся убедить тебя перейти на нашу пищу, — хмыкнул Дантист, когда Герман появился на пороге его медицинского кабинета в конце недели.

Неторопливо закончив мыть узкие стеклянные пробирки, Док жестом указал своему пациенту на кресло, приглашая его присесть.

— Она многое мне рассказала об ассоциации. — Герман кивнул, откидываясь на металлическую поверхность. — Но последние дни я ее совсем не видел. Мне сказали, что она выполняет какие-то задания Альберта… Ты ничего не знаешь об этом?

— Не советую тебе совать нос в дела Альберта, — достаточно прохладно ответил Дантист, вытирая руки о полотенце и разворачиваясь к боксеру. — Вики скоро освободится, а вот спрашивать ее или кого-либо еще о сути даваемой главарем работы не стоит.

— Почему?

— Альберт сам себе на уме. Вечно строит какие-то далекоидущие многоступенчатые планы, раскидывает роли по членам ассоциации, но если он сам не захочет тебя включить в список своих верных подручных и посыльных, то напрашиваться

бесполезно. Свои карты он не раскроет.

Подхватив медицинский пистолет и дав ему время загрузиться, Док медленно просканировал пациента, внимательно следя за данными, выводимыми на небольшой экранчик.

— Это что-то противозаконное? — все же спросил Герман. — Если он так скрывает свои планы, но при этом организация живет и процветает, позволяя себе содержание почти пяти десятков вампов, то здесь должны крутиться неплохие деньги.

Дантист сжал губы и устало посмотрел на боксера, опустив пистолет.

— Не вздумай Альберту задавать подобные вопросы. Он тебя по головке не погладит. Ты здесь еще никто, Герман, простая пешка, случайно затесавшаяся в наши ряды и которая, скорее всего, быстро отсюда сбежит. Альберт даст тебе пару поручений или устроит на выгодную для него работу. Молча все сделай и будешь свободен. А если станешь вопросы задавать, лезть, куда не следует, то ты увязнешь в делах В.А.М.П. гораздо сильнее, чем сам того желаешь. И выйти незапятнанным уже не получится. Если тебе вообще удастся выйти из этой игры.

Герман внимательно слушал каждое слово Дантиста. И даже несмотря на тон, он понимал, что медик давал ему ценный дружеский совет, а вовсе не угрожал.

— Ты меня услышал? — Док отвернулся, выключая пистолет.

— Да.

— Тогда иди к Альберту. Четвертый этаж, последняя дверь налево. Ты вполне здоров и уже можешь приниматься за его работу.

Из подвала Герман поднялся на четвертый этаж. Здесь было всего несколько дверей, плотно закрытых на массивные старые замки или и вовсе забитых досками. Судя по всему, весь этаж был отдан только главарю ассоциации, который по-королевски разместил свой личный кабинет подальше от казарм, в которых обитали его подчиненные.

Постучав в двустворчатые двери в самом конце коридора, Герман практически сразу же расслышал приглушенный стук и спокойный голос ответил:

— Минуту.

Через десяток секунд дверной замок щелкнул, и Альберт раскрыл одну из створок.

— А, это ты, Герман. Уже был у Дока?

— Да, только от него.

Герман зашел в погруженный в полумрак кабинет главаря, закрыв за собой дверь. Альберт же, одной рукой застегивая пуговицы на своей явно наспех накинутой черной рубашке,

второй любезно указал боксеру на один из стульев, стоявших перед длинным полупрозрачным столом, занимавшим большую часть помещения. Внутри герметичной столешницы просвечивали компьютерные комплектующие, соединенные неоновыми проводами, а к тяжелыми кронштейнам крепились три громоздких монитора, один из которых как раз был включен и отбрасывал на поверхность стола объемную проекцию схемы какого-то здания. Альберт махнул, и яркая голограмма мгновенно исчезла. На миг темнота полностью поглотила весь кабинет, но вскоре затрещали металлические жалюзи, поднимаясь вверх и раскрывая два высоких окна, занимавших целую стену.

— Значит, твое состояние стало лучше?

Продолжая бороться с пуговицами, Альберт подхватил двубортный серый жилет со спинки своего кресла и элегантно накинул его на себя. В лучах солнечного света, наполнившего все помещение, Герман успел заметить давно зажившие широкие белые рубцы и точки, покрывавшие всю грудь главаря. Но Альберт наглухо застегнул воротник рубашки, полностью скрывая шрамы, и деловито опустился за свой стол.

— После того, как я стал пить кровь, то восстановление заняло считанные дни.

— Ты достаточно быстро адаптировался. И, как я слышал, уже даже завел знакомства.

Альберт украдкой поправил свой конский хвост, туже его затянув, а после откинулся на спинку кресла, внимательным взглядом скользя по лицу Германа.

— Да, синяков и ссадин уже не видно, — констатировал главарь, хмыкнув. — Теперь я действительно могу предложить тебе работу.

— А что, моя внешность была критерием для подбора вакансии? — Герман вздернул бровь.

— Я собираюсь определить тебя в достаточно солидную компанию, и пристойный внешний вид играет там большую роль.

— О какой компании речь?

— «Осе», крупнейшая фирма, специализирующаяся на модификациях внешности, столь модных в наше время.

Герман растерялся.

— Это те самые, что ставят бионические протезы хвостов и вживляют людям шерсть и кожу животных?.. Но я никогда не интересовался усовершенствованиями тела и вряд ли пригожусь в подобном месте.

— Хвостами и имплантами их деятельность не ограничивается, уж поверь мне. — Альберт поставил локти на стол и переплел пальцы рук. — Но я вовсе не собираюсь посылать

тебя туда как какого-нибудь узконаправленного специалиста. У них, как и у любой крупной компании, есть масса вакансий в самых различных областях.

— И куда же суждено попасть мне?

— Скажем так, для начала я определю тебя на самый нижний этаж этой пирамиды.

— А впоследствии?

— А впоследствии я посмотрю на твои успехи. И там уже решу, что будет дальше.

— Выходит, меня устроят на должность какого-то клерка или уборщика? — с нараставшим раздражением в голосе спросил Герман.

— Вовсе нет. Пока что ты попадешь в службу охраны. И в твои обязанности не будет входить ничего иного, кроме ношения костюма и поддержания сурового выражения лица весь рабочий день.

Альберт поднялся с места и провел пальцами по краю своего стола.

— И в чем суть?! — непонимающе воскликнул боксер, дернув плечами. — Зачем нужно, чтобы я устроился охранником именно туда? Это как-то поможет В.А.М.П. или лично мне? Принесет ассоциации денег или это лишь малая часть какого-то глобального плана?

— Ты не обделен силой, Герман, потому тебе и предопределена такая работа, но вот искать причинно-следственные связи я бы тебе не рекомендовал. Оставь это дело мне, как твоему непосредственному начальнику. И просто послушно делай то, что я тебе говорю.

— Чтобы потом что…? От меня избавились, как от пешки?

— Чтобы потом, когда я сочту наш с тобой контракт исполненным, ты мог жить так, как тебе хочется, на свободе и с деньгами. Разве не этого ты, в конце концов, и добиваешься, Герман?

Глава пятая
Вавилонские башни из стекла и бетона

— Значит, вот карта-пропуск на вход, ключ от твоего шкафчика и гарнитура для рации. Так… Погоди-ка. А у тебя чего, голосмартфона нет что ли?

— Недавно разбил, — признался Герман.

— Это плохо. У нас вся гарнитура подключается напрямую к нему сразу.

— Для чего?

— Чтобы считывать через голосмартфон колебания связок и подавать звук напрямую через встроенные костные наушники.

Павел Алексеевич, грузный пятидесятилетний мужчина с военной выправкой, вамп и по совместительству начальник охраны в компании «Осе», задумчиво пощипал пальцами свой гладко выбритый подбородок:

— Альберт меня о таком не предупреждал. Не по уставу.

— И что, я теперь буду без связи совсем?

— Нет, почему же. Сейчас схожу на склад. Вроде у нас сохранились старые наушники, надо поискать их… На, ключ возьми, оставь пока свои личные вещи в шкафчике.

Вручив Герману пропуск и ключ, начальник быстрым шагом удалился на склад. Он вернулся лишь через четверть часа, когда боксер уже бросил всякую мелочь из карманов в шкафчик и вдоволь накрутился перед зеркалом в общей раздевалке, рассматривая черный костюм, предоставленный ему ассоциацией для новой работы. Никогда прежде Герман не носил подобной одежды и все еще не мог привыкнуть к узкому пиджаку, который, казалось, в любую секунду был готов разойтись на спине от случайного движения. Но даже несмотря на все неудобства костюма, новый облик ему нравился, он будто делал его серьезнее и как-то важнее.

Павел Алексеевич появился на пороге раздевалки незаметно и едва слышно кашлянул, привлекая внимание рассматривавшего себя боксера:

— Слушай, ну нашел я старые наушники. Состояние среднее, конечно, но, думаю, на первое время сгодится. А там или попросим выписать для тебя откуда-нибудь другие или, может, ты уже починишь голосмартфон, а?

— Как только получу аванс, схожу в офис «Аргус», установлю

новый аппарат. Это само собой. Сейчас пока с деньгами туго, — сказал Герман, забирая наушники с рацией.

— Я поставил тебя в напарники с Олегом, он хороший парень, расскажет тебе, что да как тут у нас устроено. Он ждет в главном холле. А я пойду пошлю отчет Альберту, что тебя устроил на место.

Махнув рукой, Павел Алексеевич ушел, а Герман, разобравшись с креплением старых наушников и настройкой рации, вскоре тоже покинул раздевалку, готовясь встретить своего напарника.

Олег действительно оказался молодым и достаточно дружелюбным парнем. Он возвышался над Германом практически на целую голову, но явно совершенно не стеснялся своего высокого роста, держа спину ровно и вытягивая шею.

— Приятно познакомиться! Поехали на обход.

Обменявшись крепким рукопожатием, напарники неспешно направились из главного холла на скоростном лифте на пятидесятый этаж небоскреба.

— Работа на самом деле не очень пыльная, — с улыбкой поделился Олег, облокотившись на поручни длинного траволатора, на который они ступили, стоило покинуть лифт. — У всех есть выделенные им под надзор этажи, где надо совершать обходы. У нас с тобой с пятидесятого по пятьдесят пятый — это обыкновенные офисы, битком набитые бумажными крысами.

Проезжавшая на обратном траволаторе мимо охранников женщина в деловом костюме окинула Олега возмущенным взглядом.

— А, не обращай внимания, — посоветовал парень Герману, хмыкнув. — Они все тут строят из себя важных, а на деле просто пыль на сапогах глав компании.

— А эти главы компании, кто они?

— Внутренний совет руководителей из шестерых начальников отделов и сам владелец Дамир Игнатьевич Реутов. Советую тебе хорошенько запомнить это имя и глянуть в Рунете его снимок, чтобы знать босса в лицо. Хотя вероятность того, что ты с ним лично встретишься, довольно мала.

— Это еще почему? — спросил Герман, поправляя неудобный наушник, постоянно давивший на ушную раковину. Кто бы мог подумать, что в век развитых технологий ему придется носить такой артефакт древности.

— Он обитает на восьмидесятом этаже, под самой крышей. Доступ туда имеют немногие, а из охраны и вовсе только его личные телохранители. Единственное место, куда он спускается с вершины своего Олимпа, — это лаборатории, но они на

семидесятых этажах. Там дежурят из наших два старожила каких-то, я их даже по именам не знаю.

Через несколько минут полоса траволатора закончилась, и охранники пешком неспешно двинулись вдоль высоких панорамных окон, из которых открывался роскошный вид на весь бизнес-центр Новой Москвы.

Когда утром Герман на метро добрался из Старого города в Новый, то в первые полчаса заплутал между стеклянными небоскребами, вспарывавшими облака своими узкими шпилями. Это был район элиты, и боксер, размеренно ступавший по тротуару с открытым ртом, то и дело шарахался в сторону от деловых бизнесменов и бизнесвумен, которые на сегвеях и моноколесах постоянно проносились мимо, успевая вести дела по голосмартфонам и всматриваться в проекцию бегущей строки, выводившей курсы последних биржевых сделок.

Это место было прибежищем самых могущественных корпораций, пустивших свои корни глубоко в город. Всевидящая компания «Аргус», выпускавшая встраиваемые в яремную ямку кнопки голосмартфонов, которыми пользовались все от мала до велика в стране; фирма «Motus», полностью поглотившая и монополизировавшая рынок электромобилей и другого экологичного личного транспорта; банковские и финансовые компании, горно-металлургические и нефтегазовые гиганты — все они обитали здесь и стремились дотянуться до небес, выстраивая свои Вавилонские башни из стекла и бетона.

В этой части города Герман почувствовал себя лишним, особенно когда стоял у самого подножия многоступенчатого небоскреба компании «Осе», переливавшегося в солнечном свете сотнями окон, искрившегося объемными проекциями рекламы. Огромная ярко-красная эмблема, состоявшая из вписанных друг в друга букв названия компании и походившая на овальный кулон, горела прямо над входом, притягивая к себе взгляд. Тогда Герман был раздавлен этим величием и могуществом, а теперь и сам возвышался над городом, с пятидесятого этажа разглядывая из окна покрытые неоновыми огнями небоскребы и скрывавшиеся за ними линии магистралей, районы жилых многоэтажек. Он был в элегантном костюме, на хорошей работе, в самом сердце бизнес-центра столицы, и ощущение довольства невольно настигло его в тот момент.

— Красивый вид, правда? — усмехнулся Олег, заметив широко распахнутые глаза Германа. — Ты, похоже, вообще не местный? Никогда раньше не бывал в Новой Москве?

— Есть такое…

— А родом-то откуда сам?

— Из Абакана, это в Сибири.

Олег присвистнул.

— Далеко ты забрался от дома. Хотя, оно и понятно почему. Столица всех притягивает. Здесь деньги можно заработать на чем угодно, купить, что душа пожелает, и продать тоже.

— Но и потерять все деньги здесь тоже проще простого, — со знанием дела вставил Герман.

— Ну и что? Эти деньги — лишь нолики и единички, нарисованные в недрах банковской системы. Их можно лишиться из-за любого сбоя, и горевать по несуществующей валюте не стоит.

— А как тогда выжить? — Герман повернулся лицом к своему напарнику, внимательно изучая лицо молодого парня с узкими миндалевидными глазами и крупными розовыми губами. — Вот вдруг ты все потеряешь, будешь должен серьезным людям, и как тогда вертеться?.. Эти нолики и единички правят миром теперь, и пустой счет закроет для тебя все двери.

— Разве? — хохотнул Олег. — Ты забываешь, что теперь наши личности сами стали лишь строками кода в системе. И обезличить себя нынче не так уж сложно. Достаточно вырубить голосмартфон и все, ты уже потерян для этого мира.

Герман дотронулся до наглухо застегнутого воротника своей рубашки, который скрывал пустую металлическую воронку, оставшуюся от разбившегося голосмартфона.

— Все контакты разорваны вмиг, — продолжал Олег. — Нет выхода в Рунет, доступ к счету определить невозможно, даже подтвердить личность становится очень трудоемко, и выследить тебя уже никак не получится. А, казалось бы, всего лишь маленькая стеклянная кнопка в основании горла. И тем не менее именно она правит нашей жизнью, а ведь многие все еще предполагают, что это лишь игрушка.

— Ты считаешь, если ее убрать, то станешь призраком? — Герман пытался понять, шутил ли его напарник или говорил серьезно.

— Скорее, если ты хочешь стать призраком, то ее в первую очередь стоит убрать. И тогда твоя строка со временем исчезнет из компьютерного кода этого государства. Полицейские дроны без предъявления твоего трехмерного личного штрих-кода не сумеют тебя никак опознать. И ты сможешь стать кем угодно, заменив номер, открыв новые счета, сменив работу. Создашь себя с чистого листа…

Олег осекся под внимательным взглядом Германа, который вслушивался в каждое слово так, будто от этого зависела его жизнь.

— Но ты ведь не думаешь, что это действительно может уберечь тебя от ошибок прошлого, которые станут преследовать твой призрак? — выдавил из себя наконец Герман. — Ведь есть и камеры, есть поисковые дроны, идентификация лица, верно? Полностью исчезнуть все еще сложновато! Верно ведь? Верно?

— Верно… — задумчиво протянул Олег, видимо, разглядев на дне темных зрачков напарника что-то такое, что его насторожило. — Конечно, это просто мои предположения. Не бери в голову.

Но каждый из них двоих в тот момент прекрасно понимал, что это были вовсе не предположения.

* * *

Первые дни на новой работе пролетели достаточно быстро, а вскоре подошла к окончанию и целая неделя. Как и говорил Олег, на офисных этажах действительно не происходило ничего, и особенная необходимость в охране там отсутствовала, а потому Герман со своим напарником лишь совершали ленивые обходы, считая часы до окончания рабочего дня.

В выходные Герман решил привести в порядок свою кожаную куртку, поскольку в городе начинало холодать, постепенно наступала осень. После случившегося на железной дороге куртка была в плачевном состоянии: в нескольких местах она порвалась, но выкидывать такую недешевую вещь, тем более в условиях полного отсутствия денег и иной одежды, Герману казалось глупостью. Вдев нитку в иглу, он сидел в общей комнате отдыха в штабе, склонившись над курткой под светом торшера, и пытался своими грубыми сбитыми руками сделать хотя бы несколько аккуратных стежков. Получало из рук вон плохо.

В конце концов разозлившись на собственную неприспособленность к таким мелким бытовым проблемам, Герман отбросил катушку на край дивана и откинулся назад на мягкие подушки. В дальнем углу комнаты двое вампов играли в бильярд в полном молчании, лишь изредка шумно затягиваясь паром электронных сигарет, а в остальном в помещении было совершенно тихо. Герман даже начал как-то привыкать к полупустому зданию штаба ассоциации. Делать здесь было особенно нечего, но какой-то затхлый запах старины, царивший в этих театральных стенах, придавал месту особенное очарование.

Рука Германа, лежавшая поверх порванной куртки, неожиданно нащупала что-то твердое сквозь кожу и подкладку. Нахмурившись, мужчина запустил пальцы в карман и достал

оттуда небольшую визитку, отпечатанную на упругом пластике. Изображение двух сжатых кулаков, врезавшихся друг в друга, украшало один ее оборот, а на второй стороне тянулось блестящей вязью имя «Султан».

Срок, данный Золтаном на сбор пятидесяти тысяч мультивалютных долларов, закончился еще неделю назад, и теперь распорядитель подпольных боев наверняка уже принялся за поиски своего нерадивого бойца, задолжавшего ему такую сумму и безвольно сбежавшего с арены. Конечно, подобных денег у Германа не водилось, и даже если бы водилось, то он ни за что не отдал бы их в руки Султану, предпочтя скрываться в тени еще какое-то время. Тем более что Олег подсказал ему эту замечательную мысль: отсутствие голосмартфона в самом деле способно было убрать с поисковых радаров кого угодно.

Однако Герман волновался о друге, который вполне мог оказаться под прицелом Золтана. Жека непременно заинтересовал бы Султана, тем более что катмен, по его же словам, не собирался бросать свою команду, на которую работал, хоть и уверял, что имеет в городе некоторые укрытия и надежные прибежища. Но все же отсутствие связи с товарищем только заставляло Германа еще больше тревожиться, раздумывая над тем, как и через кого можно было бы послать Жеке весточку и разузнать обстановку.

На пороге комнаты отдыха возникла невысокая женщина, тяжело опиравшаяся на стену. Это была Вики, вот только теперь ее короткие медного цвета волосы сальной шапкой облепили голову, белая майка явно давно не обновлялась и покрылась желтоватыми кругами, а на бледном лице была написана смертельная усталость.

— Привет, Герман, — едва слышно выдохнула женщина, пластом падая на диван рядом с боксером.

Он окинул свою знакомую озабоченным взглядом.

— Что с тобой такое? Выглядишь измотанной.

— У меня просто нет сил уже, — невнятно пробурчала Вики в подушку.

— Что? Повтори еще раз.

Послышался шумный выдох полный обреченности, и женщина, явно сделав над собой усилие, перевернулась на спину, раскинув руки.

— Говорю, устала до смерти.

— Какие-то проблемы или Альберт загружает сверх меры? — поинтересовался Герман.

— И первое, и второе, — прикрыв глаза, мрачно сообщила Вики. — Уже больше недели почти не вылезаю из кабинета, даже

сплю там же, в кресле. Сейчас хотя бы полчаса выдалось, могу поваляться в свое удовольствие и хоть чужие лица увидеть, а не только мониторы.

— Неужели дело такое важное, что требует твоего круглосуточного контроля?

— У Альберта есть бзик. Он любит сам все контролировать и участвовать в большинстве проектов. Действует по принципу «Хочешь сделать хорошо, сделай сам», а потому лезет в максимальное количество дел. Но разорваться все же не способен. И потому, пока он торчит в каком-нибудь крупном проекте, я должна мониторить остальные и постоянно ему отчитываться.

— Звучит утомительно…

— Так и есть. Особенно, когда мы ведем параллельно несколько действительно важных и прибыльных дел, то и он и я работаем буквально без передышки, — пожаловалась Виктория.

— Прибыльных? А о какого рода проектах вообще речь? — осторожно спросил мужчина.

— Герман, — сразу же устало среагировала Вики, приподнимаясь на локтях. — Ты меня прости, конечно. Ты человек хороший, и мне очень нравишься. Но если Альберт не даст мне прямой приказ рассказать тебе о нашей деятельности, то я без его ведома ничего говорить не буду.

— Разве я спросил о чем-то запретном?

— Эта тема для тебя закрыта. Ты лишь пару недель состоишь в ассоциации, и я понимаю опасения Альберта, который не хочет все карты раскрывать перед новичком. Прости, но ты не заслужил еще доверие главы. А я просто выполняю его указания. Это ради безопасности всей ассоциации.

Герман понимающе хмыкнул, отведя глаза.

— Ну, ты же не держишь на меня обиды, правда? — Женщина настойчиво пыталась заглянуть ему в лицо. — Пойми, я ведь тоже человек подневольный. И тут мало чем распоряжаюсь. Альберт скажет молчать, я молчу, скажет работать неделями без сна и отдыха, и я исполню, потому что благодарна В.А.М.П. за шанс на новую жизнь, который мне подарили, и лично Альберту за его отношение…

— Да все я понимаю, — с легкой грустью в голосе ответил Герман. Все же злиться на эту маленькую отважную женщину он не мог. Она и по сей день оставалась самым человечным вампом в ассоциации, а терять такого знакомого ему не хотелось.

— Вот и хорошо. Спасибо, Герман. За понимание и за то, что не пытаешь бедную уставшую женщину ненужными вопросами. Правда.

Она слегка улыбнулась, задорно блеснув светло-карими

глазами.

— Чем ты тут занимался в уголке, пока я не нарушила твой покой своим сумбурным появлением? — поинтересовалась Вики через несколько секунд.

Подцепив пальцем свою изорванную куртку, Герман продемонстрировал ее собеседнице.

— Вот. Пытался зашить.

— Судя по наличию дыр, попытка не удалась? — заключила женщина.

— Очень точно подмечено.

— Хочешь, я помогу? — неожиданно предложила Вики, уже забирая из рук боксера куртку.

— А ты можешь? — оторопело спросил Герман, разжав пальцы.

Виктория хохотнула, изогнув брови.

— В этом нет ничего сложного! Давай сюда нитки, новичок!

Пару минут Герман наблюдал за тем, как аккуратно и быстро женщина зашивала длинные прорехи на куртке, стараясь скрыть шов, чтобы он был не так сильно заметен.

— Ты просто спасла меня, — шепотом признался боксер. — Причем, уже второй раз. Сначала с кровью, а теперь и с одеждой.

— Это пустяки, — не отвлекаясь от дела, хмыкнула Вики. — Ты порой кажешься мне таким несамостоятельным. Вот вроде серьезный боец, сильный и грозный, от одного вида в дрожь бросает, а проблемой для тебя становится какая-нибудь обыкновенная дыра на куртке.

— Я просто обычно или не обращаю на подобное внимания или…

— Или же кто-то решает такие вещи за тебя, да? — проницательно закончила за Германа женщина. — Да ты не стесняйся. Я уже не маленькая девочка, и такой признак женатого мужчины всегда разгляжу.

— Тут ты не права, — не смог сдержать улыбки боксер. — Женатым я не был.

— А кто тогда сотворил из тебя такого несамостоятельного мальца?

— Не знаю. Может, сестра, с которой я жил последние годы. Она все делала за меня, пока я подрабатывал детским тренером, почти как моя мать когда-то. Хотя нет… Наверное, это началось раньше. С моей команды, еще когда я занимался профессиональным боксом в Москве. Тренер и катмен всегда все решали за меня, обо всем договаривались. И от меня требовалось только выйти на ринг и работать кулаками… Это всегда казалось очень удобным. Я концентрировался на спорте, думал лишь о

противнике и своих движениях. Ничего лишнего.

— Но в реальной жизни все совсем иначе, не так ли?

Двое вампов, молча игравших в бильярд и наверняка тоже тайком прислушивавшихся к разговору, как-то незаметно оставили кии в стороне и необыкновенно тактично покинули комнату отдыха, будто растворившись в воздухе.

— Да. Все совсем иначе. — Герман угрюмо кивнул. — Здесь ты должен сам решать, каким будет твой следующий шаг, и никто уже не шепнет на ухо, какой стратегии следует придерживаться, а когда отступать. Может, потому теперь я и оказался там, где оказался? Потому что неосознанно тянулся к какому-то лидеру, способному все за меня решать? Такому, как Альберт, например.

Женщина перестала шить и внимательно посмотрела на собеседника.

— А ты думаешь, это всегда хорошо? — спросила она. — Вечно ходить под чьим-то началом, отказываясь от собственных амбиций и заглушая свои желания? Нет, я ничего не хочу плохого сказать об Альберте. Он замечательный, и как лидер, и как человек. Я очень ценю и уважаю его… Но конкретно для тебя, кем стал Альберт? Главарем, помощником, заменой тренера? Нужен ли тебе вообще такой человек, или все же ты способен самостоятельно управлять своей жизнью?

Герман долго молчал, обдумывая слова Вики. Она уже успела зашить его куртку и положить ему на колени.

— Наверное, я еще не знаю, — наконец прошептал он.

— Может, тогда сейчас самое время это выяснить? Пока ты еще не закостенел в рамках чужих условностей и законов.

— Но как это сделать? — Герман поднял голову.

— Вот видишь, ты опять спрашиваешь совета, ищешь помощи и наставления у других. — Вики мягко и сочувственно улыбнулась, не разжимая губ. — А должен действовать сам. Прислушивайся почаще к себе.

Она прижала свою хрупкую ладонь к его груди в том самом месте, где под кожей тяжело и ритмично билось сердце.

— И к тому, что говорит тебе твой внутренний голос.

— Я буду учиться, — пообещал Герман. — И спасибо за куртку.

Вики убрала ладонь.

— Это пустяки, — повторила она ранее сказанные слова. — Но если в благодарность ты поможешь мне добраться до моих компьютеров, то это будет очень приятно.

— Иди сюда.

Он подхватил эту невесомую женщину на руки, хотя она явно не рассчитывала на такой способ перемещения, и вышел в

коридор.

— Где твой кабинет хоть находится? — спросил Герман, покрутив головой по сторонам.

— Эх ты! Уже полмесяца здесь прозябаешь, а все еще не знаешь, куда идти, чтобы добраться до моего логова, — мягко упрекнула боксера Вики.

— Ты к себе не приглашала.

— А тебе всегда нужно приглашение? — усмехнулась женщина и указала рукой в дальний конец коридора. — Предпоследняя дверь. Вон та, с металлической табличкой.

Герман послушно пронес Викторию на руках через весь коридор до обозначенного кабинета. На ручке двери и правда висела небольшая металлическая табличка с надписью на экране «На бенче», как только Вики ее перевернула, там загорелась надпись «В овертаймах».

Внутри комнаты, больше походившей на тюремную камеру из-за отсутствия окон и естественного освещения, в хаотично порядке располагалось оборудование, опутанное метрами проводов и кабелей. На высокий шкафах ютились отдельные или соединенные друг с другом компоненты компьютеров: блоки питания, платы, винчестеры, портативные проекторы и другое железо. Шумно гудели массивные вентиляторы, охлаждавшие воздух в помещении. А в самом центре этого беспорядка стояла подсвеченная светодиодными лентами компьютерная кабина, занимавшая практически все свободное пространство. В ее сердце располагалось кресло-реклайнер, в которому примыкал модульный стол, где на массивных кронштейнах крепились шесть объемных мониторов, расположенных полусферой.

— Брось меня на мой трон, будь так любезен, — попросила Вики.

Стараясь не запутаться ногами в запыленных кабелях, устилавших пол, Герман добрался до центра комнаты и опустил в кресло женщину, которая одарила его благодарной улыбкой и слабым поцелуем в щеку. Она сразу же скинула обувь, подбирая под себя ноги, и закуталась в кокон из пледов, небрежно брошенных на спинку.

— Ты просто мой герой. А теперь оставь меня гнить в этом темном логове, Герман. Мне пора работать…

Она даже не успела договорить до конца фразу, как один из экранов уже полыхнул ярким светом, уведомляя о входящем вызове.

— На связи, — устало отозвалась Вики, принимая звонок.

— Ты уже на месте? — послышался из динамиков, расположенных возле изголовья кресла, серьезный голос

Альберта.

— Да. Что у нас дальше?

Осознав, что в его присутствии больше не было никакой необходимости, Герман бесшумно покинул кабинет, плотно закрыв за собой дверь. И только после с легкой улыбкой потер щеку, в которую его поцеловала Виктория.

Вечер выходного дня выдался еще более скучным, чем обычно. Поужинав стаканом прохладной крови, Герман, лишенный всех привилегий обладателя голосмартфона, без дела слонялся по театру, ища, чем бы себя занять. Уже позанимавшись в достаточно скудно обставленном тренажерном зале штаба, приняв душ и полюбовавшись на закат, он томился безделием. В его голове зрела одна мысль, которая невольно мешала сосредоточиться на чем-либо еще. И эта мысль была рождена недавним разговором с Викторией. Герман волновался за свою сестру, с которой уже полмесяца не выходил на связь, и которая со свойственной ей родственной заботой наверняка уже выплакала все слезы в попытках дозвониться брату на разбитый голосмартфон.

Ее следовало предупредить, что с Германом все в порядке, и, возможно, посоветовать связаться с Жекой на досуге. Но основной вопрос, который стоял перед боксером, заключался в отсутствии какого-либо аппарата для звонка сестре. Единственным выходом было отвлечь Вики от работы, вновь наведавшись в ее опутанное кабелями логово, и попросить дать ему пару минут на разговор с родственницей, пребывавшей в глубочайшем неведении по поводу судьбы брата.

Герман скользнул на второй этаж, отыскав дверь с металлической табличкой. Он деликатно постучал и, не получив ответ, через пять секунд зашел внутрь. Но комната пустовала. Горели включенные мониторы компьютерной кабины, крутились вентиляторы, а вот Вики на месте не было. Высунувшись обратно в коридор, Герман посмотрел на табличку, на которой ярко подсвечивалась надпись «На бенче» и хмыкнул себе под нос.

На висевших на стене часах было семь минут восьмого, и боксер запоздало вспомнил, что в это время женщина по расписанию уходила на ужин, обескровливать беспомощных кроликов. Значит, какое-то время она должна была еще отсутствовать. Несколько мгновений Герман постоял в коридоре в задумчивости, но после все же шагнул в кабинет, плотно захлопнул за собой дверь и двинулся к компьютерной кабине.

«Не думаю, что она будет злиться, если я совершу всего один звонок с ее машины».

Особенно в компьютерах он никогда не разбирался, но уж догадаться, как позвонить с этого навороченного аппарата, было нетрудно. Номер сестры Герман всегда держал в голове, еще с тех времен, когда вернулся из Москвы в родной город, чтобы затаиться там на семь долгих лет. Когда-то он помнил и номер своего отца, но теперь хранить его в голове больше не было надобности.

Через динамики послышалось два коротких гудка, и вот уже сестра приняла входящий вызов:

— Алло, — шепотом спросила она. — Кто это?

— Елена, — невольно улыбаясь, брат ласково позвал ее по имени, используя полную форму, как она всегда любила. — Это я, Герман. Я тебя там не разбудил?

Повисла пауза, длившаяся не меньше пяти секунд. Стало слышно, как едва уловимо фонят динамики, встроенные в подголовник кресла.

— Боже мой, это правда ты… — все так же негромко наконец охнула Елена, справившись с изумлением. — Герман… Что опять случилось?

— Ты прости, что я так внезапно пропал. Все просто перевернулось вверх дном за последние недели.

— С тобой все в порядке? — Голос сестры мелко задрожал.

— Я в норме. — Говорить излишне впечатлительной Елене о болезни показалось Герману откровенно плохой идеей. — И все еще в Москве.

— Ты был на боях?

— Был, конечно, — не стал отнекиваться боксер. — Но больше драться не стану.

— Что с твоим голосмартфоном? Откуда ты звонишь?

— Разбил его по неосторожности. Новый установить нет времени. Так что пока позаимствовал компьютер у одной знакомой.

— У знакомой? Но у тебя ведь нет знакомых женщин в Москве, — зачастила Елена. — У кого ты живешь?

— Не нервничай так. Я познакомился тут с хорошими людьми, они помогли мне с жильем и работой. Устроили в крупную фирму по дружбе. Так что деньги теперь снова будут, и скоро я перешлю тебе сумму на кредит.

Собеседница Германа опять замолчала, переваривая услышанную информацию.

— Алло, Елена? Ты еще на связи? — через полминуты окликнул сестру боксер.

— Да, я тут.

— У тебя все хорошо? Какая-то ты тихая… Как поживает мой

племянник?

— У нас все нормально, — выдохнула Елена. — Скажи, где ты хоть работаешь теперь?

— Точно нормально?

— Точно.

— Ну, смотри у меня, — проворчал Герман. — А по поводу работы… Меня устроили охранником в солидную компанию «Осе», они специализируются на модификациях тела. Может, слышала о такой?

— Нет, ничего не слышала, — произнесла женщина.

— Работа непыльная, деньги обещают приличные. Так что скоро жди от меня перевода.

— Хорошо.

— Я, кстати, хотел тебя еще кое о чем попросить. У меня там в гостиной во втором ящике комода осталась записная книжка. Помнишь, я туда номера со старого голосмартфона переносил? Ты найди там номер Жеки, катмена моего, а то я на память все цифры не помню. Позвони ему, как будет время. Спроси, все ли у него нормально, и скажи, что я тоже на плаву. Сделаешь?

— Я все сделаю. — Сестра даже не стала задавать никаких вопросов.

— Спасибо! А то я сам сейчас не могу с ним связаться.

— Слушай, у меня там ванна наполнилась. Я должна идти, Герман, — проговорила Елена.

— Ну, если так, то, конечно, иди. Рад был поговорить!

Но женщина уже завершила звонок, даже не успев расслышать последние слова брата.

«Какая-то она тихая сегодня. Надо будет перезвонить еще через пару дней».

Герман, пребывая в легкой озадаченности, тоже отключился и выбрался из компьютерной кабины. Цепляясь ногами за кабели, он медленно побрел на выход из кабинета.

Свою старшую сестру он знал хорошо. В конце концов, последние семь лет они прожили бок о бок, помогая друг другу. Он зарабатывал деньги, занимался воспитанием племянника и утешал Елену в тяжелые моменты, сначала, когда она потеряла мужа, а после, когда перенесла несколько сложных операций на почке. Она же, в свою очередь, одаривала его почти материнской заботой, всегда и во всем поддерживая. И когда скончался их отец, то весь мир вокруг сузился только до них двоих, брата и сестры, оставшихся друг у друга. Помощи ждать было неоткуда, надеяться тоже не на что. Все, что они могли, это держаться за свою маленькую хрупкую семью и крутиться изо всех сил, чтобы выплатить кредиты, прокормиться и дать ребенку образование.

И теперь, даже оказавшись в тысячах километров вдали от сестры, Герман чувствовал, что с ней что-то было не так. Но раз она не сказала, значит, еще не созрела до того, чтобы поделиться проблемами с братом. Надо было дать ей немного времени.

Глава шестая
Кровь на золоте

На следующий день Герман отправился на работу уже в куртке, которую намедни починила Вики. И всю дорогу, пока он трясся в вагоне скоростного метро, связывавшего Старую и Новую Москву, он машинально поглаживал своими загрубевшими пальцами аккуратные стежки, оставшиеся на месте прорех. И они грели ему душу, от чего на губах играла мальчишечья озорная улыбка.

Небоскреб «Осе», как и обычно, встретил его шумным людским потоком. За то короткое время, что Герман здесь проработал, он успел уже побывать на большинстве этажей здания, ради любопытства прогуливаясь по длинным коридорам и украдкой заглядывая в незапертые кабинеты. Не ради какого-то шпионажа, а, скорее, чтобы сформировать у себя окончательное понимание того, чем же компания «Осе» занималась в своем флагманском офисе.

Помимо лабораторий и центров разработки, находившихся на самых верхних этажах небоскреба, часть уровней была отдана под офисы, где сидели консультанты на линии помощи и специалисты по продажам, а также бухгалтеры и рекламисты. Чуть ниже располагался сектор этажей, где обслуживали клиентов и проводили сами операции по смене внешности. Там же размещались выставочные галереи, где на всеобщее обозрение были представлены все новые и имевшиеся в наличие модели подкожных имплантов, бионических протезов и частей искусственных животных.

Каждый день небоскреб принимал толпы людей, желавших довести свою внешность до совершенства и стать частью субкультур, диктовавших модные тренды обществу. Они входили в здание обыкновенными людьми, а уходили модифицированными, измененными до звериного облика, либо же кибернизированными декоративной электроникой.

Герман поглядывал на все эти превращения со стороны, посмеиваясь в кулак и вспоминая свои подростковые годы, когда вживляемые в кожу голосмартфоны и костные наушники были одновременно сколь популярным, столь и пугающим веянием моды. Однако теперь они удивительно прочно вошли в обыденную жизнь, завладели ей целиком и полностью. И, быть может, эти современные модификации через десяток лет тоже должны были изменить общество до неузнаваемости,

окончательно превратив человечество в киборгов, либо же вернув им звериный вид, несмотря на все старания эволюции. Никто не мог наверняка сказать, что ждало мир впереди.

Олег не соглашался с предположениями Германа, постоянно повторяя одно и тоже:

— Это просто блажь нынешней молодежи, эта мода сгинет уже через пару лет. Вот увидишь!

— Мода циклична. Сгинет сейчас, вернется через пару десятков лет, — отвечал Герман, пожимая плечами.

— Не скажи! Любое развитие предполагает отсеивание ненужного. Люди и звери эволюционируют, избавляясь от рудиментов, мода отказывается от эстетичности и оригинальности в пользу удобства и простоты. Взять хотя бы высокие каблуки, старинные корсеты, пышные платья, сложные прически прежних веков. Все это исчезло и больше не появлялось. Так что и эти модификации много не проживут. Уж поверь моему слову!

— Даже не буду спорить, — усмехался Герман. — Все равно им на смену придет что-то новое. Что-то более исключительное. Люди всегда найдут способ выделиться.

И каждый раз Олег упрямо сжимал губы, хмурил брови и уходил от этой темы, не желая принимать позицию собеседника, но и не споря с ней. Особенно с напарником они не ругались, неплохо прожигая время на сменах за разговорами и дискуссиями. Порой не сходились во мнениях, но довольно часто все же шли на уступки ради сохранения мира.

Как поделился с Германом Олег, он работал в этой компании уже около двух лет, имея на руках полноценную лицензию на частную охранную деятельность, и за это время досконально изучил внутреннюю жизнь небоскреба. Но больше всего его прельщали верхние этажи, где, по словам парня, кипела настоящая жизнь, которую держали в секрете от простых смертных. Он надеялся в конце концов подняться по карьерной лестнице до начальника охраны, чтобы получить доступ практически ко всем тайным уголкам могущественной компании, или же и вовсе пробраться в штат личных телохранителей владельца «Осе» Дамира Игнатьевича. Почему-то Олег был уверен, что именно там у него был шанс попробовать на вкус столь желанную «богатую жизнь», о которой он только и говорил.

Герман не решался в открытую посмеиваться над наивными мечтами своего напарника, а лишь кивал с серьезным видом, про себя удивляясь подобному простодушию молодого парня.

Когда очередная смена подошла к концу, Герман, закинув куртку на плечо и попрощавшись с коллегами, скорее спустился

на лифте на минусовые этажи небоскреба, надеясь через подземную парковку быстрее попасть к метро. На улице шел проливной ливень, переполнявший сливные каналы, погрузившись весь мир в тоскливое меланхоличное ожидание хотя бы одного просвета между тучами. Мочить ноги Герману очень не хотелось, и он медленно и неспешно шагал между ровными рядами припаркованных электромобилей и транспортировочных самоходных платформ с дутыми сферическими колесами. Парковка тянулась на сотни метров в разные стороны и, не зная верного направления, заплутать здесь можно было за считанные минуты.

Обогнув очередной ряд машин, Герман расслышал, как впереди завизжали чьи-то шины, и эхо, многократно усилив этот пронзительный звук, заметалось под потолком, путаясь в переплетениях металлических воздуховодов. Шуршание шин стало значительно ближе, и вскоре Герман увидел, как из-за ближайшего поворота вынырнула массивная черная машина, на миг ослепившая боксера ярким светом фар. Электромобиль набрал скорость и через секунду уже оказался возле мужчины, резко затормозив.

Двери распахнулись, и из нутра вырвалось сразу четверо громил в черных костюмах. Водитель на ходу достал из кобуры электрошоковый пистолет и, почти не прицеливаясь, выстрелил в Германа. Один из шоковых картриджей пролетел мимо, но вот второй врезался четко в левый бок, пропуская через все тело болевые разряды.

Захрипев, Герман почувствовал, как все его мышцы свело жесточайшей судорогой, а ток заструился по венам, ворвавшись в мозг оглушающей волной.

«Нужно выдернуть картридж!» — единственная здравая мысль пронзила голову в тот краткий миг, пока боксер падал на землю.

Резкий взмах рукой оборвал эту агонию. Герман из последних сил сорвал с себя картридж, отбросив его в сторону. Но тело, пережив оглушающий разряд, почти не двигалось больше, а мышцы все еще непроизвольно подрагивали, как напряженные струны. Ему нужно было время, чтобы прийти в себя и снова подняться на ноги. Хотя бы десять секунд, как на ринге. Но времени не было совсем.

Пока водитель перезаряжал пистолет, трое его сообщников, достав кто металлические кастеты, а кто обыкновенные биты, окружили распластавшегося на земле Германа, скаля зубы.

— Тебя нелегко было найти, — склонившись над боксером, проговорил водитель.

Герман дернул головой, отрывая щеку от бетонного пола. Ему это удалось с трудом, но зато теперь он видел лицо человека, склонившегося над ним. Бритый налысо тип с вживленными в голову маленькими металлическими рожками, напоминавшими шипы. Незнакомец поигрывал пистолем, в любую секунду готовясь спустить курок и вновь заставить своего противника содрогаться от боли и разрядов, пронизывавших тело.

— Кто ты? — с усилием выдохнул Герман.

— Мы от Султана, — усмехнулся рогатый громила. — Он давал тебе срок в неделю, чтобы вернуть деньги, помнишь?

— Ты облажался. Прошло уже две недели, — встрял в разговор еще один тип, сжимая в руках, до кончиков пальцев покрытых татуировками, деревянную биту. — Нам пришлось попотеть, разыскивая, в какую нору ты забился, крысеныш!

— Если бы не твоя хорошенькая сестричка, то мы бы век тебя не отыскали, — хохотнул водитель.

У Германа в глаза потемнело от злости.

«Елена!»

— Что… Что вы сделали с моей сестрой? — едва смог произнести он.

Рогатый тип схватил боксера за волосы, отрывая его голову от земли, и, приблизив свое лицо, выдохнул практически на ухо:

— Погостили у нее немного. Дожидались, пока ты выйдешь с ней на связь. Она не сразу согласилась сотрудничать… Знаешь, как она кричала, пока мы из нее всю дурь выбивали?

— Ублюдки! — взвыл Герман, сжимая кулаки.

— Э! Он начинает двигаться! — обратил внимание один из громил, сжимавший кастеты.

— Ничего. Сейчас исправим.

Водитель приставил пистолет к открытому участку шеи Германа, но не успел нажать на курок.

Из-за поворота парковки на полной скорости вылетел золотистый электромотоцикл. Пронзительно завизжали шины, наездник пригнулся к рулю, выворачивая ручку газа до упора, и мотоцикл помчался на сгрудившуюся вокруг Германа толпу громил. Первым опомнился рогатый тип, который выставил перед собой пистолет, прицелился и выстрелил в едущего мотоциклиста. Но картриджи пролетели мимо, и их снесло резким потоком воздуха.

— В стороны! — рявкнул один из бандитов, нырком бросаясь под защиту бетонной опоры.

Но не все успели последовать его приказу. Мотоцикл золотой молнией врезался в замешкавшегося мордоворота с кастетами, отбросив его в сторону и приложив головой о бампер ближайшего

припаркованного электромобиля. Сразу же пронзительно завыла сигнализация.

Мотоциклист быстро соскочил со своего покорежившегося от удара транспорта, снял с головы черный непроницаемый шлем и со всей силы ударил им опрокинутого противника по макушке. Тот окончательно обмяк и сполз на пол, потеряв сознание.

Герман, чувствуя, как к его конечностям понемногу возвращались силы после удара шокером, изогнулся в попытках разглядеть, кто же решил ему столь неожиданно оказать помощь. И оцепенел на мгновение.

Высокая фигура, длинный конский хвост, багряная рубашка и черный жилет.

«Альберт!» — изумленная мысль промелькнула в голове Германа. — «Как он здесь оказался?!»

Главарь ассоциации вампов окинул тяжелым взглядом оставшихся на ногах троих бандитов, а после элегантным движением избавился от жилета, отбросив его на сиденье своего мотоцикла.

— Ты что еще за чудик? — нервно заголосил рогатый тип, кинув в сторону свой разряженный пистолет и поднимая кулаки. — Сейчас мы тебя проучим! Вали его, ребята!

Татуированный мордоворот с битой, сделав широкий замах, обрушил ее на Альберта, но вамп в последнюю секунду увернулся, отступив на один шаг и на ходу закатывая рукава своей рубашки. Бита пролетела мимо, по инерции заставив громилу довернуть корпус вслед за ней, и Альберт этим мгновенно воспользовался, нанеся несколько быстрых ударов под ребра и успев отпрыгнуть, когда тип яростно взревел, не ожидая подобной подлости.

Но долго отдыхать было нельзя. С одной стороны приближался смуглый головорез, сжимавший кастет, с другой уверенно шел на таран его рогатый сообщник с угрожающим видом. Пару раз Альберту удалось увернуться от выпадов, но минимум трижды крепкие кулаки превосходивших в росте и силе противников врезались в его корпус и лицо, нанося сильные удары. Одному человеку невозможно было справиться с тремя подобными громилами, еще и не гнушавшимися использовать кастеты и биты против безоружного мужчины.

«Если я не поднимусь, то Альберту конец! А потом они добьют и меня!»

Герман тяжело перевернулся на живот, пытаясь совладать с мышцами, отказывавшимися слушаться его. Они подрагивали и сокращались в самый неподходящий момент, и в первый раз, когда боксер оперся на руки, то один из локтей подогнулся, из-за

чего все тело вновь кулем повалилось на бетон.

«Проклятье! Да вставай же ты, тряпка! Твои десять секунд уже вышли!» — мысленно злился на себя Герман.

В какой-то момент этот гнев дал ему сил, чтобы голова перестала гудеть после оглушения, а к ногам прилила энергия. Сначала он встал на одно колено, а после с шумным выдохом рывком поднялся на обе ноги, уже машинально вставая в защитную стойку и поднимая сжатые кулаки.

Альберт еще держался, уйдя в глухую оборону. Хотя, как успел заметить Герман, вамп успешно изматывал своих противников атаками исподтишка даже в таком положении. Он использовал ноги, то и дело целясь кому-нибудь в пах или со всей силы нанося болезненные удары мысками своих ботинок по незащищенной кости голени. А стоило кому-нибудь отвлечься или открыться, то Альберт мгновенно обрушивал прямые удары на челюсть и нос противника.

«А он неплохой боец! Я бы не хотел стоять против него на ринге. Интересно, откуда такие навыки у этого разряженного франта?»

Не теряя времени, Герман ворвался в танец, сделав подсечку смуглому бандиту с кастетом. Тот, раскрыв рот от неожиданности, опрокинулся на спину, и боксер одним четким и сильным ударом в глаз отправил головореза в нокаут. Заметив произошедшие изменения в расстановке, Альберт оживился, пойдя в наступление на татуированного типа, размахивавшего битой. Он увел его в сторону, оставляя Герману в качестве противника рогатого водителя.

Уже не сдерживаясь и не отвлекаясь на защиту, Альберт с упорством опытного свормера наносил подряд одну комбинацию ударов за другой, выстреливая в сторону своего соперника кулаками, с настойчивостью выцеливая голову и изматывая громилу боковыми ударами ног. И в какой-то момент он сократил дистанцию максимально, схватил татуированного бандита за запястье и вывернул ему руку одним размашистым движением. Его противник захрипел от неожиданной отстрой боли, пронзившей плечо и выгнулся дугой, стараясь облегчить захват.

В этот же миг Альберт ощерился, блеснув своими золотистыми удлинившимися клыками, и вогнал зубы прямо в надплечье соперника. Громила взвыл, не понимая, что происходит. Он попытался дернуться, но вамп держал его стальной хваткой, не позволяя вырываться. И тогда татуированный тип взмахнул своей битой, намереваясь огреть ей золотозубого франта по голове. За миг до столкновения биты и лба, Альберт рукой остановил деревянную палку, вырвав ее из

пальцев противника. Он выдернул окровавленные клыки из плоти, отступил на полшага и, хорошенько размахнувшись, ударил битой по затылку соперника.

Дерево раскрошилось в щепки, брызнувшие во все стороны, а мордоворот тяжело повалился на землю. В ближайшее время ему явно не суждено было встать на ноги.

Альберт облизнулся, чувствуя силы, наполнявшие его тело.

Кровь на золоте.

Он хищно оглянулся. Чуть поодаль Герман и его рогатый оппонент боксировали голыми кулаками, расцвечивая лица друг друга шишками и синяками. У Германа была разбита бровь, и стекавшая по лицу кровь мешала обзору, заставляя жмуриться и рассчитывать только на один глаз, хотя у его противника тоже были определенные потери: один из его металлических рогов был выбит из кожи, распоров ее на добрых пять сантиметров.

Не собираясь играть в благородство, Альберт, опьяненный человеческой кровью, со спины набросился на рогатого типа, заключая его горло в крепкий капкан из своих переплетенных рук. Ощутив острую нехватку кислорода, бандит захрипел и стал вырываться, но Герман моментально сориентировался и несколько раз ударил соперника в живот, вынуждая его затихнуть.

— Что вы сделали с моей сестрой?! Отвечай! — Разъяренным зверем боксер впился пальцами в лицо громилы, сдавливая его кожу.

— Герман, успокойся, — попытался привести его в чувства Альберт.

— Они пытали мою сестру! — Герман завелся еще больше, а в его глазах, покрытых сеткой лопнувших сосудов, метались разряды.

— Что вы с ней сделали?! — вновь с криком накинулся он на свою жертву. — Говори, ублюдок, или я буду тебя избивать до тех пор, пока память не проснется!

Рогатый застучал по локтю Альберта, прося его ослабить захват. Вамп слегка отпустил руку, но не терял бдительности.

— Она жива! — сипло прошептал бандит и закашлялся. — И мелкий тоже! Мы их почти не трогали! Только ждали звонка. Султан знал, что ты с ней непременно захочешь связаться…

— В Абакане еще остались шавки Золтана?! Отвечай мне!

— Н-нет! Все уехали! Ее оставили в покое!

— Если ты мне соврал, то, клянусь, я разыщу каждого мерзавца, который работает на этого Султана, и вырву им языки! — пообещал Герман, ногтями царапая кожу на щеках рогатого типа.

— Я не вру!

— Посмотрим! И передай этому жирному ублюдку Золтану, чтобы не смел больше лезть к моей семье! Я не собираюсь быть его послушной собачкой!

Герман хорошенько размахнулся и нанес сокрушительный боковой удар в челюсть, заставив громилу попрощаться с одним из зубов. Альберт немедленно расцепил руки, и их поверженный противник обмякшим куском мяса рухнул на бетон, глухо ударившись головой. Второй металлический рог, зазвенев, укатился в сторону, оставляя за собой кровавый след.

— Ты как? — сразу же спросил Альберт, отбрасывая со вспотевшего лба выбившиеся из хвоста пряди и пытаясь привести дыхание в норму.

— В порядке.

— У тебя все лицо в крови.

Герман зарычал сквозь стиснутые зубы.

— Я в порядке!

— Как скажешь, — фыркнул Альберт.

Толкнув ногой безжизненное тело бандита, Герман пальцами потрогал свою саднившую бровь и поморщился от рези. Левая часть живота, на которую пришелся удар шокера, болела ничуть не меньше, но, по крайней мере, не кровоточила.

— Если бы ты не появился так вовремя, то они бы от меня живого места не оставили. Как ты здесь вообще оказался?

— Хотел перехватить тебя после работы, пообщаться с глазу на глаз.

— О чем?

— Все потом. Надо уходить. Сейчас сюда сбежится куча охраны или пришлют полицейских дронов, — на ходу проговорил Альберт, направляясь к своему золотому мотоциклу.

Сигнализация орала уже у нескольких машин, смешавшись в визгливую какофонию звуков. Никто из громил на полу больше не шевелился, и Герман, подхватив с пола свою отброшенную куртку, поспешил следом за главарем вампов. Тот с сожалением оглядывал помятое переднее крыло и разбитую фару, которые пострадали от столкновения с одним из людей Султана.

— Давай садись назад. Чего встал? — прикрикнул Альберт, отрываясь от осмотра и торопливо накидывая на себя жилет. — Шлема у меня для тебя нет, поедешь так. И, смотри, не засветись полицейским дронам и камерам, а то штрафы сам будешь платить.

Хмыкнув, Герман сел назад и натянул на себя куртку, чтобы прикрыть изорвавший и испачкавшийся костюм. Хоть какое-то подобие человеческого вида.

Через пару секунд Альберт, застегнув свой черный непроницаемый шлем, сноровисто оседлал электромотоцикл. Выкрутив ручку газа, он уверенно проехал мимо всех бездыханных тел и только после набрал скорость, пролетев через несколько рядов стоянки. Герман, никогда прежде не ездивший на мотоциклах, испуганно вцепился одной рукой в жилет Альберта, а второй схватился за край сиденья, судорожно балансируя и пытаясь не свалиться. Однако самое трудное началось в тот момент, когда они выехали с подземной парковки и влились в поток машин и беспилотных транспортеров, неторопливо ползавших по широкой магистрали.

Альберт мчался под проливным дождем на сумасшедшей скорости, прижавшись корпусом к рулю, лихо обгоняя всех замешкавшихся водителей, подрезая беспилотные такси и порой заезжая на выделенные полосы для самоходных платформ, перевозивших грузы. Не будь Герман все еще под впечатлением от недавно произошедшей драки, он бы попросил немедленно высадить его где-нибудь у ближайшей станции метро, поскольку манера вождения главаря В.А.М.П. приводила его в ужас. Но Альберт явно привык к подобным трюкам, и боксеру лишь оставалось гадать, что же произойдет первее: снесет ли его потоком воздуха с мотоцикла на очередном повороте или же они разобьются, не успев завершить маневр и попав под колеса случайного электромобиля.

— Куда мы едем? — прокричал в затылок вампу Герман, заметив в какой-то момент, что они направлялись вовсе не к выезду из Новой Москвы, а все больше заезжали в какие-то закоулки, горевшие неоновыми вывесками и полные пьяной молодежи, веселившейся под звуки музыки.

Альберт каким-то чудом его расслышал и, приподняв стекло шлема, ответил:

— В тихое место!

«Куда он меня решил затащить?» — с подозрением подумал Герман, но больше ничего спрашивать не стал. Ветер и дождь, тугими потоками хлеставшие его по лицу, очень мешали вести внятную беседу.

Через пять минут, когда квартал модных клубов и баров закончился, Альберт свернул в сторону района с дорогими ресторанами и бутиками, тянувшегося на километры вперед вдоль одной из центральных улиц Новой Москвы. Здесь ход мотоцикла замедлился, а вскоре главарь вампов и вовсе подметил свободное парковочное место с краю дороги и немедленно его занял.

— Пойдем, Герман. Здесь недалеко.

Сняв с головы шлем и прихватив его с собой, Альберт слез с мотоцикла и, выпрямив спину, двинулся вдоль по улице мимо витрин роскошных магазинов с суровыми охранниками на входе. Герман, насквозь промокший и продрогший, пошел следом, еще плохо понимая, зачем и куда они приехали. Учитывая, что половина его лица была испачкана разводами крови, делать ему в подобном пафосном месте было нечего, и все случайные прохожие косились на избитого боксера с намокшими волосами как на прокаженного.

Однако идти и правда пришлось совсем недалеко. Альберт через десяток метров уже свернул к закрытым дверям какого-то клуба с непритязательным названием «Тихое место». Здесь не было яркой подсветки, привлекавших внимание экранов с предлагаемыми услугами и блюдами: только затонированные окна, негромкая музыка, доносившаяся из динамиков над входом и двое молчаливых вышибал возле двери.

— Альберт Вайс.

Один из охранников окинул фигуру Германа подозрительным взглядом, особенно задержавшись на его рваном костюме и кровоточившей брови.

— Он со мной.

— Проходите, господин Вайс.

Любезно приоткрыв входную дверь, второй вышибала рукой пригласил прибывших гостей пройти внутрь клуба.

Нырнув в темноту прохода, Герман практически сразу же почувствовал, как его легкие наполнила удушливая смесь ароматических паров. Фруктовые, ягодные, синтетические, алкогольные, растительные — каких только запахов здесь не было. Каждый из них можно было различить по отдельности, и в то же время все они сливались воедино, рождая самые причудливые сочетания.

Они прошли вперед, где их практически сразу же встретила женщина-администратор с строгом декольтированном платье и с искусственной улыбкой на фарфоровом личике.

— Господин Вайс! Рада вновь вас видеть в клубе.

— Здравствуй, Рита. Будь так добра, подбери нам закрытый столик.

— Конечно. Пройдемте за мной.

Рита, захватив с администраторской стойки пару меню, пошла вперед, показывая дорогу. Вейп клуб представлял собой небольшое заведение, имевшее только искусственное синеватое освещение, из-за которого рассмотреть что-то дальше чем на пару метров перед собой было достаточно проблематично. Еще обзор ухудшали клубы пара, которые закручивались вихрями в этой

синеве и создавали подобие тумана, висевшего в воздухе.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, они оказались на балконе. Внизу раскинулась открытая часть зала, где посетители за столиками потягивали напитки и курили электронные сигареты, трубки и вейпы под негромкую музыку роботизированного оркестра: это была массивная система, состоявшая из нескольких совмещенных друг с другом автоматических манипуляторов, каждый из которых отвечал за игру на отдельном музыкальном инструменте.

На балконе тоже были установлены небольшие столики, но Рита отвела гостей в сторону круглых диванчиков возле стены. Они были закрыты тяжелыми портьерами шоколадного цвета, и таким образом каждый стол легко можно было превратить в отдельный кабинет, где люди могли побеседовать без лишних глаз.

Герман устало упал на белоснежный диванчик, на который указала администратор, сразу же скинув с себя мокрую куртку и испачканный пиджак. Он остался в одной белой рубашке, покрытой пятнами пота и каплями крови, но его это вовсе не смущало. В конце концов, Альберт и сам выглядел не лучше: лицо припухло от ударов, рубашка порвалась по шву на боку, и кровавых разводов на ней не было видно исключительно из-за того, что она сама имела багряный оттенок.

— Рита, принеси мне цитрусовую смесь, — не глядя в меню, сделал свой заказ главарь вампов, бросив шлем на диванчик. — После такого вечера мне нужно привести нервы в порядок.

— А что будете заказывать вы? — администратор повернулась к Герману.

— Да я как-то не курю… — растерялся он.

— Будь добра, принеси ему кувшин воды со льдом. Это все, — решил вместо боксера Альберт.

— Как скажете.

Плотно задернув занавес, Рита удалилась, но уже через минуту вернулась с кувшином воды, двумя стаканами и небольшим стеклянным флаконом с жидкостью для вейпа. Пообещав больше не беспокоить «господина Вайса», она оставила двух вампов наедине.

— Почему тебя называют здесь «господин»? — поинтересовался Герман, наливая себе воду в стакан. — Такое старое обращение, его нигде уже не используют. Или ты какой-то аристократ?

Альберт ухмыльнулся, доставая из кармана брюк вейп. Неторопливо залив жидкость в специальную емкость, он втянул воздух через мундштук и медленно выдохнул клубы цитрусового

пара в лицо боксеру, от чего тот поморщился.

— Просто в этом месте так принято. Здесь ко всем гостям обращаются «господин» или «госпожа», — объяснил Альберт.

— Все равно странное правило.

— Это я его ввел. Когда клуб «Тихое место» еще принадлежал мне.

Герман удивленно взглянул на мужчину, сидевшего напротив него за столом. Будто в первый раз его увидел.

— Почему ты больше им не владеешь?

— Я очень многого лишился, когда заразился вирусом мутировавшей анемии. Не только клуба.

Затянувшись еще раз, Альберт выдохнул пар в сторону. Его взгляд упал на разорвавшуюся по шву рубашку, и он раздосадовано сжал губы, явно не обрадовавшись подобному памятному сувениру от головорезов Султана.

— У тебя его кто-то отнял? — предположил Герман, делая глоток воды.

— Разве могут отнимать те, кто дают? Нет. Они просто возвращают свои дары себе, будто время, отмеренное на владение ими, подошло к концу.

Вскинув здоровую бровь, Герман промолчал, не особенно улавливая мысль собеседника. Через минуту, когда тишина стала давить на уши обоим вампам, Альберт все же ответил более понятно:

— Моя семья забрала у меня все, когда узнала, что я инфицирован.

— Почему они так сделали?

— Потому что моя мать была уверена, что этот вирус — это болезнь отбросов и наркоманов, которые колются грязными шприцами в подворотнях, но никак не взращенного в богатстве и комфорте человека, с детства готовившегося к светской жизни и блеску славы. И она очень быстро убедила в этом всю остальную семью.

— Но ведь, насколько мне известно, ты стал жертвой вирус-террористов…

— Ты уже в курсе?.. Занятно. Но для всей моей семьи это звучало лишь как выдумка, попытка оправдать себя. Ведь вирус-террористы встречаются не так часто, как кажется.

— Выходит, с тех пор ты лишился семьи и дома? Упал с вершины мира к его подножию. И теперь вновь пытаешься вскарабкаться по этому гладкому склону.

— Можно и так сказать. Я не виню свою семью в узколобости. В конце концов, большинство людей такие… Недалекие, опасающиеся всего непонятного, стремящиеся только обезопасить

себя от возможных угроз и от любой ответственности. Это инстинкты. И я не желаю с ними бороться.

Альберт расслабленно вытянул руки на спинке диванчика, чуть откинув голову назад и периодически затягиваясь цитрусовым паром.

— Но вот, что я действительно желаю, так это изменить свою судьбу и судьбу мне подобных. Будущее вампов. Тех, от кого отвернулось государство, общество, семьи. Люди предпочли выставить нас чудовищами, загнать в трущобы жизни и отправлять в печи крематориев, как только кто-то осмелеет и высунет нос наружу.

— Разве реально изменить эту данность? Одного вампа или даже ассоциации недостаточно. Сколько всего зараженных в Москве? Около пяти десятков в штабе, еще сколько-то разбросаны по стране. Этого все равно мало. Ничтожное количество для того, чтобы к нам прислушались.

Герман взял со стола одну из тканевых салфеток, намочил ее край в стакане с водой и принялся с усердием смывать со своего лица кровь.

— Может, нас и немного, но есть вещи, которые не под силу никому, кроме вампов, — с усмешкой ответил Альберт. — И, поверь мне, наша ассоциация действительно может переменить отношение в обществе к себе, сделать так, чтобы нас уважали.

— Как же, например? — Герман даже замер с окровавленной салфеткой в руках.

— О, довольно скоро ты узнаешь, как. Скоро, но не сейчас.

Отерев лицо, Герман окинул замолчавшего главаря вампов недовольным взглядом.

— Так для чего ты привез меня в этот клуб, Альберт?

— Чтобы поговорить без лишних глаз.

— Штаб теперь не подходит для этих целей? — отбросив салфетку на стол, боксер потянулся к графину и выудил из него несколько кубиков льда. Он приложил их к нывшей брови, которая пульсировала болью.

— Я решил побеседовать с тобой в более неформальной обстановке. Последняя неделя, знаешь ли, выдалась довольно трудной, и мне хотелось немного развеяться.

— И о чем же пойдет речь?

Герману досаждало, что ему приходилось щипцами вытягивать слова из собеседника.

— О твоем карьерном росте, — хмыкнул Альберт.

— В каком смысле? — непонимающе спросил боксер.

— Твоя должность простого охранника в компании «Осе» больше мне невыгодна. Я надеялся дать тебе еще немного

времени, чтобы ты примелькался коллективу, но, к сожалению, теперь у меня нет возможности ждать.

— Я так понимаю, ты собираешься перевести меня куда-то повыше в этом небоскребе? — предположил Герман.

Лед таял под его пальцами и дорожки смешанной с кровью воды стекали по лицу, все больше пачкая ворот некогда бывшей белой рубашки.

— Именно так. Второй наш внедренный в «Осе» вамп, Павел Алексеевич, начальник охраны должен был обеспечить тебе быстрый подъем по карьерной лестнице. Но теперь даже на это нет времени. И придется действовать грязнее.

— Что ты хочешь сделать?

Альберт окинул собеседника очень внимательным взглядом. Где-то за портьерой играла легкая расслабляющая музыка роботизированного оркестра, но главарь вампов в один миг вдруг стал необычайно серьезен, разрушая всю атмосферу покоя, царившую в отдельном кабинете.

— Мне требуется, чтобы ты попал в штат личных телохранителей Дамира, владельца компании «Осе».

— Что? Зачем? — изумился Герман, пытаясь сопоставить все имевшиеся у него факты. Но никаких дельных мыслей и предположений в голову не приходило.

— Для начала тебе необходимо просто стать одним из телохранителей, подобраться поближе к Дамиру и стать моей верной птичкой, которая будет следить за этим человеком и петь мне на ухо обо всех его делах, о расписании, связях, планах, — вкрадчиво произнес Альберт, вдыхая новую порцию пара и наклоняясь вперед. При этом его темно-карие и необыкновенно глубокие глаза пытливо разглядывали каждую черточку на лице Германа.

— Ты хочешь, чтобы я шпионил за ним? Он — глава крупной компании, могущественный человек! Что ты намерен провернуть в отношении него, Альберт?

— Это тебе знать еще рано. — Альберт выдохнул пар из ноздрей и опять откинулся назад. — Пока просто приглядись к нему, запомни все, что сумеешь. А план дальнейших действий ты получишь, когда придет время.

— Но я не хочу заниматься этими шпионскими играми! — Герман раздраженно ударил кулаком по столу. Зажатые в пальцах куски льда треснули и разлетелись по гладкой поверхности. — Ты обещал мне простую работу, не связанную с риском, по окончании которой я смогу уйти из ассоциации!

— Разве я прошу тебя кого-то убивать или грабить? О каком риске идет речь? — холодно проговорил Альберт. — Ты лишь

вместо того, чтобы бестолково бродить часами по этажам небоскреба, станешь послушной тенью за плечом Дамира и будешь запоминать все, что происходит в его жизни. Бросаться наперерез убийцам, если вдруг его пожелает кто-то прикончить, я же тебя не прошу.

— Что в этом Дамире такого особенного, из-за чего ты к нему вообще подбираешься?!

— Это мое дело. Но с ассоциацией оно также связано. Тебе в него лезть пока что откровенно рано. Но, к сожалению, никого другого на эту важную роль я поставить не могу. Мне нужен именно ты возле Дамира. И, стоит тебе достаточно закрепиться на этом посту, найти ответы на некоторые мои вопросы, как я посвящу тебя в детали дела, обещаю. Но не раньше.

— Да даже если бы я вдруг и согласился на эту работу, ведь выбора ты мне все равно не предоставишь, судя по всему, то как я должен попасть в его личный штат? Там лучшие из лучших, квалифицированные охранники, бывшие военные, с сертификатами и с определенными навыками! Я там даже близко не валялся!

— Хах. — Главарь В.А.М.П. растянул губы в улыбке, блеснув золотыми клыками. — Об этом тебе беспокоиться не стоит. Ассоциация поможет тебе туда попасть. План уже почти готов.

— Что еще за план?

— Мы сделаем из тебя настоящую звезду, которую он просто не сможет не взять на работу.

— Каким образом? Я хочу знать подробности.

— Я же сказал, план еще не до конца готов. К концу этой недели будет собрание для всех, задействованных в этом деле. Ты будешь присутствовать. Тогда все и выяснишь, Герман.

— Ты только и делаешь, что кормишь меня обещаниями все когда-нибудь рассказать, но на деле с самого своего момента вступления в ассоциацию мне только и приходится, что самому у всех все выпытывать. От тебя же я получаю лишь намеки и туманные задания.

— Что поделать, — протянул Альберт. — Я тоже сильно рискую, доверяя тебе. Мы в одинаковых условиях. Хотя… Нет, знаешь, учитывая, что твои долги копятся один за другим не по дням, а по часам, то ты в более невыгодном положении.

— Мой долг всего один — выполнить твою работу, — твердо припечатал Герман. — Ты сам говорил, что так я расплачусь за импланты, крышу над головой и помощь.

— Говорил. Но ведь ты не будешь отрицать, что помимо пятидесяти тысяч мультивалютных долларов, которые ты должен организатору подпольных боев, ты еще и вновь оказался в

должниках у меня. Если бы сегодня на парковке я не вмешался, то тебе бы туго пришлось.

Герман открыл было рот, чтобы возмутиться, но так и замер.

«Откуда ему известна точная сумма моего долга?»

— Я не просил тебя помогать. Даже если бы я не справился и меня избили до полусмерти, то это была бы лишь моя проблема.

Совсем не то он собирался ответить, но почему-то из-за суматошного потока мыслей, разрывавшего его голову на части, Герман предпочел не задавать некоторые вопросы.

— Вот как, — пробормотал Альберт, неторопливо вновь затягиваясь. — В следующий раз я приму это к сведению. Однако теперь сделанного уже не вернуть. И за тобой вновь есть долг.

— Ты безмерно мелочен для человека, выросшего в роскоши, — сузив глаза, уколол собеседника боксер.

— А ты глуповат, раз считаешь, что злить меня — это хорошая идея.

Клубы цитрусового пара молочно-белыми потоками вырвались из ноздрей и рта Альберта.

— Но я прощу тебе эту осечку, — через пару секунд продолжил главарь вампов. — И даже о новом долге позабуду. Если ты спокойно согласишься следовать моим указаниям и станешь телохранителем Дамира. Без вопросов, без претензий и позерства.

— Это просто удивительная способность выворачивать все в свою пользу… — едва слышно проворчал себе под нос Герман.

— Я не расслышал твой ответ.

— Ты мне не оставляешь выбора, Альберт. Мне придется согласиться, что бы я сам лично ни думал по этому поводу.

— Рад, что ты все же отличаешься благоразумием.

Главарь засунул вейп обратно в карман, и лицо его выражало крайнюю степень довольства. Уже поднявшись было с диванчика, он был остановлен Германом:

— Постой… Я кое о чем еще хочу узнать.

— Говори. — Альберт опять присел на свое место.

— Я вроде как нужен тебе, все же неплохо справляюсь с возложенной на меня работой и довольно часто тебя слушаюсь, нет? Так, может, ассоциация и мне будет полезна в миг нужды? Я вовсе не умаляю значение теплого крова и холодной крови, но…

— Скажи уже прямо. — Альберт нетерпеливо вздернул бровь.

— Ты сам слышал, люди Султана добрались до моей сестры Елены и маленького племянника в Абакане. Я обязан им помочь.

— Ну так помогай, при чем здесь я и В.А.М.П.?

— Я не могу бросить твою работу и просто уехать из Москвы в Сибирь! — возмутился Герман. — Ты сам потом меня за такое

четвертуешь!

— Верно. Даже не думай о таком.

— И как ты предлагаешь мне помочь ей, Альберт? — Герман дернулся вперед, вытягивая шею. — Если я не могу выехать из города, а она там совершенно одна и беззащитна! Пошли своих подчиненных приглядеть за ней. Даже пары вампов будет достаточно, чтобы я был спокоен.

— Исключено, — жестко сказал, как отрезал, главарь ассоциации.

— Почему?!

— Я не могу никого сейчас высылать из города. У меня каждый человек на своем месте, на своей работе. Многие задействованы в операциях, к которым мы готовились долгие месяцы. И просто так дернуть пару вампов в Сибирь у меня нет возможности.

— Но как же быть мне? За моей сестрой могут вернуться и снова ее пытать!

— Герман, это твои личные проблемы, а не дела ассоциации. Потому решай их сам, пожалуйста.

Герман отпрянул назад, одновременно разозленный и раздосадованный услышанным ответом.

«Хотя чего я еще ожидал от этого самовлюбленного сноба?»

— Пора возвращаться в штаб. Поехали, я тебя подброшу. А то если ты в метро в таком виде появишься, то не избежишь ненужного внимания.

Глава седьмая
Маленький плут и злодей

Дорога до Старой Москвы была долгой, и хоть мотоцикл мчался на полной скорости, золотистой молнией летя по магистрали, добрались до штаба они очень нескоро. У боксера и вовсе онемели пальцы, которыми он впивался в сиденье, чтобы его не снесло потоками воздуха. Ничего приятного в подобном способе передвижения он не нашел, но хотя бы дождь закончился, и ему удалось не промокнуть насквозь повторно.

Альберт заехал к театру с заднего двора, свернув с узкой улицы к старым металлическим воротам. Разобравшись с замком и закатив мотоцикл под навес одной из стен здания, главарь накрыл свой транспорт чехлом и только после повернулся к Герману, с наслаждением разминавшему затекшие пальцы на руках.

— Наведайся к Доку. Он посмотрит твою бровь.

— Да, надо бы. — Боксер осторожно тронул рассеченную бровь, и она мгновенно стрельнула болью.

С черным шлемом подмышкой Альберт махнул свободной рукой, приглашая Германа последовать за ним к неприметной двери запасного выхода. Они нырнули в неосвещенный узкий коридор с потертым линолеумом на полу. Здесь всюду висели древние уже утратившие яркие краски бумажные плакаты и афиши театра. Пока Альберт вел боксера по переплетениям ходов и темных пролетов, Герман приглушенно поинтересовался:

— Там на парковке я видел, что ты пил кровь одного из людей Султана. Зачем ты сделал это?

— Кровь с привкусом адреналина незабываема на вкус, — бросил через плечо главарь вампов.

— Неужели звериная кровь кажется тебе настолько неприемлемой в качестве пищи? Ведь почти вся ассоциация питается именно ей. А ты так рискуешь… И ради чего? Вкуса?

Они дошли до узкой винтовой лестницы, поднимавшейся наверх. В этом же помещении было несколько дверей, ведущих куда-то вглубь театра. Альберт остановился, облокотившись на перила лестницы, повернулся лицом к Герману и в полумраке старого коридора, пропахшего пылью и прелью, пару секунд молча обдумывал, что же ответить своему подчиненному.

— Понимаешь, Герман, это как сравнивать виноградный сок и выдержанное вино. И то и другое имеет в своей основе виноград, подходит, чтобы утолить жажду, но одно лишь промочит тебе

глотку, а от второго ты опьянеешь, погрузишься в пучину эйфории и непременно захочешь еще.

— И это действительно так? — усомнился боксер.

— Да. Человеческая кровь — это букет вкусов и оттенков. Страх, адреналин или восторг способны сделать из нее уникальное блюдо, равного которому ты не найдешь ни среди звериной крови, ни среди человеческой пищи, больше недоступной нам.

— Выходит, все эти вампы в ассоциации, что добровольно отказываются от человеческой крови в пользу звериной, на самом деле многое теряют?

— Так и есть. Но, видишь ли, тут дело еще и в том, что для некоторых стремление попробовать людскую кровь означает отказ от собственной человечности. Не все вампы готовы заниматься этим своеобразным каннибализмом. Если зверей они ели и до заражения в том или ином виде, то выпить кровь такого же разумного собрата кажется им неправильным.

— Но мы ведь никого не убиваем…

— Чаще всего да, — хмыкнул Альберт. — Одному вампу, пусть даже очень голодному и обессилевшему, не удастся выпить пять литров крови. Слишком большой объем.

Герман задумчиво уставился куда-то в угол коридора, где беспорядочно валялись рулоны афиш начала века. С них на мужчину смотрели улыбавшиеся лица загримированных актеров. Аристократичные дамы, хитроумные мошенники, прожженные ловеласы и печальные девы — все они играли свои роли в поставленных кем-то свыше спектаклях, как и боксер.

— Наверное, и мне следует все же попробовать человеческую кровь? — выдавил из себя наконец Герман. Вопрос этот прозвучал неуверенно и как-то жалобно.

— А ты хочешь этого?

«Если бы я сам понимал, чего я действительно хочу!»

— Думаю, я должен попробовать.

Развернувшись, Альберт медленно начал подниматься по узкой лестнице.

— Ты вовсе не должен делать это, Герман, — едва слышно произнес он, не оборачиваясь. — Более того, я даже приказываю тебе не думать сейчас о человеческой крови.

— Почему?

Герман стоял у подножия лестницы, задрав голову наверх, и следил за тем, как неспешно главарь В.А.М.П. преодолевал ступеньку за ступенькой, отдаляясь от него.

— Ты новичок. Слишком молодой вамп, который еще толком ничего в жизни не пробовал. Ты уже привык к звериной крови и

этот резкий и неожиданный переход на человеческую ни к чему хорошему не приведет. Повремени пока.

Голос его окончательно потерялся за звуком глухих шагов.

— И сходи к Доку!.. — донесся до слуха Германа последний приказ Альберта через пару секунд.

«Он будто считает, что я какой-то младенец, которому еще рано пить вино! И потому, мол, меня надо поить только этой безвкусной звериной кровью».

Хмуро поглядев вслед главарю, Герман подергал за ручки все двери, которые были в небольшом темном коридоре. Одна из них поддалась и вывела боксера прямо в главный холл театра, откуда он неторопливо спустился в подвал, в обитель Дантиста. Как и всегда, там было прохладно и пахло сыростью. Совершенно неясно было, почему единственный медик ассоциации облюбовал именно это неприглядное место.

Герман вежливо постучал в дверь кабинета и через пять секунд открыл ее, так и не услышав ответ. Комната была пуста: прибранные столы блестели чистотой и порядком, все приборы были аккуратно разложены по местам, а на потолке работала кварцевая лампа, бросая на предметы мертвенные синеватые отблески. Хозяина кабинета на месте не было.

Хмыкнув себе под нос, Герман уже собирался отправить наверх, в общие спальни, когда заметил тусклую полоску света, вырывавшуюся из-под соседней двери в коридоре. Он повернул ручку и сунул голову в проем, не особенно надеясь кто-то там обнаружить.

Но это был Дантист, как и всегда в своей привычной шапочке и халате, с которыми он не расставался. Он сидел спиной к двери в крохотной комнатушке, куда не помещалось ничего, кроме узкой койки, стола и трех шкафов. Слабый свет настольной лампы подрагивал, создавая пугающие тени на стенах, но медика это не отвлекало, ведь он, совершенно сосредоточенный и сконцентрированный занимался тем, что при помощи щипцов помещал змею в банку, заполненную прозрачной жидкостью.

Герман не решился отвлечь Дантиста от подобного дела и просто стоял на пороге в молчании, как истукан, лишь с приоткрытым ртом оглядывая многочисленные раритетные книги на полках и обилие банок всех форм и размеров, в которых плавали заспиртованные лягушки, ящерицы, скорпионы и чьи-то органы. Их было так много, что в шкафах не хватало места для этой необыкновенной коллекции, и свободное место под столом и кроватью тоже было заставлено банками и широкими колбами.

— Ну, чего встал, дверь распахнув? — проворчал Дантист и чуть обернулся, все еще держа щипцами змею. На нем была

тонкая пластина очков с откидной бинокулярной лупой, из-за которой серо-голубые глаза казались еще глубже и льдистее. — Не выпускай теплый воздух. И так вон обогреватель из последних сил кочегарит.

Док кивком головы указал на небольшой инфракрасный обогреватель, примостившийся в углу комнаты. Без него в этом помещении наверняка даже находиться было невозможно из-за подвального холода и отсутствия хоть какого-либо намека на отопление.

— Прости за вторжение, — извинился Герман, заходя внутрь и плотно закрывая за собой дверь.

— Нужно что-то? — сухо поинтересовался Дантист.

— Мне бровь рассекли. Хотел попросить тебя посмотреть.

— Ну как, дай взгляну.

Дантист отложил змею в отдельный контейнер, достал откуда-то из ящика стола тонкие латексные перчатки и поманил к себе Германа, пододвигая ему шатавшуюся табуретку. Едва боксер сел, Док ловко принялся ощупывать его лицо своими ледяными пальцами.

— Откуда такие побои?

— Меня нашли люди, которым я должен денег за договорной бой. Если бы не Альберт, то они от меня живого места не оставили бы. Ай!..

Герман дернулся, когда Дантист особенно сильно надавил на края раны.

— Нужно зашивать, — подвел он итог после осмотра. — Кабинет кварцуется. Я заберу все необходимое и зашью тебя здесь. Посиди.

Поднявшись с места, Док вышел из комнаты, а через минуту вернулся с металлическим лотком, в котором лежало несколько шприцов, игла, щипчики и другие мелочи. Все время пока медик обрабатывал кожу вокруг рассечения, вкалывал местную анестезию и просовывал нить в иглу, Герман не сводил взгляд со змеи, которую Дантист собирался заспиртовать в банке, пока боксер не прервал его своим появлением.

— Это медноголовый щитомордник, — заметив интерес мужчины, поделился Док, неспешно начиная зашивать бровь. — Ядовитая змея из Северной Америки.

Боль практически не чувствовалась благодаря лекарству, от которого онемел весь лоб и веки.

«Медноголовый? Совсем недавно такое имя мне дали на ринге… Кажется, с того момента прошла уже целая вечность».

— И почему ты его спиртуешь? Это какой-то редкий вид? — спросил Герман.

— Для того, чтобы попасть в коллекцию, не обязательно быть редким образцом. Туда можно угодить даже если ты простой представитель своего обширного рода. Ведь в каждой коллекции должно быть хотя бы по одному экземпляру каждого вида. Не будешь спорить с этим?

Во взгляде Дантиста почему-то промелькнули лукавые искорки.

— Наверное, — фыркнул боксер. — Я никогда не увлекался коллекционированием.

— Это позволяет приблизиться к понимаю того, как недалеко человек ушел в своем развитии от зверей. Вот, например, знаешь ли ты, чем известен этот самый медноголовый щитомордник?

Скосив глаза на контейнер, Герман еще раз окинул взглядом тело пресмыкающегося. Это была змея каштанового цвета с крупными пятнами по всему телу, обведенными по контуру темной каймой.

— Один американский герпетолог, живший еще в двадцатом веке, как-то сказал, что медноголовый щитомордник — это «маленький плут и злодей среди ядовитых змей Северной Америки. Он сует свой нос повсюду и кусает тогда, когда его совсем не ожидаешь». Очень похоже на человеческое поведение, не правда ли? Из любопытства лезть, куда не просят, и атаковать исподтишка.

— Не все люди такие. И не все звери, — возразил Герман.

— Да, но определенные параллели прослеживаются. Мы многое берем от них.

Закончив зашивать рассеченную бровь, Дантист сложил свои приборы обратно в лоток и, отрезав несколько кусочков силиконового противорубцового пластыря, принялся аккуратно заклеивать шов.

— А все эти органы в банках, они тоже принадлежали когда-то животным? — осторожно поинтересовался Герман, кивая на шкафы.

— Не все. Некоторые достались мне от вампов, — спокойно ответил Док.

— Гм. Вы препарировали когда-то людей? Вернее, зараженных?

— Герман, я многие годы занимался и занимаюсь изучением вируса железодефицитной анемии. Его влиянием на внутренние органы и деятельность мозга. Что бы я мог сделать без образцов?

— И как много вам удалось узнать за это время?

Последний кусочек пластыря закрыл бровь Германа, и Дантист, сняв перчатки и бросив их в лоток, откинулся на спинку своего стула.

— Безмерно много и чудовищно мало. Кажется, что я знаю уже все об этом вирусе, но в то же время я ни на шаг не приблизился к созданию лекарства от этой болезни или хотя бы к пониманию его природы. Мне так и не удалось узнать, что повлияло на мутацию железодефицитной анемии, откуда она взялась.

— Чей-то неудачный лабораторный эксперимент? — предположил Герман, склонившись вперед и облокотившись на свои колени.

— Предполагать можно всю жизнь. Вариантов много, а правильный только один. И я не могу отыскать его, — негромко произнес Док и вздохнул. — Когда я создавал эту ассоциацию, то надеялся, что вместе нам удастся найти ответы на все вопросы, связанные с вирусом. Но я ошибся.

— Но весь ассоциация необходима. Она сплотила всех зараженных, дала людям веру, позволила спастись от произвола властей, отправляющих больных на утилизацию.

— Разумеется. Так оно и было вначале… До тех пор, пока здесь не появился Альберт. Он изменил все. Он избавил меня от непосильного бремени власти, которое меня тяготило, но в то же время перевернул с ног на голову всю структуру ассоциации, сменив направление нашей деятельности. И я не скажу, что мне нравится новое направление, в котором мы движемся. Это путь в бездну.

— Что такого он сделал? Ведь В.А.М.П. пока лишь процветает. По словам Вики, раньше вампы и вовсе ютились на съемных убитых квартирах, а теперь дела ассоциации явно идут в гору.

Док едва заметно поморщился.

— Ах, Вики. Она всегда была заложницей своего неисправимого оптимизма. И даже на Альберта всегда смотрела с немым восхищением, хотя сама давно уже не наивная девушка, да и он никогда ее особенно не выделял. Может, для нее все эти изменения и к лучшему. Или она сама так считает, но я почти уверен, что мы обречены на вымирание, если Альберт не прекратит играть в свои игры.

— Если бы ты был более конкретным и объяснил мне, о чем речь, то я мог бы помочь, — осторожно предложил Герман.

— А какой смысл? Ты уже все знаешь. Вся необходимая информация у тебя есть, просто ты не можешь сложить ее воедино, создать общую картину и вычленить суть.

— Я не понимаю.

— Нет. Ты просто не хочешь подумать своей головой, Герман… Ты в игре Альберта, выходишь на сцену по его

сценарию, но еще продолжаешь спрашивать, о чем эта пьеса и каков будет ее финал. Если ты не в состоянии сам все проанализировать, то тут я тебе не помощник.

Нахмурившись, Герман одарил Дока тяжелым взглядом, в котором читалось непонимание и легкая обида. Но Дантист проигнорировал это недовольство и развернулся к своей банке со спиртом и змее в контейнере.

— Если тебя не затруднит, то я хотел бы до сна успеть закончить с щитомордником, — не повышая голос произнес медик и махнул рукой в сторону двери.

Поднявшись с расшатанной табуретки, Герман, насупившись, молча вышел из крошечной комнаты Дока.

«Проблема этой ассоциации лишь в одном: если бы все вампы говорили внятно и прямо, не загадывая свои загадки, то жизнь здесь была бы гораздо приятнее!»

* * *

Едва оказавшись в полупустой общей спальне, Герман первым делом обратил внимание, что из-под его одеяла на койке выглядывал уголок пластиковой бумаги, сложенной пополам. Развернув послание, боксер увидел небольшие круглые буковки, явно выведенные женской рукой:

> «Мне который час названивает нервная рыдающая женщина по имени Елена, которая жаждет с тобой о чем-то поговорить. Ничего не хочешь мне рассказать?»

— Черт… — едва слышно ругнулся себе под нос Герман.

Нужно было объясниться с Викторией. И подумать, как сберечь сестру от Султана, если тот рискнул бы еще раз послать своих людей в Абакан.

К рабочему кабинету Вики Герман шел с тяжелым сердцем. И, стоило ему постучать и расслышать тихое «Войдите», как вся смелость куда-то испарилась.

«Она наверняка безмерно зла, что ее компьютером воспользовались без разрешения».

Она сидела на своем троне, окруженная мониторами и проводами, но взгляд ее был устремлен только на вошедшего. Укоризненный взгляд.

— Вики.

— Герман.

Молчание. Оба застыли на своих местах: она за компьютером, развернув кресло в сторону входа, он — на границе коридора и

комнаты, как неприкаянный дух, который не мог переступить порог без разрешения.

— Прости, что я так поздно. Возникли неприятности.

— Альберт мне уже все рассказал, — сухо произнесла женщина, отворачиваясь обратно к мониторам. — Тебе сильно досталось?

— Можно сказать, легко отделался.

— Что ж… Хорошо.

Повисла пауза, от которой воздух в комнате стал вязким, как кисель, и с трудом проталкивался в легкие, застревая в глотке.

— Ты… злишься на меня?

— А ты как думаешь? — приглушенно сказала она. — Конечно, злюсь. Ты вошел в кабинет без разрешения в мое отсутствие, залез в личный компьютер. Хотя ты знал, что здесь есть важные файлы, от которых зависит вопрос самого существования ассоциации. Ты вторгся на территорию, доступа к которой у тебя не было.

— Вики…

— Да, Герман, все ключевые папки запаролены. Если бы ты хотел что-то украсть, то тебе бы это не удалось. Да ты ведь и не хотел. По крайней мере, я на это очень надеюсь… Но то, что ты сделал ничуть не лучше в моем понимании. Почему ты не мог подождать моего возвращения? Или просто подойти и спросить разрешения? К чему это крысятничество?

Она соскочила с кресла и приблизилась на пару шагов. На ее бледном лице, обрамленном короткими прядями медного цвета, лихорадочно горели большие широко распахнутые глаза.

— Никто! Никто здесь, в ассоциации, не посмел бы так вторгаться в мое личное пространство, влезать в компьютер, святую святых! Но почему это сделал ты? Тайком, не оставив ни записки, ни объяснений. Я просто не могу найти оправдания твоему поведению, Герман.

— Я сглупил, — произнес мужчина, насупившись.

— Как я могу тебе верить теперь? Как я могу знать наверняка, что ты только позвонил сестре, а не кому-то еще и не слил информацию о В.А.М.П.?

— Никак.

— Да, Герман. Никак. Ты правильно понимаешь.

Вики приблизилась практически вплотную. Невысокая, хрупкая, со своими тонкими руками, покрытыми буграми силиконовых имплантов, — в тот момент, казалось, будто она нависает над крепко сбитым боксером, возвышаясь над ним минимум на целую голову.

— Ты словно никак не можешь понять, насколько важно все,

что происходит вокруг. Наивно думаешь, что можно просто так позвонить сестре в Сибирь с компьютера, контролирующего большую часть жизни вампов, отвечающего за нашу безопасность и хранящего в себе все проекты Альберта. Но все в разы сложнее, Герман… Я пыталась относиться к тебе мягче, чем другие, помогать и подсказывать, а ты оказался попросту недостоин подобного отношения. Потому что в обмен на доброту ответил мне неблагодарностью, решил, что тебе все дозволено.

— Прости, Вики, я действительно поступил так лишь по глупости, без каких-либо корыстных мотивов. Мне показалось, что ты не будешь против, если я воспользуюсь компьютером, чтобы совершить один звонок… Вот только я не подумал, насколько эта машина важная для тебя и ассоциации.

Сглотнув, Герман открыто посмотрел в глаза женщины, опасаясь увидеть в них приговор, вынесенный для него. Но там было лишь разочарование и какая-то безнадежная печаль.

— Иди и позвони сестре. Успокой ее, — наконец проговорила Вики.

— Мне правда жаль…

— Иди. Немедленно. — Она указал рукой в сторону компьютера и чуть отступила в сторону.

Перешагнув через кабели, Герман приблизился к креслу и опустился в него. Вики так и осталась стоять возле двери, опершись спиной на стену, будто пытаясь раствориться в полумраке комнаты. Быстро набрав номер сестры, боксер устало откинулся на мягкую спинку, укрытую пледом, еще хранившим тепло тела Виктории.

— Алло! — раздался через динамики голос Елены.

— Это Герман.

— Боже мой! Я слышу тебя, наконец!

Четверть часа ушла на то, чтобы успокоить сестру, бросавшуюся из рыданий в панику и обратно. К счастью, люди Султана ее практически не тронули, а лишь запугали до полусмерти, грозя изувечить ее и племянника, если они не будут выполнять их требования. Она была вынуждена день за днем послушно сидеть в квартире под дулом электрошокового пистолета, ожидая, когда же раздастся звонок от брата.

— Я постарела, Герман… — шепотом призналась Елена, едва ее слезы иссякли. — Когда они ушли и я впервые нормально посмотрела на себя в зеркало, то не поверила своим глазам. Лицо старухи: глаза впали, у губ и между бровей появились морщины. Славочка все не мог понять, почему мама так плачет, хотя бандиты уже уехали.

— Как он? — приглушенно спросил Герман, крепко сжимая

рукоять кресла.

— Он храбрый мальчик. Ты сам так его воспитал. Сначала бросился с кулаками на них, хотел меня защитить… И даже после, пока мы сидели взаперти, ни разу не плакал.

— Я им горжусь. Еще пару лет и он станет твоим помощником и опорой.

— Так и есть, — выдохнула женщина и шмыгнула носом. — Герман, эти бандиты… Они выслеживали тебя. Что им нужно? Во что ты ввязался?

— Я просто провел бой не так, как хотелось одному влиятельному подонку. И теперь он требует вернуть ему потерянные деньги. Тебе не стоит забивать себе этим голову, Елена.

— Как же так?.. Опять деньги?

— Я сам с ним разберусь, — мрачно пообещал Герман. — И платить ему уж точно не буду, поверь мне на слово. Тем более после того, как он заставил вас со Славой натерпеться такого страха.

— Господи, он же тебя убьет… У него в подчинении такие головорезы!

— Не думай об этом, Елена, — посоветовал боксер, сжимая кулаки до хруста. — Это моя забота.

— А что же будет со мной, Герман? — осторожно и тихо спросила сестра. — Ведь нет никаких гарантий, что эти бандиты не вернутся сюда и вновь не примутся за нас с сыном, чтобы доставить тебе проблем или вынудить выплатить эти деньги.

— К сожалению, я не могу приехать сейчас в Абакан.

Как же тяжело ему было говорить эти слова. Больше всего на свете в тот момент он желал оказаться возле сестры и племянника. Защитить их обоих и подарить им надежду на благополучный исход. Но обязательства перед ассоциацией и Альбертом связывали его по рукам и ногам.

— И что мне делать? — Робкая мольба о помощи.

— Ты можешь переехать на какое-то время к одной из своих подруг? — с трудом выталкивая слова из горла, спросил Герман.

— Я не думала над таким вариантом… Наверное… Я не знаю. Мне нужно позвонить им.

— Позвони. Будет лучше, если ты с сыном переедешь из этой квартиры туда, где тебя не смогут найти, если они вернутся.

— Но как же мне все оставить?.. — тихо пробормотала Елена. — Тут ведь все мои вещи. И кто же будет поливать мои цветы? Они же засохнут…

— Прекрати ты думать о своих растениях! — с рычанием в голосе воскликнул Герман, звучно ударив кулаком по креслу. —

Подумай о своей жизни и жизни своего сына!

— Ты п-прав, — растерялась сестра, испугавшись неожиданного выкрика. — Ч-чего это я в самом деле?.. Я позвоню им сейчас же.

— Правильно. Не теряй время.

— Хорошо. Я найду, к кому попроситься пожить.

— Я приеду к тебе сразу же, как только у меня выдастся возможность, — на прощание пообещал мужчина. — А пока береги себя, Елена. И Славку.

— И ты, Герман. И, пожалуйста, не ввязывайся больше в такие истории… Я тебя прошу. Я не хочу поседеть к своим сорока годам.

Звонок завершился. Герман остался сидеть в кресле, вслушиваясь в тишину комнаты. Судя по всему, Вики в темноте так и стояла где-то около двери, скрестив руки на груди, и совсем не шевелилась.

— Я могу как-нибудь загладить свою вину перед тобой? — наконец вполголоса спросил он.

— А что делают обыкновенные люди в таких случаях? — прошелестела Вики в ответ.

— Не знаю. Приглашают в ресторан, наверное.

— Не будь я инфицированной, такой вариант, может, даже бы устроил меня.

Она мягко отстранилась от стены.

— Когда-то я была ценительницей хорошей еды, — чуть громче заговорила женщина через миг. — И, признаться честно, порой сожалею об утраченной жизни обыкновенного человека только из-за того, что простая пища мне больше не доступна… Такая глупость, правда? Думать о подобных мелочах, вроде французского лукового супа или эклерах с заварным кремом, когда на кону стоят десятки жизней вампов, преследуемых государством, и без моей помощи всех их, возможно, ждет утилизация…

— Все наши жизни строятся из таких вот мелочей. И ничего глупого в этом нет.

— Иногда я так злюсь, Герман. Злюсь на судьбу, на нелепую случайность, на того вирус-террориста, из-за которого я стала зараженной. А потом вспоминаю новую семью, которую я здесь обрела, цель, за которую стоит бороться, и ощущение того, что я наконец на своем месте.

— Выходит, твоя жизнь изменилась только в лучшую сторону.

— Тогда почему я так не считаю? — Вики приблизилась к Герману, выбравшемуся из кресла. — Почему все еще терзаюсь своей болезнью, и ни дня не проходит, чтобы я не подумала о

всем том, что я утратила?

— Ты мечешься между старой и новой жизнью, потому что и там и там есть обстоятельства, которые тебя держат. Ты не хочешь отпускать прошлое и борешься лишь за то, чтобы твое будущее стало ему соответствовать хоть немного. Впрочем, как и Альберт. Похоже, в этом плане вы друг друга стоите.

— Может, ты и прав. Мне действительно близки и понятны многие его стремления…

Шагнув к женщине вплотную, Герман нежно схватил ее за кончики прохладных пальцев и сжал их.

— Я должен загладить свою вину перед тобой. Может, ты захочешь как-нибудь провести со мной вечер? Просто погулять по городу. Или же я могу попросить Марка Аполлоновича достать для нас что-нибудь экзотическое и организовать пикник на крыше театра, прямо под звездным небом… Что скажешь?

Он заглянул ей в глаза, надеясь, что сумеет разглядеть там согласие, но Вики отвернулась.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Почему?

Неуверенно отступив на полшага, она вся как-то сжалась. Ее пальцы выскользнули из широкой и теплой ладони Германа.

— Ты больше не хочешь доверять мне, верно? — догадался мужчина.

— Нет. Да. Я не знаю… — пробормотала она. — Ты симпатичен мне, но твой поступок отрезвил мой разум.

— И что же?..

— Мне нужно время, чтобы обдумать, как дальше к тебе относиться. Прости, Герман.

Они стояли напротив друг друга, обратив глаза в пол, лишь бы не пересекаться взглядами, в которых безраздельно царствовала затаенная обида. А после Герман просто молча развернулся и вышел из комнаты, раздосадованный и безумно злой на себя.

Глава восьмая
Без права на ошибку

Неделя прошла на удивление быстро. Историю на подземной парковке удалось замять благодаря начальнику охраны Павлу Алексеевичу, который подтер записи с камер видеонаблюдения и устранил большинство следов. К счастью, люди Султана да и он сам больше не рисковали показываться на глаза Герману. За сестрой они тоже, судя по всему, не являлись, поскольку боксер ежедневно с ней созванивался с молчаливого согласия Вики, все еще пребывавшей в каком-то подавленном состоянии, и участливо узнавал последние новости. В Абакан головорезы Золтана не приезжали, к пустовавшей квартире не приходили, и в какой-то момент Герман даже начал надеяться, что показательный мордобой все же возымел действие. Но абсолютной уверенности в этом не было ни у самого мужчины, ни у его сестры.

На работе все шло относительно гладко. В ожидании дальнейших указаний от Альберта Герман постоянно раздумывал над тем, что же должно было произойти, чтобы его приняли в штат личных телохранителей Дамира Игнатьевича. Судя по рассказам Олега, который только и мечтал занять подобную должность, набирал глава компании «Осе» к себе только исключительных сотрудников, больше походивших на стальных роботов, нежели живых людей. Такие могли за секунду скрутить человека, который посмел бы приблизиться к охраняемому ими боссу.

«Я едва ли вполовину могу соответствовать выставленной планке!»

Но время неумолимо летело вперед, и, стоило на горизонте замаячить выходным, как Германа вечером в общей спальне поймал Павел Алексеевич, который вне работы с боксером вообще никогда не разговаривал, и поманил за собой в пустовавший коридор.

— Что такое?

— Завтра утром в девять Альберт собирает всех участников у себя в кабинете, — тихо проговорил начальник охраны, пряча руки в карманы. — Чтоб был как штык!

— Участников чего? — не сразу понял Герман.

Павел Алексеевич посмотрел на него, как на идиота.

— Операции. Той, что касается Дамира Игнатьевича. Вспоминаешь?

— Ага, — глубокомысленно протянул боксер, — а я и не знал, что там планируется целая крупномасштабная операция. Надеюсь, у нас будут танки и поддержка с воздуха.

— Ха, — усмехнулся начальник охраны, — если бы так просто было внедрить тебя в узкий круг приближенных к Дамиру, то Альберт не ломал бы голову битый день над этой задачей.

— Ладно. Я понял. Завтра буду.

Они разошлись, а утром следующего дня, едва успев привести себя в порядок, Герман явился на четвертый этаж здания штаба и решительно постучал в двери кабинета.

Только распахнул их вовсе не Альберт, а какой-то высокий подтянуты тип в затемненных очках, окинувший боксера вопрошающим взглядом.

— А, Герман, — послышался откуда-то из глубины кабинета голос Павла Алексеевича. — Проходи, мы уже почти все в сборе. Тимур, пропусти его.

Тимур отступил в сторону, позволяя новоприбывшему попасть внутрь помещения. Помимо вампа в очках и начальника охраны в кабинете присутствовало еще двое зараженных, стоявших немного в стороне и негромко беседовавших друг с другом. Павел Алексеевич, скрестив руки на груди, сидел на стуле перед полупрозрачным столом Альберта, заваленным кипами исписанной пластиковой бумаги. Самого главаря в комнате не было, но, судя по всему, в скором времени он должен был появиться.

Поднятые металлические жалюзи пропускали в небольшой кабинет солнечные лучи, освещая порхавшую в воздухе пыль, бросая отблески на выключенные экраны мониторов, папки с бумажными документами, которыми были заставлены полки шкафов, и лица сосредоточенных вампов, ожидавших своего главаря.

Через минуту распахнулась небольшая незаметная дверь в углу комнаты, и Альберт, поправляя запонки на своей изумрудного цвета рубашке, деловито кивнул всем присутствовавшим и направился к столу. Герман с удивлением поглядел на потайной ход, который он первый раз заметил в этом кабинете. Дверь казалась лишь одной из секций однотонной серой стены, поделенной на одинаковые квадраты, ее невозможно было отыскать, если не знать точное местонахождение. И пока механизм медленно возвращал дверь на место, боксер до последнего вглядывался в проем.

Похоже, что за стеной располагалась еще одна комната, которую главарь вампов оборудовал под свою спальную комнату, судя по разворошенной кровати, и гардеробную. Высокие

стеллажи и напольные вешалки пестрели яркими рубашками, пиджаками, строгими жилетами и брюками. Рядами выстроились вдоль стен начищенные кожаные ботинки. А прямо напротив тайной двери стояло массивное зеркало в потемневшей раме с длинной трещиной, тянувшейся по всей гладкой поверхности. И Герман, с любопытством заглядывавший в соседнее помещение, чуть было не вздрогнул, когда столкнулся взглядом с самим собой в отражении, и мгновенно отпрянул от прохода, прекратив любоваться интерьером чужой жизни.

Можно загнать человека в угол, отнять у него все и лишить надежды, но непременно останутся привычки, от которых он ни за что не сумеет отказаться.

«Судя по всему, как бы низко ни пал в обществе Альберт, превратившись из богатенького сыночка в выброшенного семьей на помойку зараженного, но это щегольство и тяга к роскошной жизни сидят в нем по-прежнему глубоко. Интересно, откуда только средства на все эти наряды, мотоциклы и клубы?»

— Итак. Все на месте? — тем временем спросил Альберт, усаживаясь в кресло и оглядывая своих подчиненных, собравшихся возле стола.

— Ульяны пока нет, — хрипло откликнулся Павел Алексеевич, почесывая свой идеально выбритый подбородок. — Но она обещала быть.

В дверь звонко постучали, и практически сразу же створки распахнулись во всю ширь. На пороге, вспотевшая и запыхавшаяся, стояла молодая девушка лет двадцати пяти, носившая короткое каре, открывавшее ее тонкую белую шею. В руках эта особа сжимала папку, которую трепетно к себе прижимала. Стоило ей войти, как она сразу отыскала взглядом Альберта за столом и робко кивнула:

— Извините! Я торопилась.

— Иди садись. — Павел Алексеевич указал девушке на второй стул рядом с ним самим, и задержавшаяся Ульяна сразу же молча уселась на свободное место. Ее щеки покрылись легким румянцем от пристального внимания окружающих, и она смущенно прикрыла лицо черными короткими прядями своих волос.

Альберт хлопнул в ладоши.

— Хорошо. Все в сборе. Теперь можно начинать.

Собравшиеся выжидательно воззрились на своего лидера, все были молчаливы и сосредоточены, словно актеры на распределении ролей и предварительной читке сценария новой пьесы. И театральные стены вокруг только усиливали ощущение, что так все оно и было на самом деле.

— Завтра на двадцать пятом этаже небоскреба, принадлежащего компании «Осе», состоится презентация новой модели бионического протезируемого хвоста. На ней будет присутствовать владелец Дамир Игнатьевич Реутов, который является важным элементом нашей операции. Сама по себе она заключается во внедрении одного из наших сотрудников в штат приближенных к этому финансовому магнату. А точнее, в личные телохранители.

Несколько вампов кивнули, другие все так же внимательно слушали, не пропуская ни единого слова и пока что не решаясь задавать свои вопросы.

— Презентация начнется в десять часов утра в центральном зале выставочной галереи. Дамир будет там с самого начала, поскольку встреча откроется его торжественной речью. Через полчаса, когда основная часть завершится, Дамир отбудет вместе со своими телохранителями и помощницей. Согласно его расписанию, на одиннадцать часов у него назначены переговоры по поводу крупной сделки по покупке бизнес-центра «Симон Плаза» в Старой Москве. Он будет очень торопиться туда успеть, так что не станет засиживаться до окончания презентации.

Альберт включил один из своих мониторов, и на его столе в воздухе повисла переработанная в объемную голограмму фотография небольшой площади перед небоскребом компании «Осе».

— Павел Алексеевич будет так же присутствовать на презентации как начальник охраны, а значит, сумеет сообщить нам, в какой именно момент Дамир направится к выходу. Мы будем ждать этого сигнала.

Все собравшиеся в кабинете вампы придвинулись ближе к столу, вглядываясь в голубоватую голограмму, на которой замерли на месте маленькие фигурки людей и едущих по примыкавшей улице электромобилей. Небоскреб «Осе» тянулся ввысь массивным колоссом и обрывался на краю снимка, позволяя рассмотреть себя только до десятого этажа.

— Его автомобиль всегда припаркован в одном и том же месте — на выделенном специально под него участке чуть в стороне от центрального входа в здание небоскреба. Вот здесь. — Альберт указал на угол проекции, где располагались три пустых парковочных места прямо возле флагштока с развевавшимися на ветру полотнищами с эмблемой компании.

— То есть времени у нас будет мало? — уточнила Ульяна, вытягивая шею и пытаясь разглядеть голограмму получше.

— Так точно, — ответил вместо Альберта Павел Алексеевич. — Его машина будет стоять буквально в двух шагах

от входа. Нам нужно будет успеть его перехватить прямо на пороге.

— С этим проблем не возникнет, — подключился к обсуждению еще один из вампов, молодой полноватый мужчина в растянутой толстовке. — Мы можем подвести толпу к самой проходной, чтобы он просто не сумел проигнорировать протест и пройти мимо нас.

— Нет, Федя, — возразил Альберт. — Вы с Юлей должны держать зоозащитников на расстоянии от входа. Поскольку, когда начнется основная часть операции, то из холла здания на помощь выбежит дополнительная охрана. Нам нужно держаться от них подальше, чтобы только Герман успел перехватить Тимура.

На стуле заворочался Павел Алексеевич, недовольно покрякивая себе под нос:

— Мы же этот момент уже обсуждали с тобой лично, Альберт. Идея была совсем в другом. Я по максимуму сниму людей с первого этажа, отправлю кое-кого на саму презентацию, а других распределю по этажам как дополнительную охрану. Однако одного Германа я там оставить в любом случае не смогу. Это подозрительно. Его нужно ставить минимум с напарником.

Взгляды начальника охраны и главы В.А.М.П. устремились на боксера, который стоял чуть позади всех участников операции, занимавшихся обсуждением плана.

— Герман, — позвал мужчину по имени Павел Алексеевич. — Я назначу тебя и твоего напарника Олега на первый этаж, поставлю вас возле проходной. Но мне нужно, чтобы ты действовал завтра быстрее него. Он парень смышленый и на подвиги падкий по натуре, это я знаю, но ты должен опередить его, когда Тимур набросится на Дамира Игнатьевича. Все понял?

— Вообще-то, я совершенно ничего не понимаю, — пробормотал себе под нос боксер. — Похоже, здесь все уже что-то да знают об этой самой операции. Может, и мне объясните нормально?

— В чем проблема? — спросил начальник охраны. — Что тебе не ясно?

— Постой, Павел. Я сам все расскажу. — Альберт поднялся из-за стола, чтобы лучше видеть собеседника. — Герман, мы собираемся организовать пикет зоозащитников перед небоскребом. Естественно, лишь для прикрытия. Чтобы, когда Дамир после презентации вышел из здания, и его с телохранителями окружила толпа недовольных, Тимур с оружием набросился на владельца «Осе», а ты мог его нейтрализовать.

— Я должен буду обезоружить Тимура?

Боксер с сомнением поглядел на подтянутого, но не особенно

атлетично сложенного вампа в затемненных очках, который неожиданно громко фыркнул:

— Да не боись! Я не стеклянный! Не разобьюсь от парочки ударов!

— Да, Герман. Силу тебе сдерживать завтра не стоит, — сказал Альберт. — Бей его без послаблений, иначе все будет выглядеть крайне нереалистично.

— Выходит, это будет полноценное покушение? — спросил Герман.

— Именно так, — подтвердил главарь вампов. — Пока остальная приведенная нами толпа будет отвлекать личных телохранителей, Тимур с пистолетом исподтишка нападет на Дамира, играя роль террориста-одиночки. Но ты должен будешь перехватить его в относительной близости от цели и обезвредить.

— Зачем это все? Какой толк от подобного покушения? — Боксер непонимающе замотал головой.

Альберт указал рукой на Ульяну, скромно расположившуюся на краешке стула:

— На митинге будет присутствовать наш журналист. Она сразу же осветит произошедшую ситуацию, сделает съемку, привлечет зрителей. К тому времени из выставочной галереи уже спустятся другие репортеры, которые вряд ли пропустят такую сенсацию — покушение средь бела дня на владельца многомилионной компании. Мы получим необходимое внимание — твой поступок не останется незамеченным.

— Дамир Игнатьевич очень следит за всей информацией в СМИ о себе и компании «Осе», — видя вопрошающий взгляд Германа заговорила Ульяна, сжимая свою папку в руках. — Он остро реагирует на любые попытки прессы осквернить свой образ и не упустит возможности показать себя с лучшей стороны в очередной раз. Его нарциссизм сыграет нам на руку.

— Ульяна все верно сказала. — Альберт кивнул. — Она, благодаря своей журналистской жилке и красноречию, убедит Дамира не игнорировать твой поступок, а, в добавление ко всему, еще и наградить героя. Это то, что нам и требуется.

Тимур сделал шаг в сторону, привлекая всеобщее внимание:

— Постойте. А что если Дамир постарается отделаться от Германа одним материальным поощрением, а? Пообещает выплатить ему премию, развернется и уедет на эти свои переговоры. Мы ведь пытаемся внедрить Германа именно в личные телохранители, пользуясь этой шумихой, а не заработать ему прибавку к окладу. Если не выйдет убедить Дамира, то вся подготовка просто псу под хвост!

Стоявшая за спиной Федора Юля, девушка в облегающем

комбинезоне явно по последней моде, нервно начала грызть ногти. И только этот раздражающий звук нарушал тишину десяток секунд.

— Отставить упадочное настроение! — неожиданно громко скомандовал Павел Алексеевич, от чего все вампы в кабинете слегка вздрогнули, даже невозмутимый Альберт.

— Ну, а разве я не прав? — продолжил тем не менее Тимур. — Эта часть плана самая дырявая. Потому что здесь все напрямую зависит от того, как Дамир себя поведет.

— Да уж, не люблю я такую неопределенность, — тихо поддакнул со стороны Федор.

Все вновь замолчали, обдумывая неожиданно вскрывшуюся слабую сторону плана.

— У кого-нибудь есть идеи получше? — поинтересовался Альберт.

— Думаю, все можно обернуть в нашу сторону довольно просто, — подал голос Павел Алексеевич.

На него сразу же устремились глаза всех вампов. Альберт выжидательно приподнял бровь.

— Пусть Ульяна подтолкнет Дамира в нужном направлении мысли. Во всеуслышание спросит героя, о чем тот мечтает, чего хочет добиться в будущем…

— И в чем суть?

— Так он пусть ответит как раз что-нибудь пафосное. Мол, хочу защищать жизни других, как сделал это сегодня, или там, надеюсь высоко забраться по карьерной лестнице, — развил мысль Павла Алексеевича черноволосый Федор, активно кивая в такт каждому своему слову. — Если Дамир не полный придурок, то он смекнет, как ему стоит поступить, чтобы СМИ осветили его поступок.

— Уж поверь мне, он цепкий тип, — фыркнула Ульяна. — Я многое про него раскопала.

— Тогда так и поступим.

— Герман, — окликнул боксера Альберт. — Ты все понял? Как только Дамир выходит из здания и оказывается окружен митингующими зоозащитниками, то следи за Тимуром. Он подберется на максимально близкое расстояние сбоку или со спины, а твоя задача предотвратить это покушение. Как только его скрутят, Ульяна начнет задавать тебе вопросы. Ты уяснил, что должен ответить?

— Что мечта всей моей жизни — это попасть на службу к Дамиру Игнатьевичу, оказаться на самой вершине небоскреба компании «Осе», — устало проговорил Герман.

«Как так вышло, что я украл чужую мечту для какой-то

глупой роли?»

— Только побольше экспрессии, — попросила Ульяна.

— Непременно, — мрачно пообещал боксер.

— А что будем делать, если прилетят полицейские дроны? Они и наш митинг разгонят и направят сигнал тревоги операторам, чтобы те прибыли. Как нам этого избежать? — едва слышно поинтересовалась из-за плеча Федора невысокая Юля, состоявшая в отряде, ответственном за проведение несанкционированного пикета.

— Территория перед небоскребом «Осе» — это зона, закрытая для полетов дронов любой категории, — успокоил девушку Павел Алексеевич. — Сами они туда не имеют права залетать, а вызвать их возможно лишь через мой пульт управления. Я буду следить за ним.

— Значит, даже если происходящее засекут дроны на другой стороне улицы, например, то они все равно не имеют права ничего сделать? — уточнила Юля.

Павел Алексеевич усмехнулся и улыбнулся девушке:

— Они зафиксируют нестандартную активность, но так как эта зона для них недоступна, то, согласно своей программе, дроны просто полетят дальше. Даже если перед входом в небоскреб будут кого-то убивать.

— Безмозглые машины! — буркнул в стороне Федор.

— Давайте не будем отвлекаться, — строго попросил Альберт, обратно опускаясь в свое кресло за столом. — У кого-нибудь еще остались дельные вопросы по этапам операции?

— Я подготовила несколько текстов для статьи и варианты вопросов Дамиру, как вы просили! — Ульяна тряхнула головой и продемонстрировала свою папку.

— А я хотел обсудить численность приглашенных митингующих, — произнес Федор, доставая откуда-то из кармана толстовки сложенный лист пластиковой бумаги, исписанный вдоль и поперек. — Сколько организаций мне по итогу нужно задействовать? Алую линию, ЗооФронт и Звериный Альянс? Или обойдемся без последней?

— Так, — выдохнул Альберт, — если у остальных ко мне вопросов и предложений не имеется, то я считаю нашу встречу законченной. Вы, Ульяна и Федя, садитесь, сейчас мы все обсудим, а остальных я не задерживаю. Все могут быть свободны. Готовьтесь к завтрашнему дню, у вас еще сутки, чтобы уладить последние детали, все перепроверить. Завтра план должен сработать без осечек. Отнеситесь к делу серьезно, поскольку второго шанса у нас не будет. Или мы внедряем Германа завтра, или же у В.А.М.П. начинаются крупные неприятности.

* * *

Тимур растолкал Германа около шести часов утра, когда тот еще наслаждался сладкой сонной негой. Вамп навис над боксером черной угрожающей тенью и долго тряс его за плечи.

— Ну, давай уже, открой глаза!

Слабо понимая, что происходит, Герман разлепил веки, шумно вздохнув.

— Тимур? Чего тебе надо? Сколько сейчас времени вообще?..

— Какая разница? Мне уже пора уезжать, но я решил тебе кое-что сказать напоследок. Ты слушаешь меня, Герман? Эй!

— Да-да… Я слушаю, — вяло произнес Герман, принимая сидячее положение.

— Сегодня на операции я подам тебе условный знак, прежде чем вытащу пистолет. Договорились? Я сожму левый кулак. Левый, Герман! Ты запомнил?

— Левый кулак, — послушно повторил еще сонный боксер, из-под полуприкрытых век вглядываясь в серьезное лицо Тимура.

— Да, верно. Как только я его сожму, то сразу же достану пистолет и брошусь на Дамира. Едва увидишь мой сигнал, кидайся на перехват. Ты меня понял?

— Да понял я все, понял.

— Хорошо. Не забудь, Герман. Левый кулак.

Тимур растворился в предутреннем полумраке, наполнявшем общую спальную комнату, а Герман еще несколько секунд сидел на кровати, бестолково уставившись на собственное одеяло, и только после упал обратно на подушку досыпать.

На работу он прибыл вовремя. От волнения его заметно потряхивало, но Герман старался держать себя в руках, ведь Альберт явно не пришел бы в восторг, если бы операция не состоялась по причине нервозности главного действующего лица.

Павел Алексеевич, хмурый, как грозовая туча, уже ждал боксера в холле небоскреба «Осе» на первом этаже, успевая краем глаза поглядывать по сторонам, наблюдая за всеми входившими в здание людьми. Рядом стоял Олег, и, стоило Герману подойти, начальник охраны проинструктировал их по поводу презентации и отправил дежурить возле главного входа.

— Как-то это странно, — шепотом поделился с напарником Олег, как только они заняли обозначенные места.

— Почему?

— С чего бы это именно сегодня начальник решил перевести нас на первый этаж, на проходную? Это самое ответственное место во всем здании.

— Если сегодня намечается какая-то крупная презентация, то,

видимо, Павел Алексеевич стянул всю лучшую охрану туда, а оставшихся разместил по важным точкам. — Герман пожал плечами, стараясь придать себе как можно более безразличный вид.

— Выходит, если мы сегодня хорошо себя покажем, то есть вероятность, что нам и дальше будут доверять такие первостепенные для охраны места? — с надеждой в голосе выдохнул Олег. Все его лицо будто озарилось внутренним светом.

— Почему нет? — не стал разочаровывать парня Герман. — Надо сегодня смотреть в оба. Людей будет много, журналисты приедут на презентацию. Все должно пройти без эксцессов.

Олег активно закивал в ответ, радуясь, что его напарник придерживался похожего мнения.

До самого начала презентации в небоскреб стало прибывать колоссальное количество народа. То тут, то там по первому этажу сновали простые зрители и любопытствующие, журналисты и репортеры с уже настроенными на съемку голосмартфонами, крупные бизнесмены, непременно стягивавшиеся на подобные мероприятия, как мухи на мед, ради поддержания статуса и выгодных знакомств. Особенно привлекали внимание шумные модные блогеры, которые не могли пропустить новинку от самой популярной в стране компании, занимавшейся косметическими модификациями тела. Они, ведя онлайн-трансляции через голосмартфоны, комментировали практически все, что видели перед собой, постоянно приставая с вопросами к любым людям, носившим на себе бейджик сотрудника «Осе».

Где-то без четверти десять основная масса гостей уже поднялась на двадцать пятый этаж, где и должна была вскоре начаться презентация новой модели. Олег и Герман хоть немного смогли выдохнуть, когда в холле поубавилось людей, и теперь им оставалось лишь следить за опаздывавшими на мероприятие гостями. Ровно в десять часов на первом этаже все рекламные и информационные мониторы автоматически переключились на камеру, выставленную в галерее перед сценой. И теперь даже охранники могли следить за ходом презентации.

Ведущий, одетый в красно-белый костюм согласно корпоративным цветам компании, первым взял слово, приветствуя всех гостей и объявляя программу мероприятия. Она была достаточно короткой, рассчитанной не более чем на час, но зато должна была сопровождаться модельным показом.

Наконец ведущий торжественно взмахнул руками и объявил:

— А теперь позвольте пригласить на эту сцену одного из крупнейших российских предпринимателей, долларового миллионера, основателя благотворительного фонда,

помогающего наркозависимым, «Путь надежды» и, конечно же, владельца компании косметических модификаций «Осе», Реутова Дамира Игнатьевича!

Под бурные аплодисменты на сцену неторопливо поднялся представительный статный мужчина, которому на вид было чуть меньше пятидесяти лет. Невзирая на широкую грудь и могучие плечи, синеватый двубортный пиджак смотрелся на нем донельзя элегантно, и даже небрежный жест — засунутая в карман брюк рука — придавала Дамиру лишь легкий налет шарма. Жесткие темно-каштановые волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб и прямые густые брови, из-под которых на публику смотрели внимательные карие глаза.

Едва он оказался в центре сцены, то весь зал замер, с благоговением ожидая речи владельца.

— Я рад приветствовать всех вас, своих гостей, в самом сердце компании «Осе». На сегодняшний день мы являемся бесспорными лидерами среди всех центров, занимающихся изменениями внешности человека в России. И мы с гордостью смотрим в будущее, надеясь в скором времени выйти и на мировой рынок, предоставив иностранным коллегам право оценить наши разработки, столь популярные среди всех слоев населения страны.

Герман с интересом наблюдал за выступлением Дамира, который с легкой улыбкой на губах своим зычным голосом обращался к толпе, не испытывая ни малейшего дискомфорта от десятков глаз, устремленных на него. И было что-то в этом властном человеке, что заставляло слушать его и действительно верить в светлое будущее компании «Осе», настолько уверенно он себя чувствовал на сцене. И эта уверенность сквозила в каждом его слове и жесте.

— Еще совсем недавно с этой самой сцены я вещал вам о совершенно новом уровне развития, на который вышла наша компания. Благодаря длительным лабораторным исследованиям и труду лучших специалистов по бионическому протезированию, мы наконец совершили революционный прорыв в области косметических модификаций тела! Позвольте представить вам первый полностью контролируемый носителем звероподобный хвост!

На сцену поднялось трое моделей в обтягивающих откровенных нарядах, позволявших увидеть имплантированные в крестец и копчик хвосты. Первая блондинка с широкой белозубой улыбкой и вживленной в кожу головы диадемой из ярких перьев продефилировала перед зрителями, демонстрируя свой широкий ступенчатый птичий хвост с удлиненными перьями надхвостья.

Когда он распушился, то стал виден красочный узор, в котором переплетались зеленые и синие кольца.

Вторая модель с пышной гривой темных волос блеснула в сторону зрителей желтыми блюдцами пересаженных кошачьих глаз и лукаво махнула со сцены длинным черным хвостом. Следом сразу же поприветствовала публику третья девушка, у которой руки до локтей были покрыты пересаженной змеиной кожей, а за спиной начинался мощный хвост ящерицы с наростами.

— Имеющийся модельный ряд сегодня наконец пополнится еще одним экземпляром, который, начиная с завтрашнего дня, уже поступит в продажу и будет доступен для вживления во всех наших клиниках в Старой и Новой Москве! Вашему вниманию представляется образец экзотического протеза хвоста лемура!

Откуда-то со стороны на сцену ловко вбежала хрупкая модель в коротенькой шубке из искусственного меха, а у нее из-под юбки, едва прикрывавшей ягодицы, высовывался полосатый серо-черный хвост, которым девушка задорно помахивала.

Судя по оживленным аплодисментам, представленная модель бионического хвоста привела журналистов и других собравшихся гостей в восторг. Кто-то из приглашенных бизнесменов даже забрался на сцену, чтобы пожать Дамиру руку и поздравить с успехом.

И Герману даже удалось разглядеть, что пальцы владельца компании «Осе» венчали настоящие срощенные с костью бурые когти, явно пересаженные от какого-то искусственно воссозданного медведя, судя по их размеру.

«И кто только отваживается пожимать ему руку?» — скептично отнесся к такой модификации Герман. — «Еще и кулаками не помахать с такими когтями. Хотя о чем это я? Ведь для этого у него есть целый штат верных телохранителей, к которому я, похоже, скоро присоединюсь».

Речь Дамира вскоре завершилась. Модели еще продолжали дефилировать по сцене, улыбаясь гостям, ведущий сразу же продолжил презентацию, представляя толпе очередное важное лицо компании, которое должно было подробнее рассказать об устройстве новых бионических хвостов. А вот Дамир Игнатьевич ускользнул от внимания камер, и именно его пропажа из выставочной галереи должна была послужить сигналом к началу всей операции.

«Скоро он будет здесь».

Герман отвернулся от экранов и украдкой глянул через стеклянные двери на площадь перед небоскребом. Согласно плану, на ней уже начала собираться разномастная толпа

зоозащитников с плакатами. Буквально за несколько минут все свободное пространство оказалось занято митингующими, и Герман прекрасно знал, что где-то в сердце этой сутолоки скрывались и вампы-организаторы. Они умело направляли народ, выслушивая через голосмартфон наставления Альберта, руководившего операцией из штаба, но сами никому не показывались на глаза.

— Это еще что такое? — Олег тоже заметил неожиданно образовавшийся пикет.

— Похоже, это какие-то зоозащитники. Смотри на плакаты. «Нет испытаниям на животных!», «Воссозданные и клонированные животные тоже мыслят!».

— Откуда они тут взялись? Еще пять минут назад никого из них и в помине не было.

— А черт его знает, — пробормотал себе под нос Герман.

— Мы должны что-то с этим сделать? — неуверенно спросил Олег. — Может, вызвать Павла Алексеевича по рации?

«Проклятье! Нельзя уводить начальника охраны от пульта управления!»

— Не торопись! Видишь, в здание они не заходят. Пока к дверям не подойдут, не будем поднимать тревогу.

Олег судорожно сглотнул, но после послушно кивнул, прислушавшись к напарнику.

Один из скоростных лифтов приехал на первый этаж, его двери распахнулись с легким звоном, и в холл шагнул Дамир Игнатьевич в сопровождении двух высоких амбалов и худощавой помощницы в деловом костюме бежевого цвета. Владелец компании по привычке держал одну руку в кармане брюк и с уверенным видом двигался в сторону входа, не оглядываясь по сторонам, ни с кем не заговаривая и сохраняя на лице высокомерную маску. Один из телохранителей нес на руках донельзя спокойного пса породы бигль, который безразлично рассматривал спешивших мимо людей, лишь иногда лениво помахивая кончиком хвоста.

Когда Дамир со своей свитой прошел мимо рефлекторно вытянувшихся по струнке Германа и Олега на выход, то оба охранника нашли в себе силы вновь вздохнуть, лишь когда за владельцем компании закрылись двери. Только тогда незримая глазу аура властности, окружавшая этого человека, рассеялась.

— Он похож на зверя в людском обличье, — прошептал Олег.

— Я тоже это почувствовал, — признался Герман, не сводя взгляд с широкой спины Дамира.

Тот сразу же остановился, стоило ему выйти за порог. Он явно никак не ожидал увидеть такую огромную толпу у подножия

своего здания, тем более что эта толпа вовсе на восторгалась итогами его успешной презентации, а выкрикивала обвинительные лозунги.

— Это он! Это владелец «Осе»! — послышалось со всех сторон.

Митингующие куда плотнее сгрудились, медленно продвигаясь вперед. В воздухе замелькали разрывные шарики с сухой краской, которые взмывали вверх небольшими снарядами и после опадали вниз облаками пыли алого цвета. Кто-то из толпы от души бросил несколько шариков в одного из телохранителей, и его черный костюм мгновенно расцвел кляксами красных пятен, но охранник не повелся на провокацию, ни на шаг не отходя от своего начальника.

— Убийца! Мучитель животных! — кричали во всю глотку зоозащитники.

— Дамир Реутов — главарь корпорации смерти!

Олег схватил Германа за запястье, наблюдая за происходившим сквозь прозрачные двери.

— Нужно выйти наружу, — сказал он. — Это становится опасным. Я сообщу по рации Павлу Алексеевичу, чтобы он прислал еще охраны.

— Пойдем.

Они выскользнули на улицу и замерли по обе стороны от входных дверей, всего в паре метров от Дамира и его помощников. Герман краем глаза заметил в толпе знакомое лицо: вамп в затемненных очках и неприметной черной куртке гибкой змеей скользил между сгрудившимися людьми, осторожно и неторопливо протискиваясь в первые ряды.

«Левый кулак!» — молнией проскочила в голове Германа мысль. Он уже совсем позабыл о том, что Тимур навещал его утром и предупредил о сигнальном жесте.

— Уважаемые собравшиеся! — неожиданно зычно воскликнул Дамир, привлекая к себе внимание всех митингующих. — Я бы попросил вас не проявлять открытую агрессию по отношению ко мне лично и моим сотрудникам, иначе я буду вынужден обратиться к силам правопорядка, и ваш несогласованный митинг будет разогнан беспилотными дронами с водяными пушками.

— Ты нас не заткнешь так просто, чудовище! — визгливо крикнула какая-то женщина, стоявшая с самого края толпы. — Ты держишь в своих лабораториях сотни и тысячи животных, на которых ставишь свои опыты и пересаживаешь части их тел каким-то модникам и отбросам общества, решившим, что это отличная идея — таскать на себе кожу и перья убитых зверей!

Раздались одобрительные окрики других активистов, в воздух

поднялись руки со сжатыми кулаками и самодельными плакатами.

— Вы заблуждаетесь, и мне очень прискорбно слышать, что такое количество людей поддерживает вашу точку зрения, ничего толком не понимая в работе нашей компании и ее лабораторий, — даже не изменившись в лице, продолжил вещать Дамир, взглядом скользя по толпе. — Мы уже неоднократно доказывали, что в наших лабораториях содержатся только искусственно воссозданные и клонированные животные категории Б, то есть выведенные без части лобной доли головного мозга. Как вам должно быть известно, любые животные этой категории не обладают достаточным мыслительным процессом, чтобы испытывать боль, страх, радость или обладать памятью! Благодаря этому, согласно международной конвенции о правах животных, их разрешено использовать как материал для лабораторных исследований!..

— Вранье!

Горсть шариков с сухой краской понеслась по направлению к Дамиру Игнатьевичу. Тот даже не сдвинулся с места, не пригнулся и не вздрогнул, когда прямо перед ним несокрушимой стеной встал один из телохранителей, принимая на себя удар. Его черный костюм практически полностью оказался покрыт слоем красной пыльцы, но ни пятнышка не оказалось на владельце компании.

— В твоих закрытых лабораториях может быть что угодно!

— Даже у животных категории Б есть права! Прекратите уродовать и убивать зверей ради модных тенденций!

Обстановка накалялась. Все больше людей кричали, не сдерживаясь, и толкали соседей вперед, чтобы заключить Дамира в кольцо, не позволяя ему никуда уйти. Кто-то подобрался слишком близко, и все тот же расцвеченный краской телохранитель сразу же заломил молодому пареньку руки за спину, не позволяя больше сделать ни единого шага.

— Я вижу, что любые мои слова и аргументы будут восприняты вами враждебно! Значит, беседовать нам с вами больше не о чем! Простите, но я очень спешу! — решительно заявил Дамир и направился в ту сторону, где под флагштоком стоял его припаркованный электромобиль.

Герман не сводил свой пристальный взгляд с едва приметной фигуры Тимура, который, сжавшись как пружина, укрылся за спинами двух активистов в первом ряду и явно готовился вот-вот начать действовать. Будто по чье-то беззвучной команде Дамиру наперерез кинулось человек пять митингующих, размахивавших своими плакатами на манер опахал, а кто-то даже вылил на

землю, прямо под ноги бизнесмену, ведро фальшивой крови. Они не собирались позволять владельцу компании так просто сбежать.

— Герман! Чего встал?! Помогай! — на ходу крикнул Олег, ринувшись к толпе.

Боксеру пришлось последовать за ним, чтобы не вызывать подозрений, хоть он и старался ни на секунду не выпускать из поля зрения сосредоточенного Тимура.

Тот телохранитель, что держал на руках бигля, был вынужден передать его помощнице, которая вцепилась в пса на манер клеща, и броситься помогать своему напарнику и Олегу с Германом сдерживать толпу, не подпуская ее к владельцу компании. Дамир, явно весьма раздосадованный всем происходившим, оставил своих сотрудников выполнять их работу, а сам, развернувшись, поспешил по направлению к флагштоку.

И в этот самый момент Тимур протиснулся вперед, крепко сжал левый кулак на несколько секунд, даже не пересекшись взглядом с боксером, и потянулся правой рукой куда-то ко внутреннему карману куртки. Все происходило словно в замедленной съемке.

«Пора!» — всполошился Герман, но его мышцы отреагировали куда быстрее. Ноги сами напружинились и оттолкнули тело от земли. Не успев даже вскрикнуть что-то, а лишь широко раскрыв глаза, Герман в несколько шагов, больше напоминавших прыжки, оказался возле Тимура, уже направившего пистолет на Дамира. Оружие было не электрошоковым, а боевым, старого образца, которое уже невозможно было легально достать в городе, поскольку на его ношение в столице был введен строгий запрет. Такой пистолет был весомой угрозой.

— Подохни, тварь! — брызжа слюной, пронзительно завопил Тимур.

Герман снес его с ног в рискованном длинном прыжке, на лету крепко стискивая запястье правой руки, в которой был зажат пистолет, и направляя ее вверх. Тимур нажал на курок пару раз, и в воздух с оглушительным звуком улетели пули. В толпе митингующих раздались крики ужаса: люди думали, что по ним начали стрелять.

Извиваясь червяком под стальной хваткой Германа, Тимур плевался и вопил что-то нечленораздельное, пытаясь высвободиться. Он старался задеть боксера ногами и отчаянно пинался, а, как удалось вырвать из захвата левую руку, Тимур принялся жестокого и, совершенно не сдерживая силу, наносить удар за ударом по лицу Германа, целясь в челюсть и нос. Боксер тоже спустил с цепи свою внутреннюю ярость, всегда готовую по

первому зову откликнуться. С остервенением он принялся избивать своего пленника, со второго удара сломав ему нос и забрызгав все лицо кровью.

Если бы ему на помощь не подоспели Олег и двое телохранителей, которые подняли Германа на ноги и отцепили его от Тимура, выглядевшего совершенно неадекватным типом, то боксер наверняка нескоро бы остановился. Брошенный пистолет валялся на земле, пока личные волкодавы Дамира стягивали Тимуру руки широкими пластиковыми хомутами, которые невозможно было порвать.

— Признаться честно, подобного я не ожидал. — Дамир медленно наклонился и поднял пистолет, с интересом и без какого-либо испуга оглядывая его со всех сторон.

Митингующие заметно притихли, даже отступили на несколько шагов назад и больше не пытались взять владельца компании в кольцо. Естественно, они ничего не знали об операции вампов, и это нападение обескуражило зоозащитников, ведь под прикрытием их пикета к небоскребу подобрался выживший из ума убийца. В какой-то момент из здания выскочила толпа охранников, которые принялись разгонять митингующих, оттесняя их подальше от входа.

Герман тяжело поднялся с земли, шумно втянув воздух носом. Кулаки саднили, и костюм весь испачкался, но в целом он был доволен тем, как все исполнил. Дамир стоял возле него и все еще крутил с озадаченным видом пистолет, а его помощница, испуганно обнимая бигля, с ужасом наблюдала за тем, как Тимура подхватили под локти и потащили куда-то в сторону, явно намереваясь сдать его вызванному отряду полиции или же избить за углом до полусмерти.

— Да этот человек спас вам жизнь! — раздался из глубины толпы женский крик.

«Вот и выход Ульяны на сцену. Посмотрим, на что способна эта маленькая робкая журналистка», — усмехнулся про себя Герман.

— Он же настоящий герой! Бросился грудью на этого психа, несмотря на пистолет!

Толпа понемногу заражалась энергичными воплями Ульяны, которая не щадила глотку.

— Если бы не он, то мало ли кого тут бы еще перестреляли!

Понемногу люди начали аплодировать Герману, благодарить его за самоотверженные действия и даже одобрительно свистеть. Как-то очень быстро все позабыли, для чего на самом деле они собирались на площади, забыли про свой пикет и вражду с корпорацией. Потому что это дерзкое покушение отрезвило

людей и остудило их пыл.

Ульяна, расталкивая народ локтями, вывалилась из первых рядов. Вспотевшая и с растрепанными волосами, она спешно одернула свой плащ из прозрачного винила, под которым было надето приталенное черно-белое платье, и уверенно направилась к Дамиру. Телохранители, вновь не отходившие от своего работодателя ни на шаг после такого позорного провала, выставили ладони вперед, не позволяя журналистке приблизиться.

— Ульяна Калягина, интернет-издание «Взгляд в будущее». Дамир Игнатьевич, позвольте спросить вас, были ли вы лично знакомы с нападавшим?

— Нет, я видел это лицо первый раз в жизни, — спокойно и сдержанно ответил владелец компании.

Он изучающим взглядом прошелся по Ульяне, особенно задержавшись на ее включенном голосмартфоне, выглядывавшем из-под ворота платья. Кнопка устройства горела мягким зеленоватым светом — это означало, что велась съемка.

— Я никак не мог ожидать, что в составе мирной демонстрации зоозащитников окажется психически нестабильный человек, который попытается меня убить.

Герман чуть отошел в сторону, чтобы не стоять столбом посреди пустого пространства, но именно это действие привлекло к нему всеобщее внимание. Ульяна практически сразу же указал пальцем на боксера и озвучила заготовленный вопрос:

— Этот мужчина ведь защитил вас своим телом! Будет ли герой представлен к соответствующей награде? Как вы намерены отплатить ему за спасение собственной жизни?

Щеки Ульяны горели ярко-красным румянцем, а глаза лихорадочно были вытаращены. От прежней робости не осталось и следа, девушка шла напролом.

— Наградить героя! — раздался одиночный выкрик из толпы.

«Наверняка это Федор или Юля. Себя не показывают, а народу в уста вкладывают нужные слова».

— Он — герой! — поддержали несколько десятков человек этот лозунг. — Наградить героя!

Стало шумно, люди хлопали в ладоши, требовали, чтобы к ним прислушались.

— Несомненно. Этот охранник будет удостоен хорошей денежной премии и нескольких дней оплачиваемого отпуска, — довольно сухо пообещал Дамир, даже не смотря в сторону Германа, который еще совсем недавно рисковал своей жизнью, чтобы защитить его от пули.

Ульяна нахмурилась, и в ее облике появилось что-то

угрожающее и опасное. Кажется, девушка намеревалась любыми силами изменить решение владельца компании «Осе».

— То есть вы хотите сказать, что это мужчина, не являясь вашим личным телохранителем, без раздумий обезвредил нападавшего, а вы просто намерены отмахнуться от него премией? Похоже, вы не очень-то и цените свою собственную жизнь, раз ее спасение ничего не стоит!

Презрительно изогнув бровь, Дамир уставился на Ульяну, совершенно не понимая ее негодования. Рядом встрепенулась помощница, едва удерживавшая на руках немаленького бигля.

— Простите, — довольно желчно процедила она. — Но этот человек работает охранником в компании «Осе», а, соответственно, это его прямая обязанность — обеспечивать безопасность. С чем он успешно и справился, нейтрализовав преступника. Он просто выполнил свою работу!

— Какая несправедливость! — не унималась Ульяна. — Ведь он мог и погибнуть сегодня, а вам все равно! Интересно узнать, какие же мысли тревожат самого героя дня!

Девушка бодро подбежала к Герману.

— Скажите, как вас зовут?

— Герман.

— Вы сегодня поступили очень отважно, Герман! Думаю, Дамир Игнатьевич безмерно признателен вам… Как и все собравшиеся здесь! Ведь сегодня никого не ранили и не убили только благодаря вашим действиям. Наверняка такого смелого человека, как вы, Герман, ждет большое будущее!

— Я очень на это надеюсь, — проговорил Герман. — Я люблю свою работу. Но никогда не останавливаюсь на достигнутом, всегда двигаюсь вперед!

Боксер разглядел в глазах Ульяны удовлетворенный блеск.

— Это завидное упорство! Расскажите изданию, каким вы видите свое будущее? Может, у вас есть заветные мечты или планы, которые вы надеетесь исполнить!

— Признаться честно, я всегда желал подняться вверх по карьерной лестнице, дослужиться до хорошей должности в «Осе», а конкретно в службе безопасности небоскреба. Думаю, я на верном пути! И однажды сумею добраться до вершины, оказаться на своем месте в компании Дамира Игнатьевича, которого я очень уважаю. И сегодня я горд, что мне удалось хорошо выполнить свою работу и защитить Дамира Игнатьевича от неожиданной угрозы!

Пока Германа в очередной раз аплодировали, а из здания начали подтягиваться все новые и новые журналисты, спускавшиеся с завершившейся презентации, сам владелец

компании о чем-то тихо переговаривался с помощницей. Ульяна же продолжала свой спектакль:

— Какая замечательная мечта! У вас есть все необходимое, чтобы рано или поздно ее достигнуть!..

— Герман, — неожиданно прервал журналистку Дамир, подходя ближе к боксеру. — Позвольте лично поблагодарить вас за мое спасение и за те слова, что вы сказали. Мне приятно, что такие сотрудники есть в моей компании.

Дамир Игнатьевич протянул свою когтистую руку, и они с Германом обменялись энергичным рукопожатием. Медвежьи когти сильно, но неглубоко впились в кожу.

— Это честь для меня, Дамир Игнатьевич! — отрывисто сказал боксер.

Со всех сторон их облепили опоздавшие журналисты, которые, в спешке настраивая голосмартфоны, торопились сделать важный снимок и успеть сделать запись беседы.

— Я бы хотел стать тем, кто исполнит вашу мечту, Герман. В благодарность за ваш бескорыстный поступок сегодня. Помимо денежной премии и оплачиваемого отпуска, я бы хотел пригласить вас на работу в штат моих личных телохранителей. Сегодня вы проявили все черты человека, достойного этой важной должности.

— Дамир Игнатьевич, это очень много значит для меня! Спасибо! — вдохновенно твердил Герман, чувствуя, как его тошнит от самого себя и этого актерства.

Владелец компании чуть высокомерно улыбнулся, скользя взглядом по собравшимся вокруг него журналистам, больше работая на камеры, чем проявляя какую-то неподдельную искренность.

— Завтра я жду вас в своем офисе, на восьмидесятом этаже, к девяти часам утра, Герман. Теперь вы станете частью моей команды. Ваша мечта наконец станет явью!

И все это время, пока Герман был вынужден улыбаться камерам, отвечать на вопросы журналистов, бросаться очередными благодарностями в адрес Дамира Игнатьевича и чествовать его великодушие, он не мог избавиться от разочарованного взгляда Олега, преследовавшего его.

Глава девятая
Жертва ради великой цели

Уже вечером в штабе В.А.М.П. все отмечали успешное завершение операции. Ее участники, кроме Альберта и Тимура, и еще десяток людей оккупировали буфет на втором этаже, включили какую-то ритмичную электронную музыку через чей-то портативный компьютер и потягивали прохладную кровь из бокалов, шумно обсуждая все произошедшее. Вампы были крайне довольны, расслаблены и беззаботны, поскольку, по их мнению, разыгранный перед небоскребом «Осе» спектакль можно было назвать образцовым по части исполнения.

— Когда Тимур с Германом начали дубасить друг друга по лицу, то я реально испугался! — гоготал Федор, выбравший барную стойку в качестве своего сиденья. Теперь его черную шапку волос было видно из любого уголка помещения, а громкий голос перебивал даже музыку.

— Ой, я тоже! — поддакнула Юля, утонувшая в глубоком продавленном кресле со своим стаканом крови в руках. — Еще думала, они сейчас поубивают друг друга! А вроде ведь до этого не были совсем знакомы. Чего так бьют сильно?

— Дык мне же сказали, чтобы я силу не сдерживал, — растерялся Герман, который, как главный виновник торжества, был усажен в самом центре на барном стуле, чтобы он никуда не мог сбежать с этого вечера. — Все же должно было выглядеть реалистично.

Вампы вокруг засмеялись, будто боксер сказал что-то действительно смешное, а, может, они просто забавлялись над его смущением. Кто-то протянул свой бокал и чокнулся с Германом.

— Так давайте же выпьем за этого смелого человека, который всегда рад от души навалять другу и товарищу! — послышался издевательский тост, произнесенный чьим-то звонким голосом.

— Выпьем! Выпьем!

Все собравшиеся в буфете немедленно приложились к своим стеклянным стаканам, фужерам и бокалам, потягивая звериную кровь, пока она не загустела и не свернулась.

— Там по Тимуру новостей еще нет? — отерев губы, спросил у вампов вокруг Герман, когда музыка чуть стихла между сменами композиций.

— Не волнуйся по поводу него, — успокоил боксера Павел Алексеевич, вальяжно развалившийся на диване возле стены. —

За решетку его не отправят. Для Тимура есть отходные пути.

— Значит, против него не будут выдвинуты никакие обвинения?

— Нам невыгодно терять такого человека. Конечно, все рассчитано так, чтобы после случившегося скорее вернуть его в штаб и сменить личность. Не забивай себе этим голову, Герман.

Павел Алексеевич отсалютовал боксеру своим полупустым бокалом.

— Верно! — завопил Федор со своего места. — Давайте-ка лучше и нашу королеву болтологии почествуем! Куда там Ульяну затолкали на задние ряды?

Раскрасневшуюся журналистку, уже успевшую поставить себе огромное бордовое пятно на платье, общими усилиями вытолкнули в центр комнаты, поближе к Герману, который сразу же слез с барного стула, уступая место девушке. Ульяна забралась повыше, смущенно поправляя свою прическу, но при этом глаза ее лучились восторгом.

Федор спрыгнул со стойки и пробился поближе, чудом удерживая в руках два переполненных кровью стакана.

— О, богиня красноречия! Позволь же принести тебе великие дары! Эту жертвенную кровь и всех этих симпатичных молодых мужчин!..

Так и не договорив до конца, Федя откровенно захохотал, и его поддержали другие вампы. Кровь все же благополучно доставили до центра помещения, передав стакан в руки девушки, а после прозвучал и следующий тост, который вдохновенно произнесла Юля, активно жестикулируя руками.

— Давайте же глотнем эту амброзию, чтобы восславить нашу бойкую журналистку, которой удалось-таки заболтать этого напыщенного магната! Это просто безумный успех, ребята!

С ликованием все снова приложились к своим бокалам, и пока раздавались глотки, никто не заметил, как на ступенях лестницы, ведущей на верхние этажи, появился Альберт, затянутый в безукоризненный темно-коричневый костюм, так хорошо подчеркивавший его подтянутую высокую фигуру.

— Вы слишком расшумелись.

Его ледяной голос пронесся над головами вампов. Все мгновенно затихли и повернулись в сторону своего лидера, взиравшего на подчиненных с печатью мрачного недовольства на лице. Музыку сразу же выключили, и тяжелое молчание заполнило все пространство от пола и до потолка.

— Эта операция действительно прошла успешно, в чем заслуга многих из вас. Но не стоит забывать, что на нашей ассоциации еще лежит ответственность за проведение многих

других операций, подготовка с которым тоже длилась не одну неделю. Наша борьба еще не окончена, и не стоит ликовать раньше времени, так громко празднуя победу в одной небольшой битве.

— Альберт, — слабо подал голос Павел Алексеевич с дивана. — Ну дай ты молодым нарадоваться всласть. Они хорошо потрудились и имеют право один вечер отдохнуть.

— В первую очередь они должны думать об отдыхе своих товарищей, Павел, которые сейчас в общих спальных комнатах не могут нормально задремать из-за музыки и шума. Многим из них через несколько часов вставать на работу, другим готовиться к очередной операции. Или, может быть, я не прав?

Альберт сжал поручень, пронзая своим темным взглядом по очереди каждого из присутствовавших в буфете. Вампы невольно отводили глаза или прятались за чужими спинами, будто их уличили в чем-то неприличном или постыдном. Только Герман единственный прямо и с нескрываемым раздражением ответил на взор главаря ассоциации. Они, не моргая, сверлили друг друга взглядами секунду, будто ведя какую-то незримую войну.

— Разве тебе, Герман, не нужно завтра к девяти утра быть на восьмидесятом этаже небоскреба «Осе», чтобы приступить к новой работе? Перед Дамиром ты должен быть бодрым и собранным. Тебе как никому из всех здесь присутствующих нужно хорошо выспаться.

Герман на миг прикрыл веки, признавая свое поражение.

— Да… Ты прав, Альберт. Простите, ребята. Спасибо за вечер и настроение, но мне действительно пора.

Отставив стакан, боксер кивком поблагодарил вампов и направился в общую спальню, не оборачиваясь. За спиной еще какое-то время царило молчание, а после все остальные участники незапланированного торжества медленно начали убирать следы вечеринки и разбредаться.

Проснувшись задолго до того часа, когда ему надо было вставать, Герман еще долго лежал на своей койке, гипнотизируя взглядом потолок. Его волновала предстоявшая работа на Дамира, который казался боксеру человеком донельзя самовлюбленным и жестоким. Охранять подобного магната, для которого жизни людей вряд ли много значили, претило Герману, но отказаться от этой работы он уже никак не мог.

«Ладно. Я просто должен следить за ним. Не лазать в компьютере, не выяснять его грязные тайны, а просто наблюдать из-за спины и запоминать», — успокаивал себя мужчина. — «И надеяться, что Альберт не заставит меня сидеть на восьмидесятом

этаже слишком долго».

Умывшись и почистив свой испачканный костюм, Герман побрился, с неудовольствием погладив пальцами оставшийся после вчерашней драки с Тимуром массивный синяк на скуле. Такое украшение хоть и было доказательством качественно проделанной работы, но все же придавало его лицу неприглядный вид.

Уже одевшись и направляясь к выходу из театра, Герман неожиданно столкнулся в коридоре с каким-то сгорбленным парнем, от которого крайне дурно разило.

— Черт! — ругнулся вамп, когда они налетели друг на друга в полумраке неосвещенного коридора.

— Тимур? — удивился Герман, распознав этот голос. — Ты что ли?

Тип одернул капюшон куртки с головы, чтобы лучше разглядеть собеседника, и стало видно, что лицо вампа было полностью покрыто ссадинами, ушибами и гематомами, которые превратили его кожу в красноватую опухшую маску. Разбитые затемненные очки висели на самом кончике сломанного носа, а без них облик Тимура был практически неузнаваемым.

— А, это ты Герман. Не думал тут кого-нибудь встретить так рано.

— Мне не спалось, решил наведаться на работу пораньше, — пробормотал боксер, все еще разглядывая лицо Тимура. — Это я тебя так сильно отделал вчера? Слушай, извини… Я что-то силу не рассчитал.

— Да нет, ты мне только нос сломал, — отмахнулся Тимур. — Мелочи. Хотя дрался ты что надо! Я слышал, будто ты раньше боксером был. Знаешь, это прям реально чувствуется в каждом ударе.

— Кто же тебя тогда так изуродовал?

Тимур замялся и неуверенно переступил с ноги на ногу.

— Охранники ваши и телохранители этого Дамира потом просто отбивную из меня сделали. И забросили в полицейское отделение, когда я уже даже пальцем не мог пошевелить. Там хотя бы не били… Один из наших внедренных вампов смог меня оттуда достать, помог до штаба добраться, а то ноги еле ходят…

— Это же ненормально, — возмутился Герман. — Неужели Альберт не предусмотрел такой исход, что тебя из мести или по приказу этого Дамира захотят так отметелить? Они же и убить могли!

— Альберт предупреждал меня о подобном. Я был готов. Не скажу, что мне это нравится, но просто каждый раз, когда на операциях Альберта подобное случается, то я просто думаю, что

так, наверное, и должно быть. Если наша ассоциация хочет добиться лучшей жизни для вампов, то надо сжать кулаки и терпеть эту боль. Чтобы потом, через годы, когда планы главаря дадут свой результат, я мог с чистой совестью порадоваться, что все было не напрасно.

Герман с удивлением слушал Тимура.

— Я скажу тебе честно, я прозябаю в В.А.М.П. уже давно, еще с тех времен, когда здесь всем заправлял Дантист. Это была совсем другая эпоха, Герман. Я не знаю, хорошо или плохо, что ты и многие другие вампы ее уже не застали. При Дантисте было куда спокойнее, мы держались вместе, помогали ему и друг другу, как семья. А с приходом Альберта началась борьба нашей ассоциации с миром вокруг. И мы стали уже бойцами, которые послушно выполняют приказы и направляются на убой. Да, впереди нам освещает путь великая цель — свобода и признание… Но я тебе скажу, Герман, порой я очень скучаю по эпохе Дантиста и хочу ее вернуть.

— И что мешает? — приглушенно спросил боксер.

— Наверное, боязнь потерять все то, чего ассоциация добилась при Альберте. Может, он суров и неприветлив, сам себе на уме, но он нас ведет вперед все же. А Дантист так бы не смог… Но, ты знаешь, он бы никогда не стал посылать никого из вампов на убой, он бы не позволил, чтобы членам его семьи причинили вред или же отправили на утилизацию, как случилось уже с парой наших…

Слабо похлопав застывшего Германа по плечу, Тимур обогнул его и, прихрамывая, направился к спальне, даже не попрощавшись.

«А кем следующим Альберт захочет пожертвовать ради своей цели?»

Двери лифта закрылись, мелодично звякнув, и оставив Германа стоять в стальной металлической кабине в одиночестве. Пальцем нажав на кнопку восьмидесятого этажа на сенсорном экране, Герман никак не ожидал, что практически сразу же раздастся механический женский голос из динамиков:

— Доступ на восьмидесятый этаж закрыт. Приложите идентификационную карту или же нажмите на кнопку еще раз, чтобы вас связали с секретарем.

Стоило боксеру ткнуть пальцем в экран повторно, как послышалось несколько коротких сигналов, и на том конце кто-то вышел на связь:

— Добрый день! Вы пытаетесь попасть на восьмидесятый этаж, закрытый для общего доступа. Назовите ваше имя и цель

посещения.

— Я Герман Юдин. У меня на девять часов назначена встреча с Дамиром Игнатьевичем…

— По какому вопросу? — уточнила секретарь ровным тоном.

— Меня пригласили на работу телохранителем, и сегодня я должен был обсудить все условия для вступления в должность. По крайней мере, Дамир Игнатьевич так мне сообщил.

— Минуту, пожалуйста.

Переминаясь с ноги на ногу, Герман впустую таращился на экран с кнопками, ожидая ответа секретаря.

— Да, ваше имя есть в списке.

В тот же миг лифт ожил, беззвучно и плавно двинувшись на самый верх небоскреба, на самый последний этаж.

Когда двери с тихим звоном распахнулись, Герман неуверенно шагнул вперед, ожидая увидеть буквально что угодно, от покрытой позолотой роскошной гостиной, где сидели члены внутреннего совета руководителей, покуривая давно запрещенные в стране табачные сигары и потягивая дорогостоящие алкогольные напитки, и до настоящей лаборатории злобного гения с подопытными животными в клетках и штатом верных прислужников.

Однако за дверьми лифта оказался довольно-таки унылый холл с белоснежной стойкой, покрытой красными линиями неоновой подсветки, где в монитор уткнулась секретарша.

— Герман, пожалуйста, присядьте в зоне отдыха. Вас вызовут в кабинет, — вежливо поприветствовала она боксера, указав через стойку на островок с кожаными диванчиками и одиноким столом.

Опустившись на мягкое сиденье, Герман оглядел минималистично обставленный белый коридор, уходивший в сторону и заканчивавшийся высокими отделанными под дерево с медью дверьми, на которых красовалось металлическое изображение двух медведей, вступивших в схватку. Рядом были и другие проходы, но почему-то Герман не сомневался, что именно за этими пафосными створками находился кабинет Дамира Игнатьевича.

Спустя четверть часа в коридоре послышался перестук женских каблуков, и к Герману вышла та самая помощница Дамира, которую он уже видел накануне на митинге зоозащитников. Эта невысокая худая женщина в своем привычном деловом костюме бежевого цвета с узкой юбкой-карандашом нетерпеливо махнула рукой, приглашая боксера последовать за ней.

Однако помощница привела Германа вовсе не в кабинет к Дамиру Игнатьевичу, а в соседнее помещение, которое явно

принадлежало ей, судя по многочисленным грамотам и благодарственным письмам с ее фотографиями в подсвеченных рамках, которые висели на стене прямо за столом. В углу стоял широкий кофейного цвета диван, на котором беспорядочно валялись вскрытые коробки из-под обуви и целые горы туфель всех цветов и моделей. Сбоку, между шкафами с документацией, затесалась узкая дверь со стеклянной вставкой, через которую можно было разглядеть кусочек голубого неба. Видимо, это была дверь на балкон или террасу. И кроме этого крошечного лучика естественного освещения, в кабинете царил лишь холод ярких галогенных ламп.

— Сядьте туда, — бросила женщина, указав пальцем на кресло, располагавшееся в паре метров от ее стола, к которому она и направилась.

Герман послушно опустился на сиденье, но его безмерно смущало, что между ним и собеседницей было так много пустого пространства. Он словно оказался на изолированном острове, в этом самом жестковатом кресле, и помощница Дамира внимательно разглядывала его, прищурив глаза и сжав бескровные губы.

— Значит, вас зовут Юдин Герман Дмитриевич? — сухо спросила она через минуту, мельком заглянув в какие-то свои записи.

— Да, все верно.

— Сколько вы уже занимаете должность охранника в нашей компании?

— Мм… — замялся Герман, — чуть меньше месяца.

Помощница, вздернув левую бровь, вновь уставилась на лежавшие перед ней бумаги.

— Но начальник охраны сообщил мне, что вы работаете здесь только две недели.

— А зачем тогда вы спрашиваете, если вам и самой уже известна вся информация обо мне от Павла Алексеевича? — не удержался Герман, чтобы не задать язвительным тоном этот вопрос.

Возмущенный взгляд женщины был ему наградой.

— Я имею право спрашивать вас о чем угодно! Мне необходимо удостовериться, что полученные мной сведения точны!

— Почему вообще я должен разговаривать именно с вами? — никак не отреагировав на негодование заносчивой помощницы, поинтересовался Герман. — Разве это не Дамир Игнатьевич меня нанимает на работу? Мне казалось, что именно непосредственно около него я должен буду проводить все свое рабочее время. Так

что, кому, как не ему, стоит меня опрашивать. Или нет?

Задохнувшись в своем недовольстве, женщина звучно ударила пачкой бумаг по поверхности стола. Ее обтянутое желтоватой кожей вытянутое лицо исказилось в презрительной гримасе.

— Меня зовут Христина Анатольевна. Советую запомнить это имя хорошенько! Потому что я — правая рука Дамира Игнатьевича, его доверенное лицо. Он занятой человек, опрашивать всяких охранников у него нет времени. Потому этим занимаюсь я.

— Только я никак не возьму в толк, Кристина, почему…

— Христина Анатольевна! — заметно повысив голос, перебила своего собеседника женщина.

— Простите, Христина Анатольевна, — покладисто исправился Герман, решив больше не проверять границы дозволенного с этой помощницей. — Я лишь хотел понять, из-за чего вы так на меня взъелись? Я лишь пришел устраиваться на должность, которую мне обещали за мой поступок.

— Этот ваш так называемый поступок стоил нам слишком многого! — язвительно произнесла Христина. — Из-за того, что вы решили выслужиться и броситься под пули, мы были вынуждены уволить двух хороших телохранителей. Между прочим, один из них работал на Дамира Игнатьевича уже пять лет. Немалый срок!

— Я-то тут причем?

— Вы взяли на себя их работу, хотя не должны были. И в итоге мы были вынуждены попросить их уйти, поскольку они допустили промашку, подпустив террориста так близко к начальнику.

Она несла эту чепуху с таким уверенным лицом, что можно было только диву даваться, как взрослая и разумная, казалось бы, женщина могла сама верить в свои слова.

— Какие же глупости… — пробормотал себе под нос Герман, но сразу же осекся под сверлящим взглядом Христины.

— Не тратьте мое время попусту. Отвечайте на вопросы! — хмуро попросила она.

— Да, пожалуйста.

— Где вы работали до того, как попали в компанию «Осе»?

— Долгое время был профессиональным боксером, после тренировал детей в спортивном центре.

— Выходит, у вас не имеется никаких навыков и подготовки сотрудника личной охраны? И никаких документальных подтверждений?

— Уточните, пожалуйста.

— Психологическое тестирование, медицинское освидетельствование, сдача квалификационного экзамена на базе какого-нибудь частного охранного агентства для получения лицензии.

Герман замялся. Этот список пришелся ему не по вкусу.

— Боюсь, сейчас этого нет.

— Вы должны предоставить в ближайшее время необходимые документы, иначе мы даже не сможем вас официально принять на работу.

Говорила Христина это с капелькой тщательно скрываемого превосходства.

— Я все сделаю в кратчайшие сроки, можете даже не сомневаться, — уверил ее Герман. — Что там еще от меня надо?

— Ну-ну! — хмыкнула женщина. — У вас есть водительские права?

— Имеются.

— Категория В?

— Да.

— Хорошо. Поскольку, если вам действительно удастся подготовить все остальные документы, а наша служба безопасности признает вас годным для этой работы, права вам понадобятся.

Христина поднялась со своего места, обогнула стол, подходя к Герману, и протянула ему несколько скрепленных листов пластиковой бумаги.

— Здесь составлен приблизительный распорядок дня Дамира Игнатьевича, который вам необходимо изучить. Ваш рабочий день начинается в восемь часов утра, заканчивается в тот момент, когда начальник лично вас отпустит. Смены два через два.

Забрав листы, Герман вчитался в напечатанный текст. Конечно же, там не было никакой конкретики, только общие фразы из разряда «С 10:00 до 12:00 — Совещания/встречи», «С 13:00 до 14:00 — Обед».

— И где мне нужно будет каждый день встречаться с моим работодателем по утрам? Уже в офисе или ехать куда-то к нему домой?

— Адрес апартаментов Дамира Игнатьевича вы узнаете не раньше, чем принесете все документы для оформления. К тому же для связи будет использоваться голосмартфон. С этим проблем нет.

— С этим проблемы есть.

Герман расстегнул верхние пуговицы рубашки, демонстрируя пустую металлическую оправу в основании горла, где когда-то находилась стеклянная кнопка устройства.

— Хм, — растерялась Христина, нахмурившись. — Непорядок. Почему вы не восстановили голосмартфон?

— У меня не было средств для этого, — сухо ответил боксер и застегнул пуговицы обратно.

— Да, кстати, по поводу средств. Вам обещана денежная премия и оплачиваемый отпуск на три дня. Как сообщил мне Павел Алексеевич, свою зарплату за отработанные дни вы тоже не получили…

— Я бы не отказался иметь все эти деньги на руках. К счету у меня доступа нет.

— Могу предложить вам только портативный обезличенный кошелек, как единственную альтернативу для получения средств.

— Меня это вполне устроит.

Развернувшись, Христина вернулась за свой стол. Какое-то время она открывала и закрывала ящики, ища что-то среди документов и всяких мелочей. Наконец, выудив некое круглое плоское устройство с несколькими кнопками в центре, женщина обратила все свое внимание на монитор, нажимая что-то на сенсорном экране. Она считала проекцию трехмерного штрих-кода, высветившегося над портативным кошельком, а через минуту уже передала устройство Герману в руки.

Оно напоминало обработанную ветром и волнами гальку, плоский камешек, который так и хотелось запустить в воду. Вот только теперь это было хранилищем всех имевшихся заработанных Германом денег, и так просто им разбрасываться было нельзя. Пощелкав кнопками, боксер с удовлетворением посмотрел на кругленькую сумму, которую ему высветила проекция.

Четыре тысячи мультивалютных долларов.

Не огромное состояние, конечно, но все же это были хорошие деньги. Теперь, по крайней мере, можно было послать средства сестре в Абакан и больше не клянчить ни у кого в штабе новую одежду или проездные карточки на метро.

— За время отпуска я настоятельно рекомендую вам посетить любой офис «Аргус» и восстановить утраченный голосмартфон, — без всякого намека на любезность в голосе посоветовала Христина.

— Непременно займусь этим сегодня же.

Обговорив еще несколько моментов и подписав необходимые бумаги об отпуске и получении денег, Герман наконец попрощался с помощницей Дамира, хоть со стороны это больше походило на скудный невыразительный кивок. И каждый из них обоих облегченно выдохнул, когда дверь кабинета отсекла их друг от друга.

«Кажется, этой стерве я совсем не понравился. И теперь мне с ней еще и работать бок о бок придется черт знает сколько».

Спустившись на первый этаж на скоростном лифте, Герман, поглаживая пальцами гладкую поверхность обезличенного кошелька, лежавшего в кармане брюк, решил заглянуть в раздевалку охранников. Ему надо было захватить последние вещи из своего шкафчика, поскольку совсем скоро этот металлический ящик собирались отдать какому-то новичку.

Поковырявшись в замке, Герман распахнул дверцу шкафчика. Там валялась его старая спортивная сумка со сменной обувью, рубашки и всякая мелочь, вроде пустых бутылок из-под воды. Пока мужчина выгребал весь мусор, он даже не услышал, как на пороге пустой комнаты кто-то возник.

— Привет, Герман.

Приглушенный голос Олега боксер даже не сразу узнал. И только развернувшись, он заметил возле двери высокую фигуру парня, его короткостриженую голову, пухлые розовые губы на бледном лице, которые теперь были сурово поджаты.

— Я тебя совсем не услышал! — Герман выпрямился, бросил сумку на лавку и приблизился к Олегу, протянув руку. Тот как-то вяло ее пожал. — Как дела?

— Да все так же, как всегда… А ты вчера круто себя повел, Герман, знаешь…

— Ты про покушение? Да, как-то я чудом заметил, что тот парень пистолет достает и сразу смекнул, в кого он захочет выстрелить. Вот и прыгнул.

— Это был достойный поступок. Я не знаю даже, хватило бы мне смелости сделать такое.

— А почему нет? Ты ведь человек храбрый. Уверен, если бы я не заметил его, то ты бы сам обезвредил террориста, будь у тебя шанс!

Герман видел по лицу собеседника, что с тем происходило что-то странное. Хотя Олег и пытался поддержать беседу, но глаза он отводил и держался неуверенно.

— Но повезло именно тебе, напарник, — хмыкнул парень. — А теперь, видишь, как все сложилось. Только познакомились, а ты уже вон какой скачок по карьерной лестнице сделал. Сразу с первого на восьмидесятый этаж угодил.

— Не расстраивайся так. Я знаю, что ты хотел бы оказаться на моем месте, попасть в штат личной охраны Дамира, но у тебя еще все впереди. Ты молод, горяч, и у тебя есть цель. Просто не теряй ее из виду и иди на этот свет. И, глядишь, пройдет год, а мы уже будем вместе работать на последнем этаже этого чертового небоскреба!

Усмехнувшись, Герман похлопал Олега по плечу.

— Конечно… Да.

— Обещаешь мне не терять веру в исполнение своей мечты?

— Я… — Олег замялся. — Скажи мне, Герман… Почему вчера ты сказал те слова? Про желание оказаться на вершине, защищать Дамира, а? Ведь мне казалось, что ты совершенно далек от всего этого продвижения по карьерной лестнице, которым я так горел. Думал, ты один из тех, кто просто получает обычную зарплату и ничего больше не ищет в жизни.

— Знаешь, когда тебя при сотенной толпе спрашивают о том, кем ты себя видишь в будущем, то тут, на мой взгляд, глупо было бы отвечать что-нибудь про спокойную жизнь и стабильную зарплату.

Герман хохотнул, пытаясь сгладить напряжение, но оно так никуда и не исчезло.

— Я просто подумал, что это хороший шанс, — продолжил боксер через миг, вновь став серьезным. — Когда мне еще могла выпасть возможность попросить что-то у главы такой крупной компании за спасение его жизни? Вот я и решил, что престижная работа на самой вершине небоскреба «Осе» — это не такое уж и плохое будущее…

— В принципе, так и есть, — не смог не согласиться Олег, наморщив лоб.

— Так что ты не держи на меня зла, что так вышло.

— Как?

— Что я случайно осуществил твою мечту.

Подхватив с лавки свою сумку с вещами, Герман кивнул бывшему напарнику и молча вышел из раздевалки. Больше у него просто не было сил смотреть, как терзал себя молодой парень, уверенный в том, что, будь у него чуть больше удачи прошлым днем, то он бы непременно заработал себе славу и повышение, о которых так давно мечтал. А в случае Германа называть удачей помощь десятка вампов и сотни активистов было бы крайне неуместным.

Портативный кошелек в кармане согревал Герману душу круглой денежной суммой. В первую очередь он заехал в банковское отделение, чтобы перевести часть долларов на счет сестры, а уже после позволил себе, как свободному человеку, сходить в парикмахерскую, где запрограммированная роботизированная машина подстригла его за пару минут. Прикупив новую пару ботинок и всякой мелочи, Герман впервые за несколько недель почувствовал себя чуть счастливее. Из-за вечной денежной зависимости от ассоциации над ним последнее

время довлела тоска, а теперь она будто отступила на пару шагов назад.

«Даже если Альберт в счет уплаты долга потребует у меня все оставшиеся средства, то я ни о чем не буду жалеть,» — размышлял Герман на обратном пути в штаб, когда уже подходил к зданию старого театра. — «Хотя бы Елена теперь сможет внести деньги за кредит. Это главное».

Нырнув в темноту холла, мужчина вдохнул полной грудью аромат пыли и безмолвия, царивший в штабе. Никого не было видно или слышно, будто здание полностью вымерло.

Шагнув на лестницу, Герман неторопливо побрел на второй этаж, но тут сверху послышались чьи-то быстрые шаги. Прямо перед ним из полумрака неосвещенного пролета возник Альберт, деловито разглядывавший какой-то мелкий текст на объемной проекции, воспроизводимой его голосмартфоном. Едва завидев боксера, главарь вампов остановился.

— А, Герман, это ты. Уже вернулся из Новой Москвы?

Альберт выключил проекцию, нажав на кнопку в основании горла. На лестнице стало еще темнее, чем было.

— Да. Хотел с тобой переговорить по поводу этого, кстати.

— Какие-то проблемы?

— От меня требуют документы, которые я не могу предоставить.

— Пойдем-ка наверх, где посветлее.

Махнув рукой, Альберт пригласил Германа последовать за ним на второй этаж. Сразу после лестницы они свернули в сторону, оказавшись в небольшом хорошо освещенном фойе, когда-то явно использовавшемся как выставочный зал, судя по старым оправленным в стекло фотоснимкам на стенах. Посередине помещения часть пола отсутствовала: за огороженным участком в воздухе была подвешена гипсовая скульптурная композиция в виде сферы, на которой сидели женщина и мужчина, покрытые толстым слоем пыли. При ближайшем рассмотрении шар оказался яблоком, и его было замечательно видно как с первого этажа, из холла театра, так и из выставочного зала. К тому же через круглое отверстие в полу можно было наблюдать за всем, что происходило возле входных дверей. Идеальное место для скрытной слежки.

Альберт присел на край невысоких перил, опасно нависнув над ограждением, и коснулся пальцами гипсового яблока, из-за чего оно заходило ходуном. Встав неподалеку от главаря В.А.М.П., Герман кратко пересказал весь разговор с помощницей Дамира.

— По поводу всех этих документов тебе переживать не

стоит. — Альберт достал из заднего кармана брюк сложенные в несколько раз листы пластиковой бумаги и передал их собеседнику в руки.

Это оказались сертификаты и освидетельствования на имя Германа. С подписями, печатями, защитными голографическими наклейками и даже индивидуальными штрих-кодами, по которым электронные варианты документов легко можно было загрузить в компьютер.

— Я хотел отдать их тебе утром. Знал же, что понадобятся сегодня. Но не застал тебя в штабе.

— Я сегодня рано проснулся и сразу уехал в Новую Москву, — сказал Герман, складывая бумаги и пряча их во внутренний карман пиджака. — Они все подлинные?

— Даже не сомневайся.

— Но ведь необходимых навыков у меня все равно нет…

— Это неважно. Тебе не так долго нужно будет прозябать на этой работе, чтобы от тебя действительно могли потребоваться какие-либо навыки сотрудника личной охраны.

Герман нервно почесал свой коротко стриженный затылок.

— Я лишь беспокоюсь из-за этой помощницы Христины. Характерами с ней мы не сошлись. Так что она явно постарается сделать все, чтобы вытурить меня из офиса как можно скорее. И, думаю, ей не составит труда досконально проверить все бумаги, чтобы у нее появилась официальная причина меня уволить.

— Я же сказал. Все документы подлинные. Их сделали члены ассоциации, работающие в данных структурах. А по поводу этой Христины… Я тебя услышал. Посмотрю, что можно сделать с ней, чтобы она нам не мешала.

От этих слов веяло неприкрытой угрозой, но Герман решил не лезть не в свое дело и не спрашивать о том, как же именно Альберт намеревался убрать с дороги стервозную женщину.

— Когда ты пояснишь мне точнее, в чем будет заключаться моя работа на должности телохранителя, а? Я ведь не дурак. Понимаю, что ты не просто так меня туда определил с таким трудом. Значит, ассоциации что-то нужно от этого Дамира, верно?

— Герман. — Тяжелый вздох. — Дамир — глава неимоверно жадной и влиятельной компании. Он один из тех марионеточников, которые дергают за ниточки весь город, оставаясь при этом в тени и придерживаясь своего облика респектабельного бизнесмена, который заботится лишь о деньгах. Но если капнуть хоть немного глубже, то сразу становятся видны связи с многими нечистыми на руку депутатами, поддержка антигуманных проектов, сторонние заработки в обход налоговой.

Я отправляю тебя в медвежью берлогу, в самое ее сердце. В надежде, что именно тебе удастся добраться до зверя и выяснить, где его слабые точки, пока он не проснулся.

— А что будет, если он проснется?

— Под угрозой окажется вся ассоциация, каждый вамп в этом городе и даже те, кто разбрелись по стране. Он уже и так держит на нас зуб, а теперь у меня есть сведения, что Дамир намерен еще больше усложнить нам жизнь, готовя какой-то крупный проект. Но мне нужны подтверждения, доказательства и куда больше информации, чем я имею сейчас.

Герман замялся, неуверенно переступил с ноги на ногу, осознавая, какую важную миссию возлагал на его широкие плечи главарь ассоциации.

— Послушай, Альберт. Я ведь не разведчик, и не умею добывать из людей информацию…

— Разве я сказал, что требую сейчас от тебя чего-то невозможного? Просто работай у него. Все. Следи и запоминай: подмечай странные звонки и разговоры, подозрительных знакомых, тайные адреса. И передавай эти сведения мне. Только мне. Ты понял, Герман? Никому другому в ассоциации ты не должен ничего говорить о своей работе с этого самого момента.

— Ты здесь кому-то не доверяешь?

— Я никогда и никому не доверяю. И тебе советую. Относись ко всему с изрядной долей подозрительности, и однажды это может тебя спасти.

Герман усомнился в этих словах.

— Завтра передай этой Христине все документы и требуй, чтобы тебя сразу брали на работу, без проволочек, — продолжил Альберт.

— А как же мой трехдневный отпуск?

— Герман, некогда отдыхать. Ты должен быть завтра возле Дамира и ловить каждое слово, вылетающее у него изо рта. Времени у нас нет.

Альберт быстро попрощался и отбыл на четвертый этаж штаба, а Герман остался в задумчивости стоять возле гипсовой скульптуры, подвешенной в воздухе. Он мягко тронул конструкцию, которая мгновенно зашаталась, угрожая обрушиться однажды вниз кому-нибудь на голову, а на его пальцах остался толстый слой пыли.

Растирая между подушечками серые катышки, Герман думал, стоило ли ему винить Альберта в осторожности. Вряд ли кому-нибудь в ассоциации было известно, почему главарь В.А.М.П. проявлял такую заинтересованность по отношению к Дамиру Игнатьевичу. Но Альберт явно был в курсе, что замышлял

владелец компании «Осе» и какое отношение его планы имели к отвергнутым обществом вампам, вынужденным вести жизнь из тени.

Вопрос заключался лишь в том, почему же такое тонкое и важное дело было поручено именно Герману. Резона доверять боксеру у Альберта явно не было никакого, ведь что можно было взять с новичка, чуть меньше месяца состоявшего в ассоциации. С другой стороны, и деваться Герману было некуда, из-за его долга за спасение перед главой вампов мужчине пришлось бы согласиться на любую работу, даже самую грязную. Хотя ведь в штабе было полно и преданных подчиненных, которые с радостью бы взялись за такую операцию, лишь бы угодить своему лидеру.

Не стоило отвергать и ту мысль, что от такого новичка, как он, после успешного выполнения задания или же сокрушительного провала можно было легко избавиться, списав все на опасность работы или же головорезов из прошлого, добравшихся-таки до должника. Еще Германа не давали покоя слова Тимура о том, что несколько вампов из ассоциации не смогли избежать утилизации. А кто сказал, что это не сам же Альберт таким способом устранил неугодных приспешников? Ведь сдать их полиции было бы проще простого и таким образом замести все следы.

«Может, я излишне к нему строг? Ищу следы какого-то злого умысла там, где их нет и в помине? Все же он взвалил себе на плечи ответственность за жизни и благополучие десятков инфицированных… Он пытается вернуть вампов в лоно общества, даровать им шанс на новую жизнь, где им не будет грозить утилизация или порицание. Пожалуй, нельзя быть таким категоричным».

Пока что Альберт не требовал от Германа ничего невыполнимого или криминального. Лишь следить за Дамиром, молчаливой тенью стоя у него за спиной. Но Герман был готов и к тому, что с самого Альберта тоже не стоило сводить глаз на всякий случай. И при любом намеке на опасность нужно было брать ноги в руки и спасаться. Ведь Альберт сам посоветовал ему относиться ко всему и всем с изрядной долей подозрительности.

Следующим утром Герман уже в половине девятого поднялся на восьмидесятый этаж, поприветствовав секретаршу за стойкой доброжелательной улыбкой и кивком. А вот Христина, выглянувшая из своего кабинета, вовсе не была так расположена к приятному общению и смерила охранника испытующим взглядом снизу-вверх.

— Разве мы вчера с вами не обсудили все детали? Я же

сказала не приходить, пока не оформите необходимые документы.

— Очевидно, вы говорили вот о них?

Герман развернул перед лицом женщины сложенные бумаги. Та с нескрываемым удивлением на них посмотрела, после взяла в руки, тщательно изучила и лишь потом скупым жестом пригласила мужчину пройти в свой кабинет.

— Как вам удалось получить их за один день?

В голосе подозрение и даже легкое опасение.

— Я не говорил, что у меня вообще нет данных документов. — Герман занял стул посреди комнаты, но теперь он чувствовал себя в нем гораздо увереннее. — Мне лишь требовалось немного времени, чтобы их восстановить.

— Это подделка! — попыталась уличить мужчину в блефе Христина.

— Мне очень жаль слышать, что вы так считаете. Но это мои настоящие документы, что бы вы ни говорили. И я надеюсь получить обещанное мне место работы, поскольку выполнил ваше требование — принес все бумаги.

— Сейчас я быстро выведу вас на чистую воду!

Женщина с азартом села за свой стол. Первые несколько минут она сканировала все штрих-коды, проверяя наличие документов в базах тех организаций, что их выдали. Судя по тому, как менялось выражение ее лица от злого к неверящему, никаких подтверждений своим подозрениям она не отыскала. Не собираясь так просто сдаваться, Христина включила голосмартфон и начала звонить по всем этим же конторам, желая уличить Германа в подлоге.

Герман, сложив руки на животе в замок с любопытством следил за дергаными движениями женщины, за тем, как постепенно из ее глаз исчезала уверенность в собственных обвинениях. Раз за разом все организации повторяли одни и те же слова, твердя Христине, что Герман действительно вчера был у них в офисе и ему восстановили или же заново оформили просимые документы. Мужчина же мог лишь внутренне ухмыляться такой предусмотрительности Альберта.

— Ладно.

Помощница Дамира наконец хлопнула раскрытой ладонью по поверхности своего стола, из-за чего подскочили все мелкие предметы, ручки и скрепки, беспорядочно разбросанные всюду.

— Похоже, ваши документы действительно в порядке. — Христина поджала губы, раздула ноздри, будто ей было крайне тяжело говорить эти слова. — Служба безопасности вчера провела проверку и тоже не выявила в вашей персоне ничего

сомнительного.

— Я рад, — сухо ответил Герман, не желая еще больше задевать проигравшую женщину.

Смирившись со своим поражением, Христина все же потратила около получаса, рассказывая обо всех обязанностях, которые теперь ложились на плечи нового телохранителя Дамира Игнатьевича. Она, не скрывая раздражения, дала Герману и адрес апартаментов своего босса, откуда надо было забирать его каждое утро, и его расписание со всеми встречами на ближайшую неделю.

— Надеюсь, вы успели починить свой голосмартфон?

Герман был готов к этому вопросу.

— Вчера я проконсультировался у медицинских специалистов компании «Аргус», и, к сожалению, мне противопоказана установка нового устройства.

— Что? — Женщина бестолково заморгала. — Почему это еще?

— Предыдущий голосмартфон был разбит, осколки травмировали зону основания горла, а титановая оправа искривилась.

Причина, конечно же, была совершенно в другом. Последнее время Герман все чаще замечал, как легко ему дышалось без голосмартфона. Никто не знал, куда он направился, никто не мог ему позвонить и заставить что-то выполнить, побеспокоить своим вторжение в его жизнь. В то время как все люди вокруг только и стремились скорее вставить в свое тело как можно больше технических устройств, которые, по их мнению, лишь улучшали жизнь, Герман, напротив, осознал ценность существования наедине со своими мыслями, со своим телом, без благоговейного преклонения перед новинками электроники. Наверное, это именно слова Олега в день их знакомства открыли для него такую простую истину: зависимость от мобильных девайсов сделала людей рабами компьютерных систем, с которыми те оказались накрепко связаны.

И Герман теперь не желал вновь помещать в свое тело осточертевшую стеклянную кнопку голосмартфона, следившую за его существованием, фиксировавшую любые статистические данные и превратившую всю его жизнь в нули и единицы. А без нее он еще тешил себя надеждой раствориться в толпе однажды, исчезнув с радаров В.А.М.П., госсистемы, цепных псов Султана и других организаций. Он все еще надеялся стереть себя и свое прошлое с лица земли.

— И что получается? Вы хотите мне сказать, что будете без связи? — возмутилась Христина.

— Почему же? Павел Алексеевич, когда я еще состоял в должности простого охранника, снабдил меня рацией старого формата и наушником. Не думаю, что ваша система связи будет разительно отличаться и потребуется какое-то иное приспособление.

— Но правила!..

— Разве я не должен буду весь день напролет находиться вместе со своим напарником около Дамира Игнатьевича? К чему вообще эти проблемы, если мой начальник все время будет в зоне досягаемости.

Христина насупилась.

— Мне кажется, вы считаете, что раз спасли Дамиру Игнатьевичу жизнь, то теперь можете диктовать тут везде свои условия!

— Не то чтобы…

— Стоит вам только зарваться, как вы вылетите из нашей компании, не успеете глазом моргнуть!

— Боюсь, тогда мне придется обратиться ко всем представителям СМИ, которые присутствовали позавчера на митинге возле небоскреба, — растягивая слова, произнес Герман, а в его голосе зазвучала сталь. — И рассказать, как обошелся со мной Дамир Игнатьевич и его помощница, которые обещали исполнение моей мечты за совершенный подвиг, а в итоге выгнали за порог, стоило только журналистам забыть про эту историю.

В тот момент обтянутое желтоватой кожей лицо Христины вытянулось, отчего стало напоминать лошадиную морду, а глаза ее забегали по сторонам.

Она прекрасно осознавала, чем все это могло обернуться для репутации компании «Осе» и лично ее владельца. Осознавал это и Герман.

— Вы грязный манипулятор…

— Я лишь желаю получить то, что мне обещали. И тогда, конечно же, никаких проблем уважаемому Дамиру Игнатьевичу и вам не доставлю. Можете мне верить.

Разве мог Герман подумать хотя бы месяц назад, что будет сидеть на восьмидесятом этаже гигантского небоскреба в бизнес-центре Новой Москвы и диктовать свои условия помощнице одного из самых богатых магнатов страны? Нет, естественно. А теперь ему это даже чем-то нравилось. Видеть потерянный взгляд стервозной женщины в бежевом деловом костюме и не чувствовать никаких сомнений, загоняя ее в рамки.

Она сдалась. А что еще она могла сделать? Только смиренно кивнуть и пообещать, что Герман без каких-либо проблем может

работать со следующего дня. Боксер еще пытался какое-то время убедить Христину в том, что он готов уже сейчас идти к Дамиру Игнатьевичу и выполнять свою работу, но женщина упрямо твердила, что это нарушит распорядок смен. И Герман пошел на компромисс, согласившись присоединиться к штату личных телохранителей Дамира с завтрашнего дня. Его заставили подписать еще десяток бумаг и обязательство о соблюдении коммерческой тайны, дали ключи от служебного электромобиля, правила пользования им и только после отпустили.

Офис Герман покидал с высоко поднятой головой и кривоватой ухмылкой, замершей на губах.

Глава десятая
Человек с медвежьими когтями

— Короче, он не любит, когда ему смотрят прямо в глаза. От всяких важных шишек он еще такое терпит, а вот когда наш брат или там проситель какой-нибудь сделает подобное, то он сразу злиться начинает. Головы, конечно, не летят, но сгоряча наорать может от души. Хорошо хоть, он тут никого из собственной охраны по именам не помнит, а то еще бы и штрафовал, как пить дать…

Герман сидел за рулем электромобиля, стараясь не отводить взгляд от полупустой дороги, но при этом еще и поглядывать в сторону своего нового напарника, который делился с ним привычками Дамира Игнатьевича и кратко вводил в особенности их профессии.

— Ну прям замашки настоящего короля, — усмехнулся Герман. — Глаз от пола не поднимать, первым не заговаривать, по пустякам не беспокоить.

— А ты думал, легко будет? Не, брат. Я тут уже три с половиной года, и единственное, из-за чего я еще не ушел — это деньги. Геморроя много, но деньги тут очень уж хорошие крутятся.

Эдик был человеком прямолинейным, но не слишком болтливым, как сложил о нем первое впечатление Герман. Едва они встретились утром возле апартаментов Дамира Игнатьевича, то лишь обменялись скупым рукопожатием и поинтересовались именами друг друга. Все остальное время, пока они возили своего начальника по разным уголкам Новой Москвы на всякие встречи, согласно расписанию на день, Герман все пытался хоть как-нибудь разговорить напарника. Иногда у него это получалось, а на некоторые вопросы Эдик лишь отмалчивался.

— Слушай, а часто вообще какая-то реальная угроза бывает? — спросил Герман, когда машина встала на светофоре. — Всякие нападения там, драки?

— Да не особенно. На моей памяти всего несколько случаев было. Но все равно надо держать ухо востро постоянно.

Эдик нравоучительно поднял палец вверх. Вообще, у этого человека были удивительно длинные пальцы на руках. Герман никогда раньше таких не видел: в них, как будто, было на одну фалангу больше, чем изначально предполагалось. И тем страннее эти вытянутые паучьи пальцы смотрелись на фоне всей остальной фигуры, которая худощавостью не отличалась: могучая спина,

широкий разворот плеч и мускулистые руки, которые, казалось, вот-вот должны были порвать рукава костюма из-за своего объема. Как успел отметить про себя Герман, ходил Эдик медленно и плавно, не семеня и не растрачивая попусту энергию на ненужные движения. И потому в целом он напоминал неторопливого кита, скользившего под гладью темных вод бескрайнего океана.

— Выходит, мы будем больше торчать с начальником в офисе да на всяких деловых перекусах с его партнерами?

— Не всегда, но часто.

Герман посмотрел в зеркало заднего вида больше по привычке, чем из необходимости, поскольку между водительским креслом и салоном электромобиля стояла глухая непрозрачная перегородка. Что-нибудь разглядеть за ней не представлялось возможным, как и услышать, о чем могли переговариваться Дамир Игнатьевич и его помощница Христина, которые и располагались в роскошном и просторном салоне. Краем глаза Герман успел туда заглянуть, когда еще в начале дня открыл дверь для своего начальника, и помимо обитых кожей диванчиков, расположенных напротив друг друга, его внимание привлекла лишь стойка для напитков и бокалов, закрепленная слева от дверей. Видимо, Дамир Игнатьевич не привык даже в дороге отказывать себе в алкогольных напитках и комфорте.

Весь первый день на новой работе прошел как-то сумбурно и скомканно. Эдик говорил мало, Дамир вообще не обращал внимания на новое лицо в своей охране, а Христина хищным взглядом провожала каждое движение Германа, явно, только и ища, к чему бы придраться. В целом, расписание магната оказалось донельзя скучным: встречи, встречи и еще раз встречи, короткие интервью для каких-то интернет-изданий, заседание внутреннего совета руководителей «Осе» и перекусы в дорогих ресторанах с предварительной записью.

Как и приказал Альберт, Герман старался запоминать все, что он видел. Он вглядывался в лица партнеров и знакомых Дамира, прислушивался к разговорам, краем глаза вчитывался во все бумаги через плечо своего работодателя, косился на экран монитора и проекции голосмартфона. Но кроме пестревших цифрами таблиц, графиков акций и безмерно тоскливых бесед об улучшении производительности, темпах рекламы и увеличении прибыли ничего особенного в жизни Дамира Игнатьевича, казалось, просто не было.

«Должно быть что-то, что выбивалось бы из общего полотна! Не зря ведь Альберт начал подозревать этого магната и организовал такую масштабную операцию лишь для того, чтобы

устроить за ним слежку. Значит, Дамир просто не может быть так чист, как кажется…»

Следующий день, к счастью, оказался совершенно не похож на предыдущий.

Утро началось с того, что Христина грубо впихнула в руки Герману бигля со словами:

— У мистера Ричардса аллергия на собачью шерсть. Пес будет с вами весь день. А сейчас едем в аэропорт. И поскорее.

За руль в этот раз сел Эдик, поскольку он уже знал дорогу к частному аэропорту, а Герману досталась честь держать на коленях спокойного и немного заторможенного бигля с болтавшимся на горле ошейником красного-белого цвета.

— Это Цезарь. — Эдик кивнул головой в сторону пса, не отвлекаясь от дороги. — Ты же собак не боишься, я надеюсь?

— Да нет. Нормально к ним отношусь. Только этот какой-то странный. Медлительный и почти ни на что не реагирует. Он уже старый что ли?

Герман осторожно погладил пса по голове и ушам. Тот даже не моргнул, а так и продолжил лежать, и лишь изредка вздымавшиеся бока говорили о том, что Цезарь был живым.

— Это клон. Уже, вроде, третий по счету. Только этот, в отличие от прошлых, вышел неудачным. Совсем пустоголовый, как игрушка.

— В смысле клон? — не сразу понял Герман.

— Ну, брат, там такая история была! А ты, похоже, ничего и не слышал, — усмехнулся Эдик. — У Дамира Игнатьевича когда-то был пес любимый. Сильно он привязался к этому биглю, даже после смерти не смог отправить на кремацию — заморозил и сохранил его тело. И как только выбился в люди, то сразу же клонировал его. Около семи лет прожил первый клон. Во всем, говорят, был похож на старого пса, даже команды те же помнил чуть ли не с самого появления. Вообще, слухи ходили когда-то, что даже весь этот бизнес «Осе» Дамир создавал исключительно на желании воскресить своего любимого питомца и продлить его годы жизни, а там дальше все само уже закрутилось как-то в другую сторону, перешло в косметические модификации…

Герман внимательно слушал, пальцами перебирая короткую шерсть Цезаря.

— Умер клон тот неясно от чего. Это не оглашалось. Но Дамир Игнатьевич практически сразу же заказал нового клона. Второй до десяти лет, если мне память не изменяет, протянул. И его машина сбила. Дамир уже через два месяца был с новым щенком. Вот только с третьим клоном что-то не так вышло. С самого рождения замедленная реакция, почти полное отсутствие

мышления, прямо как у животных категории Б. Самостоятельно только ест, пьет и нужду справляет. Беспомощный совсем. Уже четыре года такой.

На секунду отвлекшись от дороги, Эдик протянул руку и потрепал Цезаря по холке.

— Дамир первое время его только на руках и держал всюду. Сотрудников заставлял тоже только так его и носить. Видимо, смерть второго клона на него очень повлияла. А сейчас, знаешь, с годами стал он как-то отдаляться от пса.

— Если ты говоришь, что этот клон вышел бракованным, то, видимо, Дамир Игнатьевич просто не видит в нем больше родных черт, — предположил Герман.

— Думаю, он пресытился им. Почти полжизни держит возле себя пса, и воспринимает его уже как какой-то аксессуар…

Тяжело вздохнув, Эдик крепко сжал руль и, понизив голос, признался:

— Будь моя воля, я бы себе забрал этого клона, чтобы он спокойно дожил отмеренные ему годы. Все тут с ним обращаются, как с обузой — только друг другу на руки перекладывают. Дамир ему почти не уделяет времени… Как только он в сторону пса глянет, то у него сразу взгляд темнеет, лицо как-то мрачнеет все. Я сам пару раз видел. Он будто ненавидит себя или Цезаря за то, что происходит, за то, в кого они оба превратились. Хозяин стал безумцем, неспособным совладать с привязанностью, а пес — пустой оболочкой.

— Это порочный круг. И вряд ли Дамир его разорвет. Умрет этот клон — он сделает еще одного. В надежде, что следующий выйдет лучше, чтобы опять на пару лет заглушить тоску в сердце по ушедшему другу. Вот и все.

— Так и будет… — протянул Эдик. — А, смотри-ка, вон уже и аэропорт.

Он указал своим длинным пальцем куда-то влево, где вдалеке можно было разглядеть взлетно-посадочную полосу, поблескивавшую на солнце кавалькаду ангаров и несколько вышек с ярко-красными сигнальными огнями. В потоках воздуха развевались полосатые ветроуказатели.

Заехав на территорию частого аэропорта Дамира Игнатьевича, Эдик уверенно направил электромобиль куда-то в сторону перрона, где на местах стоянки располагались небольшие самолеты. Машина ехала по специальной разметке, хотя вокруг не было ни погрузчиков, ни служебного транспорта или трапов.

Остановившись возле одного из ангаров, Эдик посоветовал Герману оставить пса в салоне.

— Все равно скоро вернемся, — сказал он.

Открыв двери для Дамира Игнатьевича и Христины, телохранители заняли свои привычные места позади начальника, который нетерпеливо поглядывал на голограмму часов, проекция которых светилась возле его груди.

— Во сколько он должен прилететь? — обратился к помощнице Дамир.

— Еще десять минут, — сверившись со своими бумагами, сообщила Христина.

— Ты нашла портативный голосовой переводчик, как я просил?

— Да-да! Сейчас!

Женщина засуетилась, выискивая что-то на дне своего клатча. Наконец в ее руках оказался небольшой наушник, крепившийся вокруг ушной раковины. Дамир нетерпеливо надел устройство, синхронизировал его со своим голосмартфоном и чуть успокоился.

Вскоре в воздухе над аэропортом показался небольшой пассажирский самолет с флагом Великобритании на хвосте. Металлическая птица легла на крыло, разворачиваясь, и вскоре зашла на посадку. Когда ее шасси коснулись бетона на взлетно-посадочной полосе, Дамир встрепенулся и по привычке засунул одну руку в карман брюк, придавая себе невозмутимый вид.

Сбросив скорость, самолет еще некоторое время выруливал на перрон. Откуда-то сразу же появились регулировщики с сигнальными палочками, которые указали свободное место для стоянки и пригнали передвижной трап.

Стоило подтянутым стюардессам с кукольными лицами открыть дверь, как из-за нее показался немолодой иностранец, тяжело опиравшийся на трость. Он был в светлом льняном костюме, в котором уместнее было бы сидеть на берегу неаполитанского залива и потягивать лимончелло знойным летним днем, а вовсе не стоять под порывистым ветром в разгар русской осени, промозглой и хмурой. Но иностранец улыбался, и на его покрытом глубокими морщинами лице не было ни следов разочарования, ни недовольства дурной погодой.

Хромая, он неторопливо спустился по трапу, у подножия которого уже стоял Дамир.

— Мистер Ричардс, добро пожаловать в Россию.

Иностранец дождался, пока его портативный переводчик, точная копия того же устройства, что и у Дамира, обработает информацию и после, растянув широкий рот в радушной улыбке, что-то ответил на своем языке.

— Надеюсь, ваш полет прошел гладко. Вы хотите перекусить?

Мистер Ричардс мотнул головой.

— Тогда мы поедем сразу в мой офис и лаборатории.

Одобрительно кивнув, иностранец что-то еще сказал, а после протянул Дамиру объемную деревянную шкатулку, которую он все это время держал под мышкой. Владелец «Осе» довольно рассеянно поблагодарил своего гостя за подарок и открыл ларец. На красном шелке лежала толстая сигара и рядом поблескивал позолотой корпус дорогой зажигалки. Давно запрещенный в стране табак был действительно роскошным гостинцем, и Дамир вскинул брови, удовлетворенно хмыкнув.

— Благодарю вас, Чарльз.

Пригладив свои седые волосы, топорщившиеся от порывов ветра, бушевавшего на перроне, иностранец первым направился к припаркованному электромобилю, будто тот был его собственностью.

До небоскреба в бизнес-центре Новой Москвы машина доехала рекордно быстро. Дороги были непривычно пусты, и Эдик уверенно гнал вперед, прекрасно зная, что штрафы за превышение скорости в офисе компании «Осе» оплачивали не глядя.

Дамир Игнатьевич и Чарльз Ричардс сразу же по прибытии поднялись на этажи, где располагались выставочные галереи и операционные. Судя по обрывочным фразам, владелец «Осе» намеревался устроить краткую экскурсию для своего иностранного гостя по всему зданию.

— Отнеси Цезаря в офис, — шепотом попросил Эдик, указав пальцем на пса, мирно лежавшего на руках у Германа. — У мистера Ричардса аллергия на шерсть, к тому же собака уже хочет спать.

Герман даже не стал спрашивать, как его новый напарник определил это желание животного, внешне выглядевшего так же, как и всегда — заторможенным и вялым. Может, сказывался опыт общения с биглем, а, может, Эдик просто не хотел, чтобы пса таскали на руках, как игрушку, еще энное количество часов.

Поудобнее перехватив собаку, Герман нырнул в один из свободных лифтов и за полминуты взлетел на восьмидесятый этаж, приложил свою идентификационную карточку. За стойкой его, как и всегда, встретила улыбчивая секретарша. Молодая девушка по имени Яна была одной из тех немногих обитателей офиса Дамира Игнатьевича, которая относилась к Герману дружелюбно.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Герман.

— Доброе! — Яна крутанулась на своем стуле. — Смотрю, тебе доверили Цезаря.

— Сказали отнести его в офис, мол, ему спать пора.

— А! Там в кабинете Дамира Игнатьевича в левом углу его лежанка. Он там всегда спит.

— Спасибо.

Герман пересек коридор и, приложив свою карту, отворил тяжелые створки дверей, украшенные коваными изображениями медведей. Кабинет пустовал. Еще прошлым днем, когда Герман впервые оказался в этом помещении, его поразил простор. Дамир Игнатьевич не терпел тесных заставленных пространств, и потому в комнате предметов мебели было совсем немного: массивный стол из темного дерева с современными ультратонкими мониторами, зона отдыха с барной стойкой и диванами, обтянутыми черной искусственной кожей, и чуть в стороне мраморная стойка с вытянутым кашпо, в котором рос миниатюрный можжевельник — настоящий венец тонкого искусства бонсай. Сразу за панорамными окнами, занимавшими полностью одну из стен, располагался длинный открытый балкон, с которого открывался незабываемый вид на весь бизнес-центр Новой Москвы.

Медленно закрыв за собой дверь, Герман опустил Цезаря на пол и подошел к столу Дамира Игнатьевича. Камер в кабинете не было — только датчики пожарной сигнализации, так что можно было минуту и осмотреться. Стол блистал чистотой и порядком: все документы убраны, ящики закрыты на замок, а компьютер выключен и запаролен. С досадой цокнув языком, Герман побарабанил пальцами по деревянной поверхности.

В скором времени Альберт непременно потребовал бы отчет у боксера обо всем, что ему удалось узнать. А Герману особо даже нечего было рассказать. Дамир Реутов был обыкновенным высокомерным бизнесменом, единственной слабостью которого оставался лишь клонированный пес, беспомощный, как щенок.

На глазах у Германа Цезарь справил под себя нужду, испачкав лапы в моче, и медленно побрел в сторону своей лежанки в углу кабинета, оставляя мокрые следы. Практически сразу же со стороны двери раздалось едва слышное попискивание. Со своей станции выехал плоский робот-уборщик, который деловито подъехал к луже, вытер ее и после убрал все остальные пятна.

— Герман! Ты отнес Цезаря? Прием, — раздался голос Эдика в наушнике.

От неожиданности боксер даже встрепенулся, взял свою рацию в руки и зажал тугую кнопку.

— Пес на месте. Где вы сейчас? Прием.

— Семьдесят второй этаж. После лифта налево. Прием.

— Сейчас буду, — бросил Герман, спешно покидая кабинет,

где совершенно нечего было искать.

Он спустился на лифте в сектор лабораторий, впервые оказавшись на этих уровнях небоскреба. Дамир Игнатьевич со всей своей свитой отыскался в узком ярко освещенном коридоре, где они сквозь одностороннее зеркальное стекло наблюдали за тем, как несколько лаборантов с помощью медицинского пистолета обследовали запертую в клетке макаку.

— …Помимо основной деятельности компании по косметическим модификациям, мы также участвуем в разработках генной инженерии, направленных на получение новых наследственных свойств организмов между видами, ранее казавшимися несовместимыми, — вещал Дамир.

Лениво опираясь на трость, Чарльз о чем-то спросил.

— Это достигается путем внесения изменений в ДНК и РНК.

Махнув увенчанной когтями рукой в сторону лаборатории, Дамир продолжил:

— Мы ведем достаточно много проектов одновременно, но ценность каждого из них для науки и общества неоспорима. Позвольте показать вам на примере, мистер Ричардс. В этом отделе ведутся исследования по внедрению более сильного гена регенерации подопытным, искусственно воссозданным макакам категории Б. Ген, позаимствованный у аксолотля мексиканской амбистомы, отвечает за рекордно быстрый уровень восстановления тканей. Благодаря ему становится возможно исцеление поврежденного спинного мозга, регенерация внутренних органов и даже целых конечностей…

Только после этих слов своего начальника Герман обратил внимание на то, что все макаки, сидевшие в клетках белой стерильной комнаты лаборатории, не имели пальцев, а кто-то и целых лап. Перемотанные бинтами, обклеенные силиконовыми пластырями, безэмоциональные звери категории Б молча сносили все опыты, позволяя себя резать раз за разом.

— …Просто представьте себе потенциал данных испытаний? Ведь, если наши опыты окажутся успешными, то впоследствии подобные технологии уже можно будет применить и к человеку, не только в качестве медицинских экспериментальных методик, но и для тех же усовершенствований внешности, на которых специализируется «Осе». Восстановление после тяжелейших ран и операций благодаря встраиваемым чипам, отращивание утерянных конечностей поверх каркаса бионических протезов — все это станет возможным со временем. Изучая геном животных, мы не только заглядываем далеко в будущее, но и уже сейчас можем повлиять на процесс приживления пересаживаемой ткани. Благодаря нашим исследованиям, отторжение животного кожного

покрова, например, свелось практически к минимуму за последние годы.

В этот момент за стеклом произошло что-то странное. Одна из подопытных макак, сидевшая в самом углу лаборатории, неожиданно завизжала, да так, что это было слышно даже в коридоре. Она пыталась сорвать с себя повязки и пластыри, клыками кусая свои запястья и в бешенном ритме мечась по клетке. Лаборанты бросились ее успокаивать, держа наготове медицинские пистолеты с ампулами, лекарство в которых почти мгновенно подавило всплеск активности у макаки, погрузив ее в какое-то наркотическое забытье.

Это не укрылось от взгляда Чарльза. Тот сразу же о чем-то спросил Дамира.

— Да, не буду отрицать, у нас в лабораториях действительно присутствуют, помимо прочего, животные категории А.

Иностранец вздернул брови и указал пальцем на макаку за стеклом, произнеся несколько слов.

— Международная конвенция, конечно, должна соблюдаться, но позвольте, Чарльз, если мы не будем проводить опыты на мыслящих животных, то никогда не сумеем достигнуть настоящих результатов. Я надеялся, что именно вам эта истина будет ясна, как никому другому… Удаленные лобные доли у экземпляров категории Б категорически мешают определять, насколько внедрение новых генов сказывается на эмоциональном состоянии животных, на их восприятии своего тела и в целом на всей структуре мозга.

Пару минут Дамир и Чарльз еще спорили по этому вопросу, не повышая, впрочем, голос. Пока в конце концов владелец «Осе» не привел свой самый убедительный аргумент:

— Так уж вышло, что люди тоже являются существами мыслящими. И, если мы не будем знать, как повлияют испытания на мозг и его основные функции хотя бы у животных для начала, то имеет ли смысл говорить о переходе к последующим этапам тестов?

Это заставило иностранца крепко задуматься, и всю дальнейшую часть экскурсии по лабораториям Чарльз лишь глубокомысленно молчал и кивал, видимо, всерьез переваривая заявление Дамира.

— …Конечно же, этим поле нашей деятельности не ограничивается. В мире тысячи видов воссозданных животных, птиц, рыб, насекомых и паразитов. У каждых свой генетический аппарат, на познание которого могут уйти десятилетия и века. Мы пока сконцентрированы лишь на самых ярких и редких способностях, недоступных человеку или же доступных в весьма

ограниченной степени. В наших руках изменить это.

Мимо проплывали односторонние зеркальные стекла, где люди в белых халатах сновали между лабораторными столами, клетками, компьютерами и различной аппаратурой. Таких идентичных друг другу ячеек было множество на всех этажах, которые занимал исследовательский сектор. Где-то работу выполняли автоматизированные манипуляторы, где-то ученые, а в отдельных комнатах не было никого, кроме зверей всех видов и степеней сохранности.

Когда Дамир и его свита перешли в зону, где располагались отделения, ответственные за извлечение у животных образцов для последующей пересадки клиентам компании, то Герман уже с трудом мог смотреть через стекла. Но он заставлял себя. Заставлял держать глаза широко открытыми и все запоминать.

И он смотрел на лишенных кожи змей и лис, на облысевших птиц, бестолково сидевших на жердочках. Вырезанные из черепа рога, выдранные когти — все это было чистой воды живодерством, документально разрешенным, превращенным в бизнес и глубоко проросшим своими корнями внутрь общества. Пока у людей был спрос на части тел животных, компания «Осе» всегда была готова предоставить сотни образцов, уничтожить тысячи искусственно воссозданных зверей категории Б, рожденных без права на жизнь, созданных лишь для того, чтобы послужить кому-то аксессуаром, либо же стать жертвой экспериментов.

Глава одиннадцатая
Жестяная шкатулка с подарком

Удар. Еще один удар. Быстрая комбинация — мелькавшие кулаки в перчатках оставляли на груше одну вмятину за другой, раскачивая снаряд и оглашая пустой тренажерный зал хлесткими звуками. Герман сосредоточенно и упорно отрабатывал удары, не отвлекаясь, не отводя взгляд и лишь слушая собственное дыхание.

Тренировки всегда помогали ему привести разум в порядок, успокоить нервы и настроиться на нужный лад. Казалось, в такие моменты не существовало ничего вокруг, кроме гладкой поверхности груши и сталкивавшихся с ней кулаков, облаченных в броню перчатки, наполненных жгучей энергией. И Герман чувствовал, как высвобождает эту энергию через удары, как ему становится легче дышать, а в голове светлеет.

Тренажерный зал оказался в полном распоряжении Германа на пару выходных дней. Это место и так не пользовалось особенной популярностью у вампов, а последнее время там и вовсе никогда никого не было. Один только Герман частенько делал зарядку в полупустом помещении с несколькими снарядами. Из-за свалившейся на голову работы он забросил свои обыкновенные тренировки, но теперь, будто устыдившись собственного слабоволия, мужчина взял себя в руки. И это было верным решением, ведь первый же удар доставил ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Все тело будто ожило, охотно откликаясь на сигналы, повторяя привычные, уже вросшие в подкорку, действия.

А еще Герман надеялся именно за хорошей изматывающей тренировкой обдумать все то, что увидел в лабораториях и подслушал в беседах между Дамиром и мистером Ричардсом. Краткая экскурсия по исследовательскому сектору небоскреба «Осе» произвела на него неизгладимое впечатление: не столько количеством мучимых животных как категории Б, так и категории А, сколько неисчислимым количеством экспериментов, которые там ставили. В этих белых коридорах никто не думал о конвенции по защите прав животных, об этической стороне вопроса и о том, что скрещивание генов велось с одной-единственной целью — в скорейшем времени перенести все это на человека, создать мутанта с ранее недоступными Homo sapiens способностями, который вытеснил бы с мировой арены простых людей, как вид.

Этот бизнес косметических модификаций на самом деле был

лишь выгодной инвестицией и прикрытием для того, чтобы проводить полузаконные генные исследования. В принципе, догадаться, чего добивался сам Дамир Игнатьевич, было нетрудно.

Вчера сразу после непродолжительной экскурсии Чарльз и Дамир еще несколько часов беседовали в офисе на восьмидесятом этаже. Как понял из обрывков разговора Герман, мистер Ричардс имел какое-то отношение не только к ООН и Реконструированному Совету Европы, но и сам владел компанией, занимавшейся исследованиями в области вирусологии. Он обладал огромным влиянием на видных иностранных министров и бизнесменов со всех концов света.

Дамир Игнатьевич настаивал на том, что устаревшие конвенции, как о правах животных, так и о правах человека, давно уже требовали пересмотра. Как показывал его опыт, искусственных зверей категории Б было недостаточно для проведения революционных исследований в области генной инженерии. И нужно было надавить на членов международных организаций, чтобы добиться единого решения о заключении нового соглашения.

И хоть Чарльз так и не дал конкретного ответа, но Герман подозревал, что иностранец в душе поддерживал это предложение, хоть и понимал, как трудно будет провернуть подобное на мировой арене. При расставании мистер Ричардс заверил Дамира, что непременно обдумает все увиденное и услышанное и прилетит еще как минимум раз, чтобы обсудить решение, которое он вынесет. И судя по ухмылке Дамира Игнатьевича, которая не покидала его весь вечер, стоило самолету иностранца улететь, владелец «Осе» откровенно рассчитывал на поддержку и не сомневался в том, каким будет выбор Чарльза.

А вот Герман даже не мог себе представить, насколько глубоко было болото, в котором он внезапно оказался, начав вникать в темные дела своего начальника. Компания, согласно слухам, выросшая из желания Дамира воскресить своего пса, на деле оказалась лабораторией по скрещиванию генов, обернутой в симпатичную обертку из модных имплантов и модификаций. О таком боксер даже не мог подумать, когда Альберт вводил его в эту структуру. Вот только одного Герман понять не мог никак: главарь вампов предупреждал его, что Дамир намерен провернуть что-то, что могло угрожать существованию В.А.М.П. и всех зараженных, скрывавшихся от закона.

Однако ничего подобного боксер не обнаружил. Вряд ли опыты на макаках можно было считать опасными для ассоциации.

А время неумолимо шло вперед, подгоняя Германа и заставляя его в сотый раз прокручивать в голове всю имевшуюся информацию, чтобы понять, что же стоило предоставить в отчете Альберту.

Герман нанес еще пару ударов и тяжело повалился на грушу, повиснув на снаряде, цепко стиснув его предплечьями и пытаясь отдышаться. Пот катился градом, заливая глаза, и боксер, закрыв веки, устало привалился лбом к прохладному кожаному боку.

Помимо дел ассоциации он не позволял себе забывать и о Султане, который перманентно маячил на границе его памяти, заставляя почаще оглядываться по сторонам вечерами по дороге в штаб. Хотя с того случая на парковке прошло уже достаточно времени, а никаких сообщений от Золтана не поступало, и в глубине души Герман надеялся, что организатор подпольных боев все же отстал от него окончательно после показательного избиения его головорезов. Видимо, сила кулаков ему что-то да объяснила. А, может, тот понял, что Герман теперь связался с серьезными людьми, которые не против замарать руки, защищая его.

Еще и с сестрой последнее время боксер стал общаться куда меньше, хоть и беспокоился, не выслеживали ли ее люди Султана. Но Герман очень не хотел беспокоить Вики, обременяя ее своими постоянными просьба созвониться с Еленой. Владычица компьютерного логова и так все еще сторонилась мужчины, не поднимая тему вторжения в ее личное пространство, но и не давая Герману никакой надежды на дальнейшие хорошие отношения. Они вели короткие светские беседы, от которых за версту несло скукой, старались не заглядывать друг другу в глаза, и в итоге все свелось к тому, что боксер лишь периодически просил Вики написать Елене пару слов. Ему уже достаточно было просто знать, что с сестрой все было в порядке и до нее доходили деньги.

Герман раздраженно ударил ребром ладони по снаряду.

У него не было никакой уверенности в завтрашнем дне. Работа превратилась в хождение по натянутой леске, где Герман только и ждал, поймают ли его на шпионаже за Дамиром, либо же Альберт успеет его отозвать. Казалось, он всего несколько дней провел на должности телохранителя, но уже мечтал лишь о том, как бы все это скорее закончилось.

«К черту! Едва Альберт скажет, что получил все нужные сведения, то я разворачиваюсь и уезжаю отсюда. Прочь! Уж лучше обратно в Сибирь, чем взваливать на себя и дальше дела ассоциации, крутиться возле верхушки прогнившего общества и только и ждать новых проблем каждый день! Надоело! Моя

работа окончится на Дамире, и я уйду».

Убеждать себя можно было бесконечно, но разумом Герман понимал, что никуда он не уйдет и не исчезнет, пока Альберт не даст на то свое высочайшее позволение. И как бы боксер ни злился, как бы ни сбивал кулаки о неподатливую грушу, эту действительность он изменить не мог.

* * *

После выходных Герман приехал на работу в довольно мрачном расположении духа. Как оказалось, ни у одного него было дурное настроение. Стервозная помощница Дамира Игнатьевича, Христина, тоже выглядела так, будто все в ее жизни шло наперекосяк. Она имела достаточно болезненный вид, под глазами залегли тени, движения стали нервными и резкими, и, не в силах заглушить какие-то свои внутренние противоречия, она срывалась на подчиненных.

Сперва Герман стал невольным свидетелем того, как Христина накричала на миловидную секретаршу Яну, которая не подготовила какие-то важные списки. А после женщина даже огрызнулась в ответ Дамиру Игнатьевичу, когда он сделал ей несерьезное замечание. Это удивило всех: Эдик и Герман со священным ужасом смотрели на Христину, впервые позволившую себе такое непрофессиональное отношение к начальнику, а сам Дамир лишь удивленно постучал когтями по столу и спровадил дерганую женщину в ее кабинет, подальше от себя.

А после произошло нечто поистине удивительное.

Дамир Игнатьевич, лениво листая свою электронную почту на компьютере, неожиданно остановился на письме от анонимного пользователя, пришедшем рано утром. Он безбоязненно его открыл, явно заинтересованный темой. «Разоблачение от доброжелателя» — гласила она. И тут даже Эдик и Герман скосили глаза в сторону монитора, из-за спины начальника вчитываясь в текст, содержавшийся в письме.

«Уважаемый Дамир Игнатьевич Реутов!

Недавно мне удалось добыть некоторую любопытную информацию об одном из ваших сотрудников. Я решил, что вам было бы интересно и самому взглянуть на нее и узнать, что возле вас находятся такие вот двуличные люди. Речь идет о вашей помощнице Мытько Христине Анатольевне, которая, пользуясь своим служебным положением, уже много лет крадет ваши средства, переводя на свои иностранные счета довольно-таки крупные суммы.

Насколько мне известно, она не одна занимается этим грабежом. В цепочку вовлечено еще как минимум несколько сотрудников, однако, не думаю, что для вас будет проблематично отыскать остальных, когда главное действующее лицо окажется у вас на прицеле.

Все необходимые доказательства находятся во вложении к данному письму.

С наилучшими пожеланиями, ваш скромный доброжелатель!

А.»

Щелкнув по вложению, Дамир развернул на весь экран многостраничный документ, где находились выписки со счетов Христины, данные о действиях пользователя на компьютере женщины, отрывки личной переписки по поводу перевода средств, доказательства ведения двойной бухгалтерии, снимки поддельных квитанций и чеков. Судя по этому тщательно собранному букету конфиденциальной информации, Христина совершенно не стеснялась обкрадывать собственного босса на десятки тысяч мультивалютных долларов каждый месяц, аккуратно подгоняя данные под предвиденные и непредвиденные расходы. Можно было только подивиться ее наглости и тому, как раньше никто не обратил на подобное внимания.

Хотя больше всего в этом письме Германа заинтересовал его отправитель. Некто «А.» по всем критериям подходил под Альберта, который какое-то время назад вскользь пообещал боксеру разобраться с шумной помощницей Дамира, которая явно с самого первого знакомства невзлюбила Германа и надеялась рано или поздно уволить его с должности телохранителя.

«Неужели это действительно сделал он? Выглядит очень похоже. Вот только, как Альберт сумел добыть такую информацию? Данные счетов, личная переписка… Неужели это Вики постаралась и залезла в ее компьютер? Не знал, что она еще и взламывает чужие машины по указке Альберта».

Взгляд Германа случайно упал на Эдика, столбом застывшего по левую руку от боксера. Он был испуган и явно взволнован, а по его виску ползла одинокая капля пота.

— Христина, зайди ко мне, — нажав на кнопку на краю своего стола, негромко попросил Дамир.

Через полминуты женщина была уже перед начальником, и он молча указал ей рукой на монитор, позволяя самостоятельно ознакомиться с присланным документом. И все в кабинете безмолвно наблюдали за тем, как некогда самоуверенная и гордая помощница по мере чтения текста все более бледнела. Вся она словно сжалась в комок, боясь пошевелиться или что-то произнести.

— Я даже уже и забыл, сколько лет мы работали вместе. И это твоя благодарность за то, что из заикающейся нищей студентки, которая даже не могла себе обувь купить сама, ты стала правой рукой главы крупнейшей компании в сфере модификаций? — произнес Дамир, устремив на женщину пронизывающий взгляд. Он облокотился на стол и, когтем поглаживая свой висок, внимательно ждал ответа Христины.

— Я-я… П-простите… — промямлила она. — Я лишь хотела ни в чем себе не отказывать…

— Вон, — приказал начальник, буквально выплюнув это слово.

Помощница спешно бросилась к выходу, на бегу утирая слезы, выступившие в уголках глаз.

— Вон из офиса. Ты уволена, Христина, — вдогонку произнес Дамир.

Споткнувшись на ровном месте, женщина не сразу восстановила равновесие. А после, не оглядываясь, покинула кабинет, спасаясь от прожигавшего насквозь взгляда Дамира.

Едва дверь закрылась, владелец компании шумно выдохнул.

— На каждом судне есть крысы. Но порой ими оказываются члены команды. И тогда этот корабль ждет бесславный конец, — неясно для кого проговорил вслух Дамир, обращаясь то ли к самому себе, то ли к своим безмолвным телохранителям.

* * *

Через несколько дней Эдик совершенно внезапно уволился по собственному желанию. И Герман далеко не сразу связал это с деятельностью по искоренению воров среди сотрудников, которую начал Дамир сразу же после ухода бывшей помощницы. Следом на ней из компании вышвырнули еще главного бухгалтера, одну из секретарш и какого-то консультанта, с которым Христина крутила роман на рабочем месте, попутно финансируя его из кармана Дамира.

На место новой помощницы взяли секретаршу Яну, которая со всей отдачей и старанием подошла к своей ответственной должности. С первых же дней она оказалась под завалом дел, оставшихся ей в наследство от Христины, но даже при всей своей загруженности, эта молодая девушка все еще старалась улыбаться Герману и другим сотрудникам при встречах. Именно поэтому боксер практически сразу же обнаружил перемену в состоянии Яны, когда в один из дней проходил мимо ее кабинета. Через распахнутую настежь дверь он увидел девушку, уткнувшуюся

лицом в свои ладони и безвольно лежавшую на кипе документов.

— Тук-тук, — негромко произнес Герман, остановившись на пороге. — Не отвлекаю?

Яна встрепенулась, поднимая голову.

— А, привет… Да я теперь круглосуточно занята, так что отвлечься как раз не помешает.

— Все так плохо? Сплошной завал?

— Ага. Отчеты, планы, списки, заказы… С ума можно сойти. А теперь еще Дамир Игнатьевич приказал найти ему новых телохранителей, а то ты же теперь без пары работаешь, сменщик твой тоже один. Я начала обзванивать все эти частные охранные организации, но просто нет времени всех собеседовать и проверять… Я уже на грани!

— Если это тебе поможет, у меня есть подходящая кандидатура на должность телохранителя, даже с лицензией на руках. Парень работал со мной в охране, всегда хотел повыше забраться по карьерной лестнице. Он человек и сотрудник хороший, я за него ручаюсь.

— Как зовут? — Яна мгновенно вооружилась ручкой.

— Олег. Спроси у начальника охраны, тот его пришлет.

— Ты просто спас меня, серьезно! Спасибо!

Герман самодовольно улыбнулся, чувствуя, как впервые за неделю его перестала глодать совесть.

Уже через несколько дней Олег, сияющий, как начищенная кастрюля, появился на восьмидесятом этаже, сразу после того, как прошел все проверки и принес документы. Он еще долго не мог поверить в собственное счастье и каждый раз, как только ему выпадала возможность, иступлено благодарил Германа, порекомендовавшего своего товарища на эту должность.

— Я не думал! Правда не думал, что так бывает! — шепотом твердил на ухо боксеру Олег во время первого же перерыва посреди рабочего дня. — Лоск, роскошь, шикарный кабинет, дорогая машина, пафосные рестораны!..

— Ты доволен, что все же добрался до своего восьмидесятого этажа? — хмыкнул Герман в ответ.

— Да! И теперь я ни за что отсюда не спущусь обратно!

Это было лицо человека, который достиг своей цели в жизни, но все еще наслаждался ее победным светом, не задумываясь над тем, что же он будет делать дальше, ведь его мечта в конце концов была исполнена. Олег пока лишь горел восторгом, а у Германа на душе стало куда спокойнее, поскольку хоть для кого-то он сделал жизнь чуточку лучше. Не для себя, но для друга.

В скором времени Герман стал свидетелем интересного

разговора, который вызвал у него подозрения. Дело происходило поздним вечером, и боксер только привез Дамира Игнатьевича домой. Открыв перед начальником дверь электромобиля, Герман обязан был сопроводить нанимателя до самых апартаментов.

Босс, выглядевший чуть усталым и подавленным в этот день, выбрался из салона на свежий воздух и практически сразу же ему поступил вызов на голосмартфон.

— Слушаю, — отозвался Дамир, нажимая на кнопку.

Маяча за спиной начальника, Герман шагнул за ним следом в холл элитного жилого дома, оставив Олега в машине. В мраморных начищенных до блеска плитах пола отражались роскошные люстры, свисавшие с потолка. Их мягкий тускловатый свет царил в помещении, погружая его в тягучее марево.

— Добрый вечер, Шамиль Магомедович. Да, конечно, все еще в силе.

Гулкие звуки шагов вспарывали тишину зала, пока Дамир со своим телохранителем шагали к лифту.

— Да, текст законопроекта я подготовил.

Герман насторожил уши, как охотничий пес. Жаль, он не мог слышать ответов собеседника Дамира, чтобы яснее понять, о каком законопроекте шла речь.

— Вы обеспечите положительное решение ответственного комитета?

В этот раз владелец «Осе» куда дольше выслушивал ответ некоего Шамиля Магомедовича, попеременно то хмыкая, то поддакивая. Уже успел приехать лифт, и Дамир провел идентификационной карточкой по встроенному дисплею, чтобы система определила его этаж. Двери медленно закрылись, и лифт бесшумно поплыл наверх.

— Да-да, я в курсе этих условий. Надеюсь, процент будет достойным. Когда состоятся первые чтения?

Стараясь запомнить каждое слово, Герман даже не дышал.

— Время еще есть. Значит, мы встречаемся с вами на этой неделе? Я бы хотел успеть до выходных, если вы не против.

Лифт застыл, двери мягко звякнули, открываясь. Дамир шагнул в свои апартаменты, а Герман, стараясь не шуметь, ступил следом, надеясь дослушать разговор.

— В четверг меня устроит, — произнес Дамир, скидывая плащ со своих плеч. Но почти сразу же он заметил, что его телохранитель все еще стоял рядом:

— Ты свободен.

Герман вежливо кивнул и отступил обратно в кабину лифта, до последнего напрягая слух.

— Нет, это я не вам, Шамиль Магомедович… Да, я слышал, в

ресторане «Adam»…

Двери закрылись, отсекая Германа от остального мира.

Но самое важное он уже услышал. Такие сведения непременно заинтересовали бы Альберта, и, стоило Герману попрощаться с Олегом, как он, не теряя времени, поехал в штаб. И перехватил главаря ассоциации буквально у самого выхода из театра.

Альберт был в каком-то аляповатом костюме: пиджак цвета свежей крови, темно-бордовые брюки и аккуратная соломенная шляпка-канотье с черной лентой. Герман даже не сразу осознал, с кем столкнулся в проходе, пока Альберт не заговорил:

— Прости, Герман, я тороплюсь.

Однако боксер решительно выставил ладонь перед главарем вампов, не давая тому сделать ни шагу дальше.

— У меня, кажется, получилось добыть важную информацию.

После этой фразы Альберт замер на месте, обратив уже все свое внимание на Германа.

— Кажется?

— Да. Я не уверен, что это именно то, что ты искал. Но за все время, что я трусь около Дамира, сегодняшний звонок — это единственное, что подходит под твои подозрения о крупном проекте против всех носителей вируса…

— Рассказывай.

Герман кратко пересказал подслушанный час назад разговор, несколько раз четко повторив имя собеседника Дамира, которое, по его мнению, и могло пролить свет на ситуацию.

— Шамиль… Шамиль… — пробормотал себе под нос Альберт, уставившись в одну точку у себя под ногами. — Где-то я уже слышал это имя с отчеством. Жаль, нет фамилии, конечно.

Он нажал на свою кнопку голосмартфона, включая проекцию экрана со временем и погодой.

— Рунет. Поиск. Шамиль Магомедович.

Мгновенно голубоватая голограмма расцвела, расширяясь в стороны и демонстрируя все результаты поиска. Судя по сосредоточенному виду Альберта, через костные наушники программа зачитывала ему краткую информацию о всех найденных личностях с такими данными.

— Так и знал! — воскликнул главарь вампов, резким движением выключая устройство.

— Кто он? — нетерпеливо спросил Герман.

— Депутат Госдумы. И Дамир собирается подсунуть ему какой-то законопроект, задним числом добившись утвердительного решения ответственного комитета.

— Даже если комитет подкуплен, то еще предстоят три

чтения… К тому же, мы не знаем наверняка, о каком законопроекте идет речь. Может, он не имеет отношения к вампам!

Альберт сердито взглянул на Германа, будто разочаровавшись в его умственных способностях.

— Если подкуплен комитет, то кто тебе сказал, что остальные депутаты не поддержат законопроект по указке этого Шамиля? Они собираются втихую протащить какой-то закон, рассмотрев его в крайние сроки и, похоже, никак не оповещая общественность. Слишком сомнительно, чтобы подобная инициатива носила какой-то невинный характер.

— И что ты намерен с этим делать?

— Еще не знаю. Но я обязан сорвать эту их встречу в четверг. Пора получить от Дамира последний кусочек паззла, которого мне не хватало все это время… И ради которого столько месяцев ушло на подготовку, слежку и создание планов. В четверг я узнаю все о владельце компании «Осе»!

— Значит, будет очередная операция? Новое представление для старой публики?

— Тебе пока не стоит об этом думать, Герман. Если ты будешь участвовать в операции, то я уведомлю тебя отдельно, как в прошлый раз. А пока работай, как и прежде, не подавай вида, что что-то знаешь. И продолжай слушать… Мне уже пора бежать.

Альберт отвесил собеседнику легкий кивок и протиснулся мимо грузной фигуры боксера к выходу.

— Куда ты так торопишься? — не удержавшись, спросил Герман вдогонку.

— В Измайловском парке заметили нового инфицированного, — распахнув тяжелую створку входной двери, бросил Альберт, не оборачиваясь. — Ему нужная помощь ассоциации.

Альберт повернул голову, криво улыбнулся, блеснув золотыми клыками напоследок, и вышел на улицу. Дверь захлопнулась, обдав Германа потоком прохладного воздуха и принесенным откуда-то едва уловимым запахом грейпфрута.

* * *

До встречи Дамира и депутата Госдумы оставался всего день, а от Альберта так и не поступало никаких указаний. Германа это нервировало, поскольку он хотел знать, как должна была закончиться вся эта история с законопроектом. Альберт каким-то способом намеревался вытащить из Дамира всю необходимую

информацию в четверг, и, зная используемые главарем В.А.М.П. способы, боксер очень сильно сомневался, что этот лощеный франт стал бы действовать как-то грубо или грязно. Значит, был сложный план. А, раз Герману ничего не сообщили, то он в нем почему-то не участвовал.

Что было весьма обидно.

После внедрения, шпионажа и стольких дней работы на Дамира, именно боксера в финальном акте не удостоили никакой ролью. С другой стороны, Герман в глубине души чувствовал яркие искорки ликования, теплившиеся там почти с самого начала недели. Ведь, если операция с Дамиром подходила к концу, то это означало, что в скором времени боксер мог спокойно покинуть ассоциацию и вернуться к своей более-менее нормальной жизни. Например, уехать к сестре. Или вновь устроиться тренером в детский центр. Пусть заработок куда меньше, чем на подпольных аренах, зато так уж точно гораздо безопаснее.

И никогда больше не видеть ни Султана, ни Альберта, ни Дамира.

Герман невольно улыбнулся этим мыслям, но его практически сразу же едва заметно дернул за рукав Олег, стоявший рядом. Бдительный напарник не позволял боксеру прохлаждаться на рабочем месте.

— Телохранитель — это ответственная должность! Ты должен быть всегда начеку! — почти каждый день твердил парень Герману, на что тот лишь ухмылялся.

В офисе было на удивление тихо. Дамир сидел за столом, молча листая на компьютере какие-то многостраничные акты, а Олег и Герман тихо скучали, стоя у него за спиной, возле самого окна. Так и тянуло отвлечься и полюбоваться открывавшимся видом на бизнес-центр, но нужно было изображать сосредоточенный и серьезный вид.

В двери постучали. На пороге стояла новая помощница Дамира. Яна держала в руках какую-то запакованную посылку небольшого размера.

— Простите, Дамир Игнатьевич, — негромко извинилась девушка. — Тут доставили коробку…

— Брось на диван. — Дамир, не глядя, махнул рукой в сторону зоны отдыха.

— Это посылка для вашего сотрудника, Германа Юдина. Сказали срочно.

Яна красноречиво посмотрела на боксера, который мог лишь вздернуть бровь. Он бегло извинился перед Дамиром и быстрым шагом вышел в коридор вслед за Яной, плотно закрыв дверь.

— Курьер какой-то странный был, — шепотом поделилась девушка. — Даже не знаю, как его пустила служба охраны на первом этаже.

— Вообще-то, я ничего не ждал. Не написано от кого?

— Не-а.

Герман удивился еще больше, покрутил в руках посылку, разглядывая ее. Через пару секунд он вскрыл канцелярским ножом несколько слоев скотча и упаковки, раскрыл коробку и вытащил небольшую жестяную шкатулку из россыпи поролоновой крошки. Маленький металлический футляр удобно лег в руку, и боксер медленно приоткрыл крышку.

Внутри на обляпанной кровью визитке лежал отрезанный мизинец с золотым перстнем.

«Это же кольцо Жеки…»

— Ну, что там? — нетерпеливо спросила Яна, пытаясь заглянуть в шкатулку. Но Герман не позволил ей увидеть неприглядное содержимое, а мгновенно отвернулся.

— Подарок от одного человека…

Отступив на пару шагов от любопытной помощницы, боксер еще пару секунд с ужасом смотрел на посылку. Да, он не мог с уверенностью говорить, что это был именно палец Жеки, но в перстне сомневаться не приходилось. Слишком часто за свою жизнь Герман видел руки верного катмена, порхавшие вокруг его разбитого лица на ринге. Это золотое кольцо мужчина мог описать до последней царапины.

Подцепив край пластиковой визитки, он с внутренним содроганием вытащил ее из-под пальца. Два столкнувшихся кулака были перечеркнуты угловатыми буквами, выведенными черным маркером.

«В полночь, «Синий зуб». Приходи с деньгами и без дружков, Медноголовый».

Глава двенадцатая
«Синий зуб»

Ходили слухи, что недостроенное двадцатидвухэтажное здание на юго-западе Старой Москвы совсем недавно сменило очередного владельца. За последние десятилетия многие покупали этот деловой центр, несмотря на разбитую стеклянную крышу, проваливавшиеся полы на отдельных этажах и занятые бомжами бытовки. Амбициозные бизнесмены, соблазнившись отличным расположением постройки, почти за бесценок выкупали здание, облицованное синеватыми зеркальными стеклами, надеясь привести его в должный вид. Но сценарий всегда был одним и тем же: первые месяцы к высотке привозили материалы, строительных роботов, инженеров-робототехников и необходимую аппаратуру, но уже через полгода работа сама собой затухала, машины ломались, люди уходили, видя безнадежность этого проекта, и понемногу подворовывали, унося с собой и все стройматериалы.

Те владельцы, что были поумнее, довольно быстро понимали, что «Синий зуб», этот гнилой клык во рту города, поглощал сумасшедшее количество денег, но при этом изменялся лишь в худшую сторону. Как бы его ни ремонтировали, ни обновляли и ни укрепляли, здание упорно разрушалось, с каждым десятилетием обрастая лишь новыми горами мусора. Стены утратили свой первоначальный облик под слоями граффити, бездомные оккупировали подвал и несколько первых этажей, и даже через бетонный забор уже прогрызли себе путь городские диггеры.

«Уродливое здание. Под стать Золтану,» — подумал Герман, стоя на другой стороне улицы и разглядывая разбитые синеватые окна, сквозь которые стальным скелетом проглядывали балки и куски арматуры.

Странное спокойствие царствовало в душе боксера в тот момент. От волнения, которое терзало его половину дня, уже не осталось и следа — теперь на его месте было лишь хладнокровие и рассудительность. Иначе просто нельзя было идти на встречу с Султаном, плюясь колючими искрами ярости из глаз.

Перебежав дорогу, Герман двинулся к ржавым воротам, которые хоть и были скреплены цепью, но имели такой покореженный вид, что через них ничего не стоило проникнуть внутрь территории. Однако на входе его уже ждали. Стоило боксеру пролезть через щель, как из темноты выступила чья-то

фигура в черной одежде.

— Ты Медноголовый? — не особенно любезно поинтересовались у Германа.

— Ага. — Хмурый кивок.

— Иди прямо, к главному входу. Там тебя проводят к боссу, — пробасил человек и отступил обратно в тень, буквально растворившись в воздухе.

Выдохнув, Герман послушно пошел вперед, шагая по пластиковым поддонам, в беспорядке валявшимся на земле, посреди размытой грязи и луж. Слева он подметил нестройные ряды бытовок, возле которых в железных бочках был разожжен огонь и группы бомжей грелись около пламени. Многие из них поглядывали на боксера, другие, наоборот, предпочли нырнуть под спасительную крышу своих убогих домов.

Бетонные колонны главного входа трудно было с чем-то спутать, к тому же на полу возле дверей кто-то еще и любезно разбросал люминесцентные палочки, светившиеся ярким зеленым светом. Одна из створок центральных дверей была выбита, и стеклянные осколки беспорядочно валялись на бетонном полу, а в черном зеве прохода Германа почти сразу же под руки поймали двое крепких парней бандитской наружности.

— Не трепыхайся! — предупредил его головорез с массивной серьгой в ухе.

— Оружие есть? — гаркнул второй и принялся ощупывать карманы и одежду боксера.

«Может, все же стоило позвать Альберта на эту встречу?» — сомнения вновь впились в сердце мужчины острыми когтями. — «С ним выйти отсюда живым у меня определенно было бы куда больше шансов… Хотя этот франт ведь сказал когда-то, что свои проблемы я должен решать сам. Вряд ли бы он согласился помочь…»

— Чист, — отряхнул руки бандит и толкнул Германа в спину. — Пошли, Медноголовый. Тебя ждет Султан.

Головорез с серьгой повел боксера куда-то на верхние этажи, пока его напарник так и остался стоять у дверей. Ужасное состояние лестниц, рассыпавшихся в бетонную пыль от любого давления, прекрасно демонстрировало сохранность здания — его давно стоило демонтировать, чтобы однажды оно не погребло под собой какую-нибудь группу бездомных или подростков-экстремалов, любящих лазать по старым стройкам.

Они поднялись где-то до десятого этажа и, миновав изрисованный всякими нелепыми картинками и непристойными словами узкий коридор, вышли к центральной части этого уровня. Здесь пространство раздавалось вширь, пересекаемое

только подточенными временем бетонными колоннами, оно тонуло в темноте. Посередине зияла широкая пропасть, тянувшаяся на множество этажей вниз. По ее краям виднелись разрушенные эскалаторы, давно разобранные на запчасти. Не было ни парапетов, ни балюстрад — только в отдельных местах стояли редкие строительные сетчатые ограждения, проржавевшие и покореженные.

Возле обрыва испускал ярких луч света мощный прожектор, валявшийся на полу. Возле него сгрудилось несколько человек, и лишь когда Герман и его сопровождающий подошли ближе, стали видны лица всех присутствовавших. Двое мускулистых громил в неприметных кожаных куртках, неохватный Султан в длинном пальто шоколадного цвета с пышным меховым воротником и какой-то избитый сгорбившийся человек без сознания, лежавший прямо на бетонном полу.

Герман не сразу понял, что это был Жека.

Его изуродованное лицо напоминало отбитый кусок сырого мяса, сквозь дыры в рваной одежде просвечивали темные гематомы, но еще хуже дело обстояло с кистями: золотые руки катмена, его гордость и честь, были обезображены и туго перетянуты пластиковым хомутом. Переломанные пальцы, выбитые суставы, обрубок мизинца с запекшейся коркой — это было самое страшное, что могли сотворить люди Султана с Жекой. И они сделали это.

У Германа внутри заклокотала обжигающая ярость, огнем опалившая легкие.

«Нет! Нельзя!» — мгновенно отвесил себе мысленную пощечину боксер. — «Если я сейчас сорвусь, то убьют и меня, и Жеку».

— Ну, здравствуй снова, Медноголовый, — с легким смешком произнес Султан, затягиваясь паром из своей электронной курительной трубки. Его холеное смуглое лицо просто излучало самодовольство.

Кивнув человеку с серьгой, Золтан молча наблюдал за тем, как Германа без предупреждения пару раз врезали кулаком под дых. Боксер резко выдохнул, сгорбившись от резкой боли, но его почти сразу же толкнули в спину, вынуждая приблизиться к Султану.

— Знаешь, когда я только выкупил это недостроенное здание у его прошлого владельца, то, несмотря на все слухи, распускаемые об этом месте, я все же был полон надежд сделать из этой мусорной кучи что-то приличное. Но я совершил ошибку всех предыдущих хозяев «Синего зуба», потому что решил, что проблема в деньгах и их количестве. Ведь если вливать доллары в

эту бездонную глотку, думал я, то она просто не может однажды не заполниться. Но, знаешь, я вкладывал сюда сумму за суммой, а это проклятое место требовало только больше.

Золтан подошел к Герману практически вплотную. Лишь один шаг, один метр, один удар разделял их, но боксер слушал, не делая попыток наброситься на своего собеседника. Он знал, что все трое подручных Султана, находившиеся на этаже, держали электрошоковые пистолеты за поясом. Им достаточно было переключить режим на максимальный, и разряд стал бы достаточным по мощности, чтобы изжарить человека живьем, заставив сердце содрогаться в агонии.

— Не сразу, но я понял, что дело все же было совсем в другом, Медноголовый. Проблема этого места была не в деньгах и хаосе, а в людях, которые приходили сюда, разрушали восстановленное, уничтожали новое и растаскивали все, до чего могли добраться. Диггеры, бомжи, подростки, экстремалы, уголовники, воры — все они лезли сквозь щели, как крысы, проникая через любую охрану, ничего не боясь, и прибирали к рукам стройматериалы, машины, роботов… Люди всегда всему виной, скажу я тебе. Они приходят в твой дом и изгрызают его изнутри.

Медленно выдохнув сладковато-приторный пар изо рта, Султан цепким взглядом скользил по лицу Германа.

— А что ты будешь делать, если в твой дом проникнут вредители, а? Верно. Их надо вытравить, изничтожить. Чтобы другие, идущие следом, задумались над тем, а стоит ли сюда соваться.

— Какое это отношение имеет ко мне? — негромко спросил Герман, сжимая губы.

— Ха! Самое что ни на есть прямое, Медноголовый. Ты был крысой, что проникла на мою арену и стала жрать ее изнутри. Так же, как все эти бомжи, сидящие сейчас в своих бытовках внизу, пытаются подточить «Синий зуб». И я намерен устроить показательную казнь, которая отобьет у других вредителей желание лезть в мои владения и дальше.

— Казнь?.. — боксер охрип.

— Именно. Завтра сюда приедет целая орда строительной техники: землеройные машины, рыхлители, самосвалы — и все они к чертям разнесут и эти бытовки, и старый забор, мусорные горы. Сравняют с землей всю территорию перед зданием. А после мои ребята примутся и за тех, кто засел внутри самого «Синего зуба». Я воспринимаю это как санитарную обработку от крыс.

— Выходит, моя участь будет ничем не лучше их?

— Ты навредил моему дому, моей арене, отказался

повиноваться мне. Я этого не терплю.

Герман понурил голову, судорожно обдумывая, что же ему можно было сделать в сложившейся ситуации. Когда он собирался на эту встречу, то не особенно прорабатывал стратегию, больше беспокоясь за друга. А теперь времени на размышления совсем не оставалось.

— Отпусти Жеку.

— Ты хоть знаешь, как трудно было найти этого поганца? Даже твое логово мои ребята выследили за пару недель, а вот твой дружок петлял, как заяц, бегая между своими нычками. Зато посмотри, как резво ты прибежал на мой призыв, стоило отрезать ему один палец.

— Урод!.. — сквозь сжатые зубы выдохнул Герман.

Золтан даже не подал никакого сигнала, но сзади на спину боксера обрушилось несколько сильных толчков, повалivших его на бетонный пол. Двое парней Султана пинали его со злостью, а их босс, держа трубку во рту, лишь наслаждался зрелищем.

— Верни долг, и я отпущу этого бесполезного катмена, так и быть. Свое он уже получил.

Медленно с трудом поднявшись на ноги, Герман пытался отдышаться пару секунд, а после все же сунул руку во внутренний карман пиджака и достал обезличенный портативный кошелек.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересованно пробормотал Золтан, забирая устройство.

Он нажал на одну из кнопок, и в воздухе повисла голограмма с цифрами.

— Полторы тысячи долларов?! — с негодованием воскликнул Султан, раздраженно сжимая в пальцах кошелек. — Ты смеешься надо мной, Медноголовый?! Ты должен мне пятьдесят тысяч!

— У меня больше нет денег. Это все мои сбережения.

— Тогда у меня для тебя дурные вести! — процедил Золтан, брезгливо бросив кошелек обратно боксеру, будто это был комок грязи. — Мои парни будут бить тебя до тех пор, пока ты не превратишься в кусок фарша, а после я поджарю тебя электрошоком! И завтра тебя кинут в одну яму с трупами бомжей во дворе этого здания! И закатают в бетон!

Султан резко дернул головой, и двое его головорезов схватили боксера за руки с обоих сторон, а третий достал из кармана кастеты и неторопливо нацепил их на пальцы.

— Не надейся, что тебе кто-то поможет в этот раз, Медноголовый. Я в курсе, что ты связался с вампами, этими жалкими инфососами! Говорят, нынче Альберт Вайс опустился так низко, что берется за любую работу в городе и принимает к себе в ассоциацию всех подряд. Оно и видно, раз он взял тебя

туда… Но не рассчитывай, что я боюсь его самого или кучки его ручных пиявок. Здесь ты один на один со мной, а его месть меня не пугает. Напротив, я с радостью отправлю этого богатенького отпрыска Вайсов на утилизацию!

«О чем он вообще говорит? Кажется, этому жирному борову известно об ассоциации больше, чем мне самому…»

Султан хрипловато рассмеялся, а после дал сигнал, чтобы его громилы приступали к делу. Руки Германа стиснули сильнее, не позволяя ему сдвинуться с места, а бандит с кастетами с садистской улыбкой на губах придвинулся практически вплотную.

«Проклятье, у меня просто не остается выбора!»

Послав нервный импульс в зубные импланты, Герман ощутил, как клыки у него во рту мгновенно удлинились и заострились. Он дотронулся кончиком языка до одного и обрезался. Тяжелый солоноватый вкус крови наполнил его рот, а после прокатился сгустком тепла по глотке и провалился в желудок. Оттуда по всему телу пробежала жаркая волна энергии.

«Если тогда на ринге моя же кровь дала мне сил, то должна помочь и сейчас».

Мгновенно перед глазами замелькали ярчайшие картинки с того самого рокового боя на подпольной арене, когда металлический привкус крови во рту пробудил в Германе волю к борьбе, когда его собственные кулаки наполнились живительной энергией и решили исход схватки. Он помнил лицо Лося, помнил свои удары и комбинации, будто мышцы желали повторить все это вновь.

Один резкий удар каблуком ботинка по ноге бандита справа запустил всю цепочку действий. Герман дернулся в сторону, наваливаясь на пострадавшего, и тот, не удержав равновесие, упал на пол, рефлекторно разжав ладони. И боксер незамедлительно развернулся к своему второму противнику, жестко схватив его за кисть, не позволяя разжать пальцы. Сделав шаг вперед, Герман резко поднял вверх свою руку вместе с рукой громилы и сразу же отвел ее назад, выкрутив противнику сустав. Одновременно с этим он толкнул коленом бедро бандита, и тот повалился на бетонный пол, подмяв под собой и бестолково стоявшего рядом парня с кастетами.

Но это был лишь мимолетный успех. Только эффект неожиданности сыграл свою роль и закипавшая в жилах энергия, полученная от собственной же крови. К тому же падение не слишком-то ослабило кого-то из людей Султана, да и он сам пришел в ярость.

— Быстрее! Схватить его!

Уже поднявшиеся на ноги головорезы явно не намерены были больше шутить. Двое из них сразу же выудили из-за пояса электрошоковые пистолеты. Но Герман, не мешкая, схватил ближайшего к нему бандита за запястье, притягивая к себе и выворачивая кисть. Он нажал на курок, и картридж улетел в пустоту, а боксер уже выстрелил своим твердым кулаком ему в нос, а после еще раз и еще, не давая опомниться, не позволяя защититься. Ломая кости, сминая хрящи, он за долю секунды превратил его лицо в кровавое месиво.

Дернув практически беспомощное тело за руку, Герман замахнулся и с силой запустил его на второго парня с пистолетом, который не стрелял, опасаясь попасть в напарника. Тяжелая туша бандита снесла того с ног, вновь заставив изваляться в бетонной пыли. Боксер нырнул в сторону, увернувшись от меткого удара последнего оставшегося на ногах громилы, чьи кулаки были облачены в металлическую оправу из кастетов. Пока у него был миг, Герман без сожаления пнул по голове типа, придавленного бессознательным телом, отправляя его в нокаут, и остался лишь один на один с последним человеком Султана.

— За что я вам плачу, дармоеды?! — впившись пальцами в меховой воротник своего плаща орал Золтан. — Вы втроем не можете завалить одного неудачника?!

Встав в стойку напротив своего габаритного противника, Герман, насупившись, следил за движениями громилы, который явно желал доказать своему боссу, что лично он-то уж точно не был таким бесполезным бойцом, как его напарники. Боксер первым бросился в атаку, нанеся серию ударов по корпусу бандита, но тот даже не шелохнулся, будто не почувствовал. И Герман из-за этого выпада чуть было не пропустил апперкот, летевший ему прямо в челюсть. Лишь на выработанной годами реакции и силе крови он успел отклонить корпус назад и незамедлительно ответить прямым джебом в голову.

Но здесь был не ринг, а реальная жизнь. И Герман вспомнил об этом не сразу, а лишь когда его ударили коленом в пах и мгновенно обрушили силу двух кулаков на затылок. Это была болезненная комбинация, выбившая из боксера весь дух и заставившая его еще секунд десять глотать воздух, как рыба, вытащенная из воды. Он едва смог отступить на несколько шагов, и пока его противник самодовольно улыбался, рисуясь перед боссом своей победой, Герман раз за разом распарывал язык о собственные клыки и жадно глотал капли крови.

Ему нельзя было проигрывать. На кону стояла жизнь друга и его собственная жизнь.

Боль отступила куда-то на задний план, словно кровавая пелена перед глазами заглушила ее, напитывая тело новой порцией энергии. Боксер выпрямился, резко выдохнул и в длинном прыжке бросился на громилу, врезавшись в него всем своим телом, целясь плечом под дых. Закрыв голову от ударов, Герман бил противника по ребрам, пока тот не согнулся в приступе боли. И тогда боксер обхватил шею бандита, заключая ее в крепкие тиски, ударил локтем в основание шеи и разбил типу лицо о свое колено.

Тело шумно повалилось на пол без признаков сознания. А Герман, не скрывая кривой ухмылки, поднял взгляд на Султана.

— Игры кончились, Медноголовый.

Золтан, отбросив трубку в сторону, стоял, вытянув вперед руку с электрошоковым пистолетом, нацеленным прямо на боксера.

— Ты мог бы стать гордостью моей арены, ее звездой… Заработать на этом кучу денег. Если бы просто послушно выполнял все, что я тебе говорил. И, признаться, мне жалко терять такого бойца. Но ты сам давным-давно решил свою судьбу, Медноголовый.

Он нажал на курок, послышалось едва уловимое жужжание, щелчок, и два картриджа, хищно потрескивая в воздухе, бросились вперед, к своей цели.

До этого безжизненным кулем лежавший на полу Жека неожиданно в одно мгновение вскочил на ноги и оказался прямо на пути у летевших картриджей. Они с жадностью впились в его тело, вгрызаясь в плоть и проводя разряд сумасшедшей мощности. Хриплый вскрик вырвался из впалой груди катмена, пока он агонизировал, содрогаясь от электричества, бегущего по его венам и мышцам.

— Нет! — не своим голосом взвыл Герман. — Нет! Нет!

Он бросился к упавшему на пол другу, смахнул ногой картриджи с его груди. Но было уже слишком поздно что-то делать.

Жека лежал, широко распахнув глаза, открыв рот, и грудь его больше не вздымалась. Сердце не выдержало такого сильного разряда.

— Вот паразит! — процедил Султан, спешно доставая из кармана новые картриджи и пытаясь перезарядить пистолет.

Однако Герман не позволил ему это сделать. Чувствуя, как внутри него клокочет ярость, никогда прежде не бывавшая еще настолько сильной, боксер оказался возле Золтана за долю секунды, схватив его рукой за горло и впечатав спиной в решетку строительного ограждения.

— Ты..! — захрипел Султан, уронив пистолет и царапая пальцы Германа, впившиеся в его горло.

— Ты убил его! Убил, тварь!

Герман принялся наносить свободной рукой один удар за другим по лицу, не сдерживая себя, не испытывая никакого сострадания или жалости к своему противнику. Он слышал хруст ломаемых костей, мерзкое чавканье сминаемой плоти, чувствовал, как зубы продавливались под его кулаком, а голова Султана через минуту стала лишь безвольно болтаться из стороны в сторону, никак не реагируя на удары. Золтан не царапал больше пальцы, сжимавшие его горло и не отбивался ногами.

Но и тогда Герман не прекратил.

Он думал о Жеке, о своем верном катмене, который всю жизни был его другом, который никому не желал зла и сам лишь случайно угодил в подобный переплет. Угодил по вине Германа. И от этого боксеру хотелось выть, от осознания того, что лишь его упрямство и безрассудство погубили улыбчивого парня с золотыми руками. И мужчина вымещал свою злость, обиду и боль на Султане до последнего. До того момента, пока его кулак полностью не окрасился в багровый цвет.

Тяжело дыша, Герман опустил руку. Он все еще продолжал удерживать за горло Золтана, который сам больше не мог стоять на ногах. Какое-то время боксер разглядывал творение своих рук — обезображенное лицо, на котором не осталось ни единого целого места. Но неожиданно Султан пришел в себя, он слегка приоткрыл один глаз, обвел мутным ничего не понимающим взглядом Германа и, выплевывая кровь изо рта, слабо прошептал:

— Медно…головый…

— Это не мое имя! — взревел боксер.

Стоявший в воздухе запах свежей крови дразнил обоняние Германа, пьянил его разум, заставляя раз за разом выпускать клыки и убирать их обратно. Зрелище разбитого лицо Золтана лишь сильнее будоражило аппетит мужчины, который чувствовал в себе какое-то первобытное неконтролируемое желание впиться зубами в шею своей жертвы и тянуть из нее кровь, пока жажда и голод не отступят.

И Герман подчинился своим инстинктам. Блеснули лезвия имплантов, и боксер резко вонзил клыки в открытое горло своего поверженного врага. Человеческая кровь обожгла ему язык дикой смесью новых вкусов и оттенков. Он отважился лишь на один глоток и после ошеломленно отпрянул, оттолкнув от себя обессиленное тело Султана. Тот слабо вскрикнул, повалился на ограждение, которое пошатнулось под тяжестью тела Золтана,

скрипнуло и медленно стало заваливаться назад. Герман лишь безмолвно наблюдал за тем, как решетка вместе с телом организатора подпольных боев обрушилась вниз, в пропасть, и, стремительно набирая скорость, понеслась в темноту провала, чтобы после с грохотом обрушиться на первый этаж, взметнув в воздух тучи бетонной пыли. Эхо многократно отразило звук тяжелого удара об пол.

Вот только Герман так и стоял без движения на краю, пораженный вкусом чужой крови, которая пленкой застыла на его губах. Это было гораздо лучше, чем описывал Альберт. Это было не выдержанное вино, а настоящая наркотическая смесь, проникнутая ароматами и энергией, которыми даже в помине не обладала кровь искусственных животных. Но было и кое-что другое.

Тревожившие Германа мысли об ушедшем друге неожиданно стали ярче и объемнее, словно в голове мужчины кто-то включил проектор, и перед его мысленным взором вдруг замелькали какие-то странные картинки. Больше всего это походило на чужие воспоминания, будто Герману прямо в голову транслировали отрывки из чьей-то памяти без его на то желания.

Он опустил взгляд на свои руки. Кожа почему-то стала смуглей, а в пальцах правой руки он держал нож, испачканный в крови. Герман перевел взгляд на нечто необычное прямо перед собой: вокруг были высокие металлические стены, посреди комнаты стоял стол, а за ним сидел Жека, избитый и связанный; его изувеченные руки лежали на столе, а под ними растекалась лужа крови.

— Думаю, твой дружок оценит такое послание! — вырвались чужие слова изо рта Германа. И его собственная рука поднялась до уровня глаз. Отрубленный мизинец с золотой печаткой держали чужие смуглые волосатые пальцы.

Герман заорал от ужаса, пытаясь понять, что с ним происходило, и сразу же морок перед глазами рассеялся, будто его совсем и не было. В руках не оказалось ножа и мизинца, а Жека по-прежнему лежал на полу без признаков жизни. Никакой комнаты, никаких голосов.

«Проклятье! Это были чужие воспоминания! Воспоминания Султана!»

Он еще несколько минут переводил ошеломленный взгляд со своих ладоней на труп Жеки и на обрыв, с которого совсем недавно упало тело Золтана. Поверить в произошедшее было сложно.

«Кровь… Я сделал глоток его крови и сумел увидеть часть его памяти… Это немыслимо!»

Выходило, что все те случайные всполохи воспоминаний, что приходили к Герману и во время недавнего боя и схватки на подпольной арене — это все было следствием пары капель собственной крови, попавших на язык.

«Неужели зараженные способны вместе с кровью поглощать и память? Тогда почему Альберт ни слова не сказал об этом?»

Вопросов было слишком много. Они теснились в голове, путались между собой и пугали Германа. Теперь он уже ни в чем не был уверен. Его картина мира рушилась стремительнее, чем это было в тот переломный день, когда он сам стал вампом. И единственным, кто мог ответить на все его вопросы, был Альберт. Надо было немедленно возвращаться в штаб.

Герман вздрогнул, вспомнив, что в паре метров от него лежал Жека. Он неуверенно приблизился к телу, будто не желая видеть своего катмена таким — безжизненным, с остекленевшим взглядом и с изувеченными руками.

— Ты не должен был жертвовать собой, друг… Это из-за меня начались все эти проблемы, из-за моей гордыни. Если бы я не решил тогда на ринге, что никто не смеет мне указывать, как распоряжаться моей собственной жизнью, то ничего этого бы не было…

Сжав губы, Герман присел на одно колено и положил руку на лоб катмену.

— Я повинен в твоей смерти, во всей этой боли, которую ты вынужден был вытерпеть, пока я скрывался от Султана. Прости меня… Прости меня, друг…

Он медленно провел рукой над распахнутыми глазами Жеки, закрывая ему веки, а после поднялся на ноги и ушел, не оборачиваясь.

Глава тринадцатая
Сердце и голова ассоциации

Шатаясь, Герман брел по пустой улице по направлению к зданию театра. Тело двигалось, как заведенное, самостоятельно определяя путь и машинально переставляя ноги. Мужчина не обращал внимания ни на редких прохожих, ни на собственный внешний вид, ни на поздний час. А вот в голове хаотично метались мысли, пытаясь собраться во что-то цельное.

Неожиданно открывшаяся способность вампов пугала и восхищала его одновременно, ведь Герман даже подумать не мог, что такое возможно. Стыдно сказать, он столько недель пребывал в неведении, продолжая послушно питаться кровью животных и даже не любопытствуя, какой на вкус может быть чужая человеческая кровь, и за все это время ни разу в его голове не родилось подозрений, что Альберт мог намеренно скрывать от него свойства людской крови. Этот манипулятор постоянно что-то недоговаривал, не желал объяснять или же отмахивался от него расплывчатыми фразами, а Герман ведь и не особенно старался добиться какой-то информации. Каждый раз он тешил себя наивной надеждой, что осталось потерпеть еще совсем немного, и работа закончится, Альберт отпустит его… И не задавал лишних вопрос, не желая глубоко влезать в дела В.А.М.П., не хотел забивать себе этим голову.

Зря, как оказалось.

Впереди замаячили знакомые двери театра, и Герман замедлил шаг. Сколько раз он вечерами возвращался в штаб, распахивал эти сворки и думал, что скоро он распрощается с этим странным местом. А теперь он ощущал, как все туже и туже затягивались у него на горле цепи, связывавшие его с театром.

По обе стороны от дверей виднелись старые покрытые слоем грязи металлические руки, некогда державшие козырек, а теперь — лишь проеденный ржавчиной каркас. Прямо над створками можно было разглядеть буквы названия, заросшие какими-то сорняками, частично отвалившиеся и покосившиеся, они тем не менее все еще складывались в слова.

«Театр Луны», — с трудом прочитал Герман вывеску.

Театр, где спектакль никогда не заканчивался.

Он уверенно толкнул дверь и переступил порог убежища самых опасных обитателей столицы.

На четвертом этаже, как и всегда, царила тишина, тьма и запустение. И чем ближе Герман подходил к кабинету Альберта,

тем злее он становился. Наложилась смерть друга, усталость, тяжелый бой в «Синем зубе» и водоворот мыслей в голове, никак не желавший утихать. Гнев требовал высвобождения, и, видимо, именно Альберту суждено было столкнуться с этой бурей.

«Значит, заперся у себя тут, на вершине мира, богатенький щеголь! Отгородился от всех, чтобы его не дай бог не приняли за простого смертного, и плетет свои коварные замыслы, управляя послушными марионетками, навроде меня! Что еще он скрывает от простых вампов, вовлеченных в его хитроумные схемы?! И к чему все эти планы в конечном итоге ведут?!»

С размаху впечатав кулак в дверь кабинета, Герман принялся со всей силы дубасить по ней.

— Открой, Альберт! Открой немедленно!

Когда-то он уважительно относился к главе ассоциации, даже немного побаивался его. Особенно после случая на парковке, когда Альберт с небрежной элегантностью искалечил людей Султана одного за другим. Но вот теперь все это восхищение и трепет куда-то улетучились.

— Альберт! Черт бы тебя побрал! — прорычал Герман, мыском ботинка пиная дверь. — Если ты сам не проснешься и не откроешь, то я выбью косяк!

Но из кабинета не раздавалось ни звука в ответ. То ли главарь вампов так глубоко спал, то ли не хотел в два часа ночи связываться с разъяренным боксером.

— Ты обманывал меня все это время! Недоговаривал и врал! Я хочу услышать всю правду об ассоциации, Альберт! И хочу услышать ее именно от тебя!

Кулаки барабанили по двери, наполнив весь этаж оглушительным стуком. Створки дрожали, но не поддавались.

— Мой друг погиб сегодня из-за меня! Мой друг умер! И, если бы я знал раньше, что человеческая кровь дает такую силу, энергию и такие способности, то, возможно, я бы смог его спасти!

Боксер уже не контролировал поток своей речи, он не был уверен в том, что кричал в гладкие деревянные доски, выплескивая все накопившиеся на душе мысли.

— Герман! — окликнул его кто-то из-за спины. — Эти знания ничего бы не изменили, поверь.

Резко развернувшись, мужчина прищурился, пытаясь в темноте разглядеть, кто же стоял в паре метров от него. Щелкнула кнопка голосмартфона, и синеватая проекция высветила во мраке худощавое лицо и шею Дантиста. Он был без своих привычных очков и халата с шапочкой — лишь в растянутых трениках, темно-синей футболке и с белой кружкой в руках.

— А, это ты… — стушевался Герман и сразу же отвернулся обратно. — Прости, но я намерен достучаться до Альберта.

— Его сегодня нет в штабе. Не спрашивай, где он бродит. Сам не в курсе, — пробормотал Док, прикладываясь к кружке и делая большой глоток. — А вот ты знатно расшумелся на все здание. Я со второго этажа услышал, как ты тут орешь. Не буди народ.

— Прости, Дантист… Сегодня я не в себе.

Медик хмыкнул, отер тыльной стороной руки свои губы, испачканные в густой крови.

— Я невольно подслушал твою тираду, Герман. И, как я уже сказал, знания о способностях вампов ничего бы не изменили. Друга ты бы вряд ли смог с их помощью спасти, хоть я и не знаю всей истории, а лишь предполагаю. И даже словесная перепалка с Альбертом ничем тебе не поможет.

— Почему? — едва слышно спросил боксер, вновь поворачиваясь к Доку.

— Пойдем подышим воздухом. И там договорим, Герман.

Махнув рукой боксеру, Дантист развернулся и двинулся обратно по коридору, выключив свой голосмартфон. В темноте они дошли до самого конца и нырнули на небольшой балкон, выходивший прямо на улицу Малая Ордынка, непривычно пустую в это время суток. С четвертого этажа открывался дивный вид на окрестности: пунктирная дорожка из фонарей и проекционных пешеходных переходов убегала далеко за границы видимости; горели мягким светом окна в отдельных домах и яркими неоновыми отблесками притягивали взгляд вывески круглосуточных баров и забегаловок. Иногда в воздухе можно было заметить редких курьерских дронов, и шум их пропеллеров был единственным, что нарушало тишину ночи.

— Не стану отрицать, Альберт всегда вел свою игру. Даже когда он занял должность главы ассоциации, то так и продолжил скрытничать, утаивая свои реальные цели. Меня всегда это настораживало. Может быть, именно потому я до сих пор с сомнением отношусь ко многим его проектам и действиям. Во всех них будто чувствуется какая-то фальшь… Но мне не удается поймать его на использовании ассоциации и вампов для получения собственной выгоды.

— Но если ты его подозреваешь, то почему вообще позволяешь ему держаться на этом месте главы? — раздраженно спросил Герман. — Он утаивает просто несметные объемы информации, умалчивает об основных, казалось бы, способностях своих подчиненных, ни с кем не делится планами. Он отказался помочь мне, когда я его просил! Ему совершенно плевать на вампов!

— Успокойся, — строго попросил Дантист, делая глоток из кружки. — Не скажу, что ему совсем уж плевать на его людей. Иначе ему бы просто не позволили так долго возглавлять В.А.М.П… Все же в этом его не упрекнешь — иногда его операции приносили в нашу обитель благо. Но и в твоих словах есть доля истины: он воспринимает своих подчиненных как мясо, будто всем здесь есть замена. И потому не собирается раскрывать карты перед всеми подряд. Он никогда не тратит свое время на решение чужих проблем.

Герман вдохнул ледяной ночной воздух и медленно выдохнул. Когда Док так внимательно смотрел на него своими проницательными серовато-синими глазами, то боксер всегда терялся, весь его гнев улетучивался, будто перед этим невозмутимым бесстрастным человеком ему стыдно было демонстрировать свою несдержанность.

— Альберт всегда просил меня и многих других вампов первое время не говорить новичкам о вкусе человеческой крови и тех способностях, что она дает. Он никогда не объяснял почему, просто отдавал приказ, но я предполагал, что Альберт беспокоился о безопасности. Новые инфицированные могли опьянеть от этого вкуса, впасть в буйство, желая добыть еще больше крови. Это сводящий с ума наркотик. К тому же чужие воспоминания лишь делают этот напиток опаснее: вампы пьют память жертвы, поглощая любые ее кусочки, даже недоступные самому владельцу — забытые, утраченные и размытые. Мы погружаемся в мир жертвы, растворяемся в ее крови и воспоминаниях, утрачивая понемногу самих себя.

— Не знаю, так ли это на самом деле, Дантист. Но одно я тебе скажу с уверенностью. Теперь я понимаю, почему с такими способностями всех зараженных вирусом мутировавшей анемии подвергают утилизации без отлагательств…

— Верно. Это сила, способная перевернуть всю действующую система мира с ног на голову. Одна случайная мутация, которая стала причиной появления сверхлюдей в современном обществе.

Дантист облокотился на перила балюстрады, вглядываясь вдаль. Его взгляд медленно скользил по крышам ближайших домов, будто те могли дать ответы на все вопросы.

— Почему ты позволил Альберту занять должность главы? — все же спросил Герман. — Тот путь, по которому он ведет ассоциацию — это гибельный путь. Даже я, человек пробывший в штабе совсем немного, понимаю это.

— Думаешь, я это не понимаю? — неожиданно резко ответил Док. — Я уже говорил тебе: когда-то я выбрал путь ученого и с радостью сбагрил заботы об управлении ассоциацией на голову

Альберту. Меня тяготила власть. Это нелегкое бремя, нести которое под силу немногим, потому что оно всегда сопряжено с большой ответственностью. Она тяготит меня и сейчас, вот только я с ужасом наблюдаю за тем, как человек, в руки которому я отдал В.А.М.П., превращает ассоциацию во что-то пугающее… И я не хочу, чтобы это произошло!.. Я хочу этому помешать! Ведь все вампы здесь — это моя семья. Кого-то я не раз спасал от смерти, другим помогал с выбором в жизни. Все они для меня не чужие люди.

Герман вплотную приблизился к Дантисту и навис над ним.

— Тогда почему ты не уберешь Альберта? С его темными делами и тайнами ассоциация долго не протянет, что бы там ни считали остальные. Рано или поздно он начнет расшвыриваться людьми направо и налево, жертвуя десятками вампов, как было с Тимуром, например. Ты создавал ассоциацию, чтобы помочь людям с вирусом. Он же лишь использует зараженных в личных целях, прикрываясь сказочками и ложью.

— Я хочу сместить Альберта. Хочу. Но… Не могу. Я недостаточно смел для этого, Герман, — тихо произнес Док.

— Это пустые отговорки. Если бы ты действительно беспокоился за членов своей семьи, то не стал бы прислушиваться к своей трусости, — резковато ответил боксер, отступив на шаг.

Немного помолчав, медик глухо заговорил:

— Когда я отдавал ассоциацию в руки Альберту, то он казался мне хорошим парнем. Амбициозный, целеустремленный, не боящийся ответственности. Эти качества выдавали в нем лидера. Но со временем я стал замечать, что за маской сноба скрывается человек, озверевший от желания отомстить отвернувшейся от него семье и вернуть положенное ему место в обществе. Он долго жил в богатстве, чтобы так легко от него отказаться. И этот разваливающийся театр вряд ли когда-то сможет заменить ему роскошный особняк и штат прислуги.

— Значит, когда он добьется своего, то попросту забудет о вампах и ассоциации, как о дурной странице своей жизни.

— Да, думаю, так и будет. — Док понуро кивнул.

— Значит, надо остановить его, пока это не случилось, — четко по слогам произнес Герман. — И вряд ли кому-то еще это под силу, кроме тебя, Дантист. Подумай над этим на досуге.

Он развернулся, намереваясь уйти с балкончика, но Док неожиданно схватил его за локоть, вынуждая остановиться.

— Мне не справиться одному.

Во взгляде его серо-голубых пронзительных глаз читалось смятение.

— По крайней мере, на меня ты можешь рассчитывать, —

пообещал Герман. — Но думай скорее, потому что, как только закончится моя работа на Альберта, то я уеду из города. И вряд ли еще когда-нибудь сюда вернусь. Затаюсь до конца жизни.

Док кивнул, подтверждая, что услышал каждое слово собеседника, а после отпустил локоть Германа. Тот махнул рукой на прощанье и быстрым шагом покинул балкон, намереваясь хоть немного отдохнуть после тяжелого дня и еще раз все как следует обдумать.

Дантист остался стоять в одиночестве, облокотившись на перила и бессмысленно вглядываясь в темноту ночи. Он чувствовал, как ответственность вновь мягко легла ему на плечи незримым пологом.

В общей спальне властвовала тишина. Большинство коек было занято, и Герман даже с удивлением обнаружил Вики, в кои-то веки спавшую в своей кровати, а не на рабочем месте. Стоило боксеру зашуршать, раздеваясь и забираясь под одеяло, то женщина мгновенно проснулась и заворочалась.

— Герман, ты чего так поздно? — сонно спросила она.

Разговаривать с Вики не очень хотелось. Мало того, что наложились все проблемы прошедшего дня, так Герман до сих пор еще и не мог понять уровень близости, установившийся между ним и женщиной. Вторжение в ее компьютер отбросило Германа на несколько шагов назад в формировании отношений, выставив подлецом в глаза Вики, и с тех пор он отдалился от нее, предпочитая выдерживать дистанцию, чтобы еще больше не усложнить ситуацию.

— Герман, ты чего молчишь? Устал сильно? — не дождавшись ответа, поинтересовалась Вики.

Отвернувшись к стене, боксер накрылся одеялом с головой.

— Устал. Извини, нет желания болтать, — тихо ответил он. Не из обиды, нет. Просто действительно не хотел делиться смертью друга с Викторией и выслушивать ее утешения. И уж тем более даже не думал говорить с ней об Альберте, ведь она всегда относилась к главе ассоциации с уважением и даже трепетом.

— Ясно… Я просто хотела рассказать тебе, что мне сегодня Елена звонила, просила передать привет. Сказала, что скучает и хотела бы тебя услышать, как будет время.

Герман на это ничего не ответил. Но Вики, кажется, и не ждала его ответа, а просто тихо говорила.

— Знаешь, мы с ней теперь часто стали созваниваться. Сначала она все только о тебе спрашивала, осторожно пыталась узнать, кто я такая. — Женщина хмыкнула. — А теперь почти через день с ней болтаем фоном по вечерам. Иногда просто ни о

чем, хотя чаще она мне рассказывает о сыне.

Вики заворочалась шумнее, поправила подушки и легла удобнее.

— Этот твой племянник такой молодец. Хотела бы я с ним вживую познакомиться.

Герман не закрывал глаза, чтобы не заснуть, а лишь мозолил взглядом гладкую поверхность стены. Он невольно ловил каждое слово Виктории, но так и не повернулся к ней лицом.

— Я, вообще-то, совсем другое хотела тебе сказать, Герман, — еще больше понизив голос, проговорила женщина. — Знаешь, я столько дней размышляла над феноменом твоего появления в моей жизни. Я ведь давно уже не молода, но ты заставил меня вновь взглянуть на себя как на желанную и вполне привлекательную женщину. И за это я, можно сказать, тебе очень благодарна…

«К чему это она ведет?»

— Твой поступок с компьютером тогда выбил меня из колеи на некоторое время, и я обещала тебе, что трезво осмыслю все произошедшее, чтобы вынести вердикт. И теперь, наверное, я готова забыть обо всем этом. Вообще-то именно Елена очень помогла мне разобраться в себе и тех чувствах, что я к тебе испытываю…

Она замялась, пару раз судорожно вздохнула и опять заворочалась.

— Потому я хотела сказать тебе, Герман, что я еще надеюсь начать с тобой все с начала, махнув на все эти негативные воспоминания с компьютером. Ты мне очень симпатичен…

В ее голосе слышалась плохо скрываемая надежда. А Герман мог лишь крепко зажмуриться и подумать о том, что, пока он втянут в дела Альберта и назревавшую войну между этим франтом и Дантистом за главенство в ассоциации, говорить о начале каких-либо отношений было опрометчиво. Викторией и ее чувствами могли воспользоваться, а Герман не хотел, чтобы этой хрупкой женщиной помыкали. На войне нет места любви.

— Прости, Вики. Я устал и хочу спать, поговорим утром. Спокойной ночи, — едва слышно произнес боксер, сам себя ненавидя за эти сухие слова. Но так было лучше для всех: пока его дела не завершены, он не будет думать о Виктории, да и она сама не будет отвлекаться на него. Она поймет. Она должна понять.

Судорожный вздох то ли разочарования, то ли огорчения раздался из-за спины Германа, и только через минуту Вики все же выдавила из себя:

— Спокойной ночи.

От ее тона веяло обреченностью. И Герман лишь сильнее зажмурился, ненавидя себя.

Спать не хотелось вовсе. Перед глазами Германа все еще стояло неживое лицо Жеки. Он так и не успел ничего сказать перед своей смертью, лишь безрассудно бросился под смертельный разряд. И боксер даже представить себе не мог, сколько страданий до этого перетерпел верный катмен. Сколько дней Султан пытал его?

«Это жирный ублюдок заплатил за свои грехи. И пусть его смерть теперь на моей совести, а его кровь на моих руках, но за гибель Жеки я ему отомстил».

На соседней койке в который раз на ночь завозилась Вики. В этот раз она спала тревожно, и Герман чувствовал, что винить в этом он мог лишь себя. Однако теперь причиной ее пробуждения стало нечто другое: слабое синеватое сияние озарило часть комнаты. В середине ночи кто-то решил позвонить женщине на голосмартфон, разбудив ее.

— Алло, да, — сонно пробормотала Виктория.

Герман прислушался.

— Нет, я не сплю, Альберт… Так, прилегла на часик отдохнуть. — Она зевнула. — Да, да. Сейчас же вернусь за компьютер. Дай мне минуту.

Свесив ноги с кровати, женщина пыталась нащупать свою обувь.

— Я тороплюсь, как могу. О чем ты говорил? Видео?..

Обувшись, Виктория вяло побрела к выходу из спальни, на ходу продолжая о чем-то расспрашивать Альберта:

— Я все поняла. Смонтировать и отправить нанимателю с паролем… Да, попытаюсь сделать побыстрее… Когда ты вернешься с операции?

Вики свернула в коридор, и теперь Герман почти ничего не слышал. Несколько секунд он еще лежал в кровати, раздумывая над тем, стоило ли заниматься подглядыванием, но какая-то внутренняя чуйка подсказывала ему, что упускать из внимания такое все же не стоило. Возможно, это был его единственный шанс узнать наконец хоть что-то о деятельности Альберта и некоем таинственном нанимателе, о котором упомянула Вики.

Он бесшумно выбрался из кровати, натянул сброшенные ранее брюки и рубашку, обулся и медленно направился следом за Викторией на второй этаж.

— Ты помнишь, что завтра еще захват? — раздался из конца коридора голос женщины. Герман шел на него, как на свет маяка, стараясь не шуметь.

— Федя подготовил снотворные инъекции и препараты амнестического действия. Я с ним говорила сегодня.

Отперев ключом дверь своего кабинета, который раньше она никогда не закрывала, и перевернув табличку, Виктория скользнула в темноту своего компьютерного логова, а Герман короткими перебежками добрался до конца коридора. Он подождал полминуты, тщательно прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся изнутри, а после медленно надавил на ручку двери. Замок с легким шуршанием стал открываться. Герман не торопился, он беззвучно опускал ручку вниз, пока металлический язычок полностью не выскочил из паза. И только тогда потянул дверь на себя, открывая ее буквально на несколько сантиметров.

Виктория уже забралась в компьютерную кабину и включила мониторы, осветившие пространство комнаты неярким мягким светом. Герману открывался отличный вид на все, что происходило на экранах, к тому же сама женщина не могла его видеть.

— Да, я нашла файл. Он пришел.

На одном из центральных мониторов открылась видеозапись, явно снятая с голосмартфона, судя по тряске и расположению камеры.

— Что ты хочешь, чтобы я вырезала? Начало захвата?

Промотав на минуту вперед, Виктория остановила видео, внимательно прислушиваясь к тому, что говорил ей на ухо Альберт по голосмартфону.

— Поняла. Начало и большую часть до гостиной комнаты. Я сделаю и позвоню тебе, как закончу.

Отключившись от Альберта, Вики развернула видео на весь экран и запустила его с самого начала.

Темноту разрезал всполох яркого света. Камера включилась. Через встроенные в кресло Виктории динамики раздался четкий приказ:

— Заходим через веранду на заднем дворе.

Голос определенно принадлежал Альберту, и, судя по всему, съемка велась именно с его голосмартфона. Все происходило на улице, то ли в каком-то парке, то ли в саду. Подробнее что-то рассмотреть было невозможно, поскольку вокруг стояла густая ночная темнота.

— На вас двоих охранник в коридоре. Ты обходишь дом и нейтрализуешь того, что патрулирует территорию у главных ворот. Нам нужно прикрыть тылы.

Альберт раздавал указания спокойным голосом. Возле него стояло около пяти вампов в черном снаряжении, из-за которого в ночи их очень трудно было разглядеть. Лица закрыты тканевыми

масками.

— Начали, — тихо скомандовал глава, и вся группа бесшумно двинулась вперед, пролезая через какие-то густые кусты.

Через пару секунд растительность закончилась, и они оказались во дворе частного дома. Высокий особняк мерцал в темноте желтоватыми окнами. Вокруг него раскинулся сад с подстриженным газоном, аккуратными деревьями с обрезанной кроной, прогулочными дорожками и несколькими беседками. Группа, не издавая никаких лишних звуков, добралась до веранды. Там Альберт махнул рукой, давая условный знак нескольким вампам. Один скользнул во мрак, обходя дом и исчезая по другую его сторону, а еще двое подступили к двери, ведущей внутрь особняка.

Они достали круглое устройство с гофрированной резиновой прослойкой по краям и приклеили его прямо на дверной замок. Устройство загорелось мягким белым светом, на небольшом экране появились цифры, и вампы стали что-то настраивать. Пока они пытались взломать замок, вернулся тот человек, которого Альберт отправлял устранить охранника у главного входа.

— Сделано, босс.

Альберт кивнул, и как раз в этот момент щелкнул дверной замок, открываясь. Взломщики сняли устройство и беззвучно распахнули дверь, ведущую внутрь дома.

— Камеры, — неслышно проговорил главарь и ткнул кого-то рядом с собой в плечо.

От группы отсоединился один из вампов, держа в руках небольшой портативный компьютер. Он шагнул в неосвещенную комнату и медленно вдоль стены двинулся к камере в сферической прозрачной капсуле в самом углу. Стоило вампу оказаться рядом, как он установил на пол компьютер, достал несколько шнуров и в полной тишине принялся подключать провода, связывая камеру и свой компьютер. Вскоре красная лампочка погасла, а вамп удовлетворенно кивнул и закрыл свое рабочее устройство.

— Готово, — вернувшись к Альберту, проговорил его подчиненный. — Я заставил систему сбросить все программное обеспечение и начать его устанавливать заново. Это часа на три. Пока камеры будут отключены.

— Хорошо. Вы двое идете вперед. Уберите последнего охранника, — шепотом скомандовал Альберт.

Двое вампов растворились в полумраке комнаты, оказавшейся просторной кухней, и вышли в слабо освещенный коридор. Их не было несколько долгих томительных минут. Все это время в остальной группе царила тишина. Никто не

разговаривал и не двигался.

Наконец впереди в проходе показался чья-то рука, которая призывно помахала. Альберт сразу же молча указал своим подчиненным на нее, кивнул, и вся группа двинулась в ту сторону.

Они пересекли кухню, быстро прошли широкий пустой коридор, подсвеченный встроенными в полупрозрачные стены узкими неоновыми лампами. В пустоватом холле группа шагнула на лестницу, ведущую на верхние этажи. Здесь Альберт предупредил всех замедлиться и соблюдать абсолютную тишину. По ступеням поднимались долго и неторопливо, не производя никакого шума.

Наверху Альберт вжался в стену, прислушиваясь к чему-то, а после осторожно высунулся из-за угла. Здесь была просторная гостиная с искусственным камином, широким аквариумом, занимавшим практически всю стену напротив и несколькими креслами, расставленными по всему периметру комнаты. В одном из них, спиной к выходу, сидел какой-то седоволосый человек в халате, заинтересованно читавший сводку новостей на своем голосмартфоне.

Он расслабленно растекся по креслу, закинув ногу на ногу и покачивая мыском в такт своим мыслям. Рядом с ним на столике стояла бутылка коньяка и почти опустевший стакан.

Альберт повернулся к одному из своих подчиненных и жестами о чем-то попросил. Вамп кивнул, выудил откуда-то из поясного футляра шприц с короткой иглой. После главарь чуть отступил назад, позволяя еще двум теням из своего отряда подобраться к самому входу в гостиную. Они плавно и совершенно неслышно по шагу стали придвигаться к креслу и сидевшему в нем человеку, даже не подозревавшему, что к нему в тот момент подкрадывались.

Когда до цели оставалось сделать всего шаг, вампы по едва заметному сигналу резко бросились вперед, хватая седоволосого мужчину за руки и засовывая ему какой-то самодельный кляп в рот. Человек, абсолютно не ожидавший ничего подобного, успел лишь испуганно вскрикнуть, прежде чем вампы скрутили его своей стальной хваткой и заткнули рот. И теперь он беспомощно сидел в кресле, широко распахнув глаза от ужаса и не мог даже пошевелиться.

Альберт быстро приблизился к жертве, не теряя времени, рванул на себя воротник халата, открывая шею и затылок. Камера практически вплотную оказалась прижата к коже седоволосого мужчины, и Герман, безмолвно наблюдавший за всем происходившим на видео, догадался, что Альберт укусил этого

человека в шею сзади, где-то в районе основания черепа. Пил кровь он совсем недолго, всего пару секунд, пока обезумевший от ужаса и негодования мужчина в халате пытался вырваться или хоть как-то отстраниться.

Стоило Альберту отступить, удовлетворенно хмыкнув себе под нос, как рядом мгновенно оказался вамп со шприцом, который немедля ввел лекарство рядом с двумя кровоточившими точками укуса. И седовласый человек вдруг сделал шумный тяжелый вздох, а после опал на кресло. Удерживать его сразу же перестали. Все засуетились вокруг шеи жертвы: вкололи еще какое-то лекарство, смазали ранки белой мазью и быстро наклеили два полупрозрачных куска лейкопластыря, одного из тех, что самостоятельно растворялся на коже, сращиваясь с ней.

— Пароль от мультивалютного счета у нас, — больше не понижая голос, произнес Альберт.

Спавшему человеку поправили одежду, вытащили кляп. Его расслабленно усадили в кресле, в руку вложили бокал с коньяком, часть специально пролили на халат и пару капель — на губы. На голосмартфоне по-прежнему горела лента новостей, и ее не стали закрывать.

— Готово, босс. Будто перебрал и отрубился сам.

— Отлично. Наша работа выполнена. Уходим.

На этом видеозапись резко оборвалась, погрузив рабочий кабинет Вики в тягостную тишину.

Герман практически не дышал с самого начала видео. И теперь, когда оно закончилось, то боксер все еще не мог прийти в себя.

«В.А.М.П крадут личные сведения и информацию из памяти людей и продают их заказчикам!»

Несколько минут, пока мужчина судорожно пытался осознать этот факт, Вики монтировала видео, вырезая лишние эпизоды. Почти сразу же, как закончила, она набрала Альберта через компьютер.

— На связи, — мгновенно раздался в динамиках серьезный голос главы ассоциации.

— Я закончила с видео. Готова отправлять.

— Хорошо. Записывай тогда пароль. Y_9Jn26*m1K+33W.

Вики спешно стала набирать на экране диктуемые цифры, буквы и знаки.

— Записала.

— Отправь заказчику вместе с видео. И оставь пароль для нас тоже. Нужно будет и себе выписать небольшую премию с этого счета, пока его не обнулили.

— Угу.

— Работай, — бросил Альберт напоследок и завершил вызов.

«Неужели все это время цель ассоциации по защите инфицированных была лишь иллюзией? А на самом деле они — это просто преступная организация, пользующаяся своими способностями для незаконных операций и обыкновенного воровства? И я помогал им…»

Эта мысль привела Германа в ужас, он пошатнулся, схватившись рукой за косяк. Тот предательски скрипнул, и Виктория мгновенно обернулась на этот звук.

— Герман… — потрясенно выдохнула она. — Неужели ты все видел?

Он ничего не ответил. Просто развернулся и как можно скорее покинул этаж, а после и театр.

Глава четырнадцатая
Миссия перед самим собой

До самого утра Герман просто бродил по улицам ночной Старой Москвы, заглядывал в витрины закрытых магазинов, подолгу лежал на ледяных лавках в скверах и парках. Он продрог до самых костей под колючим осенним ветром, но его это мало беспокоило. Побег из театра был малодушным поступком, вот только ничего иного мужчине не хотелось сделать в тот момент, когда Виктория обернулась и поняла, что он все видел.

Запечатленная на камеру операция, проводимая под руководством Альберта, внесла сумбур в его мысли. Но еще Герман был очень зол на себя, ведь он мог догадаться обо всем этом гораздо раньше: все дела ассоциации были засекречены, множество вампов было внедрено в различные системы и структуры города, к тому же у В.А.М.П. имелись хорошие деньги, судя по личным апартаментам Альберта, высококлассному оборудованию Виктории и Дантиста. Общество ненавидело вампов за их звероподобное стремление к крови и за наличие способности поглощать воспоминания, которая могла навести хаос в мире. Вампы же в ответ искренне и открыто ненавидели общество, выполняя заказы влиятельных нанимателей и воруя личные данные людей. И именно Альберт заправлял всем этим.

Любой пароль, любая тайная информация, кодовое слово или комбинация цифр на двери сейфа за один вечер могли оказаться в руках вампов. Один укус, один глоток крови, который мог сказать о человеке практически все. А после вампы заметали следы и растворялись, унося с собой ценнейшие сведения и задорого их продавая. В мире нулей и единиц, где информация была самой значимой валютой, вампы стали вирусом, способным проникнуть куда угодно и забрать любые данные.

«Дантист основал ассоциацию, чтобы помочь людям жить с приобретенным вирусом, а Альберт превратил ее в преступную группировку, которая, очевидно, намерена выбить для себя наилучшее место под солнцем и прослыть в городе одной из самых опаснейших и влиятельных организаций. Если она уже это не сделала. Ведь Султан перед смертью говорил что-то такое про «инфососов» и «работу, за которую они берутся». Наверняка услуги вампов на теневом рынке должны быть весьма и весьма востребованными».

Больше всего Германа печалило, что он совершенно не понимал, как ему стоило жить дальше со всей этой

новоприобретенной информацией. Как ему теперь смотреть в глаза Виктории и уже тем более Альберту? Ведь он не желал становиться одним из них — преступников, крадущих кровь и память людей. Но в то же время ассоциация уже глубоко вросла в него своими корнями, втянув в некоторые незаконные операции и раскрыв многие свои тайны.

Бежать Герману было поздно. Да и не был он уверен, что это бы помогло ему скрыться. Он пытался сбежать и спрятаться от Султана, а в итоге это привело к тому, что пострадали невиновные — его сестра и друг. Вряд ли бы Альберт стал действовать как-то иначе. Нужно было принять бой, несмотря на неравные условия. Слишком долго Герман сбегал: от самого себя, от поражений в спорте, от проблем. Его жизнь была лишь в его руках, нужно было сжать кулаки и в бою отстоять свое право на существование.

Прошлым вечером Дантист говорил, что желает избавить ассоциацию от ига Альберта, и боксер даже обещал ему с этим помочь. И, кажется, теперь это становилось все более актуальной темой. Оставалось лишь надеяться, что у Дока был хоть какой-нибудь план.

Когда на улице стало куда светлее, Герман заметил, что случайные прохожие стали на него оборачиваться все чаще и чаще. Еще бы. Он окончательно продрог и имел вид крайне растрепанный. Как только открылись первые магазины, боксер не глядя заскочил в какой-то по пути, купил свежую рубашку и новый пиджак, расплатившись портативным кошельком, завалявшимся в кармане брюк. Все же ему еще нужно было работать в этот день, а являться в офис в таком неприглядном облике было категорически нельзя.

Нужно было не подавать вида, что Герман намеревался помешать планам Альберта и лишить его власти в ассоциации. Этот франт был умным и подозрительным. Значит, боксер должен был и дальше соблюдать правила игры: молчать и делать свою работу, пока Дантист бы не дал каких-то более точных указаний.

В этот день у Дамира Игнатьевича расписание было достаточно свободным. Лишь в обед состоялось очередное заседание внутреннего совета руководителей, и на вечер была назначена встреча с тем самым депутатом — Шамилем Магомедовичем — для обсуждения некоего негласного законопроекта. И на протяжении всего дня Герман, машинально выполняя свою работу, думал только об этом грядущем рандеву.

Даже когда он уже садился в служебный электромобиль вместе с Олегом, чтобы отвезти начальника в ресторан «Adam», то печать задумчивости не сходила с его лица. На автомате открыв

дверь для Дамира, державшего на руках Цезаря, Герман безразличным взглядом пробежался по ничего не выражавшему лицу своего начальника: оно было спокойно и чуть-чуть высокомерно, как и всегда, будто простая жизнь вокруг магната совершенно не тревожила.

Захлопнув дверь, Герман сел за руль, заводя двигатель. Электромобиль выехал с парковочного места возле главного входа в небоскреб «Осе» и влился в поток машин, спешивших по магистрали. Олег был непривычно молчалив: он только безучастно пялился в окно, постукивая пальцами по коленке. Герман его не трогал. У самого хватало проблем и тягостных дум, так что взваливать на себя еще и чужие совсем не хотелось. Но через десять минут тишины в салоне Олег неожиданно сам спросил напарника:

— У тебя было когда-нибудь так, что долго к чему-то стремишься, достигаешь, а потом раз, и находит какое-то опустошение?

Герман внутренне усмехнулся. Он догадывался, что рано или поздно такое произойдет с Олегом.

— Бывало, — ответил боксер. — Я же все-таки бывший спортсмен. Там такое сплошь и рядом. Тренируешься месяцами, готовишься к одному-единственному бою, из кожи вон лезешь, чтобы превзойти себя. Потом побеждаешь и все. Накатывает апатия. Ну, победил ты и что? Доказал силу себе, тренеру и противнику. А дальше-то что делать?

Олег оживился, почувствовав, что собеседник его понял.

— Вот-вот! — подтвердил он. — Что делать дальше? Понимаешь, ты ведь помнишь, я так хотел этой должности телохранителя у Дамира Игнатьевича добиться, работал, не покладая рук, настраивал себя на правильный путь. И вот раз, и моя мечта исполнилась. Вот он я! На вершине мира стою, возле самого влиятельного человека во всей Новой Москве. Да только что толку?

Парень откинулся на сиденье, глухо стукнувшись затылком о подголовник. Несколько секунд он молчал, а потом опять заговорил:

— В первое время я был счастлив, как никогда. Сколько бы еще лет я добивался своей цели? Наверное, уйму. А тут должность свалилась ко мне в руки буквально сама.

— Ну, да. Явно потратил бы еще пару-тройку лет.

— И все ведь здесь отлично, как я и думал. Хорошая зарплата, адекватные люди, условия класс, постоянно крутимся в каких-то роскошных местах. Тачка, опять же, огонь…

— Чего тебе тогда не хватает? — спросил Герман.

— А вот я и не знаю. — Олег понурил голову. — Понимаешь, моя цель достигнута. Я попал туда, где всегда хотел оказаться. И дальше мне расти некуда.

— Почему же некуда? Ты можешь спустя время перевестись в телохранители к кому-нибудь еще более видному человеку. Или открыть свое агентство по обеспечению безопасности.

— Я все это знаю. Но это просто движение вбок, понимаешь? А цель-то, цель уже достигнута! Я поднимался по лестнице на самый верх. И когда образный лифт мне помог туда добраться, то оказалось, что идти дальше некуда. Да, я на пике своих мечтаний, но теперь мне остается либо стоять там вечно, либо опять спускаться вниз. А вниз я не хочу.

— Значит, у тебя должна родиться новая цель, выстроиться новая лестница к очередной вершине, еще выше, чем та, которой ты уже достиг. Или же выбери иное направление, пусть чуть ниже, но доступнее.

Герман говорил все это, а сам думал над тем, а достиг ли он целей, которые когда-то ставил для себя. Раньше он горел лишь боксом, желая добиться в нем определенных успехов, но предательство тренера и один-единственный проигрыш на ринге смели все его надежды, отбросив к самому подножию лестницы. И теперь он, потерянный в жизни и ее проблемах, не знал, стоило ли ему еще раз пытаться карабкаться на очередную верхушку.

Он многое мог пожелать. Возвращения в профессиональный спорт, либо же хорошо оплачиваемую работу в Москве, серьезных отношений с Викторией или наступления мира в ассоциации вампов. Но ничего этого он не хотел по-настоящему сильно.

— Иногда лучше жить без цели, чем стремиться к чему-то низменному или доступному, — произнес Олег. — Это как размениваться по мелочам. А нужно хранить себя для великой мечты, до тех пор, пока она не появится. Даже если это никогда не произойдет.

Герман кивнул. То ли своим собственным мыслям, то ли словам напарника.

Электромобиль легко скользил по дороге в плотном потоке машин. До ресторана «Adam» оставалось не больше десяти минут езды, но боксер, ощущая внутреннюю тревогу, сжимавшую грудь кольцом, будто намеренно замедлял скорость, чтобы отдалить этот момент. Предстоявшая встреча Дамира Игнатьевича и депутата для Альберта была исключительно важным событием. Он явно если не знал, то предполагал, что содержалось в тексте подготовленного законопроекта, который владелец «Осе» надеялся незаметно протолкнуть на голосование в Госдуму, где инициативу единогласно бы одобрили подкупленные чиновники.

Это могло касаться вампов напрямую, а могло касаться лишь одного Альберта, который явно долго и кропотливо подбирался к Дамиру. И именно сегодня должен был состояться захват. Герман не был дураком и понимал, что в подслушанном им разговоре между Викторией и главой ассоциации мельком был упомянут именно захват Дамира. Это означало, что встреча в ресторане «Adam» должна была стать роковой для всех действующих лиц этой трагикомедии.

Слишком сильно отвлекшись на свои размышления о ставшем за пару дней ненавистным Альберте, Герман не заметил, как медленно машина перекочевала на боковую полосу и уже заехала одним колесом за дорожную разметку, разделявшую ее и выделенную полосу для самоходных платформ и транспортеров.

— Герман! — резко воскликнул Олег, первым это заметив.

Но было уже слишком поздно. Герман вздрогнул, возвращаясь в реальность, и крутанул руль в сторону, пытаясь увести машину с полосы. Одна из транспортировочных платформ, под завязку заполненная тяжелыми бетонными блоками, толкнула электромобиль в бок, разворачивая его и придавая ускорение. Пронзительно завизжали шины, и машина закрутилась на месте, потеряв направление. Олег кричал что-то невразумительное, упершись обеими руками в панель, а Герман, вцепившись пальцами в руль до посинения, старался как-то остановить кручение, вдавив педаль тормоза до упора.

И в этот самый момент откуда-то сзади на полной скорости в багажник въехал массивный черный электромобиль, водитель которого то ли не успел затормозить, то ли совершенно не смотрел на дорогу. Машину жестко тряхнуло от удара, послышался звон стекла и звук сминаемого металла. Из руля выстрелила подушка безопасности, со всей силы ударив Германа по лицу и заставив отключиться на несколько долгих секунд.

Когда он пришел в себя, то вокруг все было в молочном дыме, пахло гарью и свежей кровью. Как оказалось, кровь была его — подушка безопасности разбила нос, но зато металлический вкус мгновенно взбодрил Германа, приведя в чувство. Он с трудом отстегнул ремень, который прочертил через все его туловище болезненную алую полосу, впившись в кожу при резком торможении.

Повернув голову в сторону, Герман не сразу понял, почему Олега не было на соседнем сиденье. Лобовое стекло было разбито, а его молодой напарник вылетел на капот машины при столкновении. Он не был пристегнут и умер почти мгновенно, судя по огромных размеров луже крови, которая все еще продолжала сочиться из разбитой головы и множественных

порезов от осколков.

«Как же так вышло?..»

Он отвернулся, чтобы не смотреть в удивленно распахнутые и безжизненные глаза Олега. С трудом открыв покореженную дверь, Герман буквально вывалился из машины на асфальт. Вокруг уже начинали собираться люди: случайные зрители, водители. В воздухе кружили полицейские дроны, пытавшиеся оценить образовавшийся на дороге затор с помощью своих датчиков и сенсоров.

Герман с усилием поднялся на ноги, стерев кровь с лица рукавом пиджака. Кто-то указывал на боксера пальцем, другие пытались о чем-то спросить, но он, все еще оглушенный и соображавший лишь частично, только отмахнулся от чужих рук, стремясь скорее добраться до двери, ведущей в салон электромобиля.

Металлическая дверь была смята, стекло разбилось, и мужчине пришлось приложить всю свою силу, чтобы распахнуть ее. В лицо сразу же ударил тяжелый смрад крови, алкоголя и боли.

Внутри салона все было перевернуто вверх ногами. Стойка с алкоголем опрокинулась во время столкновения, алкоголь был разлит по полу, и всюду были разбросаны осколки. А один из них, достаточно крупный и толстый, торчал прямо из ключицы Дамира Игнатьевича, валявшегося на полу в луже собственной крови. Владелец «Осе» был еще жив и даже соображал: он что-то нашептывал себе под нос, не обратив внимания даже на Германа, выломавшего дверь.

— Прости меня, прости меня… — как обезумевший тихо бормотал Дамир одни и те же слова.

Не сразу боксер смог разглядеть, что его начальник лежал рядом с Цезарем. У бигля был сломан позвоночник. Его ноги были вывернуты совсем в другую сторону от верхней части туловища, но пес не скулил от боли и не выл. Он просто молча лежал в кольце рук своего хозяина, безучастно моргая и разглядывая заплаканное лицо Дамира.

— Пожалуйста, прости меня. Я забыл… Забыл о своей заветной цели, заигравшись в бога…

Этот могущественный человек, глава солидной компании, успешный бизнесмен и непреклонный управленец, плакал, как ребенок, дрожащей рукой поглаживая бигля по голове, стараясь не задевать его своими медвежьими когтями. И он не замечал, что пес уже полминуты как скончался, бока его перестали вздыматься, а глаза застыли. Дамир по-прежнему пальцами скользил по шерсти и нашептывал извинения.

И хоть Герману тоже было жалко Цезаря, но куда больше боксера волновала широкая лужа крови, растекавшаяся из-под Дамира. Стекло перерезало ему артерию под ключицей, и владелец «Осе» стремительно терял жизнь. Кожа его была белой, как снег, и силы уходили с каждой секундой.

«Я ничем не смогу ему помочь», — неожиданно ясно осознал Герман.

Дамир опустил голову на пол, прямо возле морды своего любимого пса, и закрыл глаза. Вряд ли ему оставалось жить дольше пары минут. Герман пробрался внутрь покореженного салона, царапая ладони об осколки, и подполз как можно ближе к своему начальнику. Запах крови будоражил его обоняние, дразня.

Мужчина опустил пальцы на горло Дамира, пытаясь уловить пульс. Тот был, хоть и очень-очень слабым. Герман сглотнул и все же решился.

Он поднес свое лицо практически к самому горлу Дамира, дал мысленный сигнал имплантам и вонзил удлинившиеся клыки в кожу магната. Едва горячая кровь коснулась его языка, все чувства Германа смешались. Волна чужих эмоций и воспоминаний оглушила его, погребя под собой, и боксер с трудом сумел не захлебнуться в ней. Кровь наполняла рот потоком силы и памяти.

«Я должен сосредоточиться. Мне нужна информация об этом законопроекте», — мысленно направил сам себя Герман.

Его взор помутился, и сразу же вокруг из пустоты поднялись высокие стены кабинета на восьмидесятом этаже небоскреба «Осе». Герман опустил взгляд вниз, на свои собственные руки — пальцы венчали толстые медвежьи когти. В этих воспоминаниях Дамир сидел перед своим компьютером. На экранах был текст законопроекта, который магнат неторопливо правил.

Глазами своего начальника Герман скользил по строчкам документа, пытаясь вникнуть в суть.

«…выдавать лицензию компаниям, дающую право в исследовательских целях проводить научные эксперименты над людьми…»

«…искусственное совмещение генов из ДНК людей и животных…»

«…для исследования уникальных искусственных вирусов и людей, обладающих специфическими физическими особенностями, появившимися вследствие заражения мутировавшими вирусами…»

Мысли Германа спутались в один тугой клубок. Чем глубже он погружался в чтение документа, тем страшнее ему становилось от осознания того, чего желал добиться Дамир.

«Мне нужно больше сведений! Нужен момент создания законопроекта!» — вынырнув из воспоминаний обратно в салон разбитого электромобиля, спешно подумал Герман, глотая новую порцию крови, обжегшую ему глотку.

И вон он уже в теле Дамира сидел напротив какого-то полного человека с залысинами на голове и маленькими цепкими глазами-бусинками. Вокруг раскинулся салон личного самолета с дорогими кожаными креслами, узорчатыми коврами и несколькими миловидными стюардессами, стоявшими чуть в стороне. За иллюминатором виднелись пышные облака, бескрайнее голубое небо и рваный горный рельеф где-то внизу.

— Так значит, тогда вам удалось выделить гены вампировой летучей мыши, отвечающие за гематофагию? — поинтересовался полный человек.

— Именно так, Шамиль Магомедович, — ответил Дамир. — Тогда мы отправили эти результаты в лабораторию к моему коллеге, мистеру Чарльзу Ричардсу в Лондон, и в скором времени его команда специалистов нашла способ, как можно вывести новый вирус, получивший название мутировавшего вируса железодефицитной анемии.

— Вы испытали его?

— Да. Но, к сожалению, результат вышел неудовлетворительным. Мы никак не могли ожидать, что инфицированные этим вирусом помимо доминирующей гематофагии получат еще и способность заимствовать воспоминания тех, чью кровь они потребляют.

— В каком плане заимствовать? — удивился Шамиль.

— Зараженные объекты для исследования научились через кровь проникать в память. И все воспоминания, поглощенные таким способом, становятся их собственными воспоминаниями.

— Удивительно! Почему же вам показалось это неудовлетворительным результатом?

К Дамиру подошла одна из стюардесс, неся на подносе пару бокалов. Мужчины взяли напитки и пригубили.

— В первую очередь потому, что я никак не ожидал появления подобной побочной способности. А во-вторых, в неконтролируемости этого умения заключалась большая угроза для нас.

— Я так понимаю, именно поэтому вы тогда и свернули проект?

— Да. Но вирус все равно сумел проникнуть за пределы лабораторий. И когда в Старой Москве стали появляться первые инфицированные, набрасывавшиеся на людей ради крови, то мне пришлось действовать решительно — направить в Госдуму

инициативу об отлове и утилизации всех зараженных. Это была действенная мера, поскольку последствия этого неудачного эксперимента могли изменить весь город и даже страну.

— Это был верный поступок, Дамир. Я знаю, что на том заседании вся верхушка была крайне обеспокоена случившимся, очевидно, что все понимали угрозу власти, которую несло появление в обществе сверхлюдей, способных через кровь получать практически любую информацию о человеке… Но, видимо, с тех пор свои эксперименты вы все же не прекратили полностью?

Шамиль одним большим глотком осушил свой бокал и со стуком опустил его на столик.

— Я был заинтересован в возможности создания похожих вирусов, которые могли бы наделить людей какими-либо иными способностями, похожими на чтение воспоминаний. Но более управляемыми, так сказать. Понимаете?

— Думаю, да. Вы именно поэтому заговорили со мной о разработке законопроекта, разрешающего опыты на людях? — поинтересовался Шамиль.

— Сейчас наши возможности весьма ограничены. Если так будет продолжаться и дальше, то мы практически не продвинемся вперед. Нам нужно достаточное количество объектов для экспериментов. И возможность в дальнейшем вывести результаты наших исследований на рынок.

— Конвенция о защите прав человека связывает нас по рукам и ногам.

— Мистер Чарльз Ричардс поддерживает мою позицию. А он, как вам известно, имеет большое влияние на ООН и Реконструированный Совет Европы.

— Если вам удастся убедить их пересмотреть конвенцию, то, думаю, не составит проблем протащить в нашу Госдуму новый закон о разрешении подобных экспериментов на людях.

Дамир откинулся на спинку кресла и погладил пальцами свой бокал по кромке.

— Думаю, я это сделаю. Но нужна ваша поддержка.

— Это мы обсудим подробнее, когда самолет приземлится, — пообещал Шамиль, судя по его лицу, что-то напряженно подсчитывавший у себя в голове. — Подготовьте мне для рассмотрения текст законопроекта. Только вам лучше будет выдать всю эту инициативу за стремление использовать исследования как превентивную меру. Чтобы избежать появления и распространения вирусов, подобных тому, что мы уже имеем.

— Само собой, — ухмыльнулся Дамир, делая глоток.

Герман вывалился из воспоминания, как из дурного сна. Где-

то за пределами машины кто-то кричал, сигналили электромобили и раздавался звук сирены. В раскрытую дверь то и дело заглядывали чужие лица, но судя по отдельным выкрикам, Германа пытались убедить не помогать безнадежно мертвому человеку. Боксер спешно отер свой рот от крови и бросил последний взгляд на тело Дамира Игнатьевича, безжизненным кулем застывшего на покрытом осколками полу салона.

Большая часть памяти владельца «Осе» теперь оказалась во власти Германа. Он воспринимал эти воспоминания как часть себя, будто все это происходило не с Дамиром, а лично с ним, и он просто на время об этом позабыл.

— Вы меня понимаете? Вы можете самостоятельно выбраться? — вопил кто-то возле двери.

Герман слышал, как шумели возле машины полицейские дроны. Скоро должны были приехать медики и полицейские, а с ними вести бесед боксер совсем не хотел. У него были другие планы. Очень важные планы, не требовавшие отлагательств.

С трудом выбравшись из салона, Герман отбился от рук встревоженных водителей и простых неравнодушных людей, которых посреди дороги собралась уже целая толпа.

— Я в норме. Пропустите. Я должен сделать звонок! Помогите человеку внутри салона!

Расталкивая народ локтями, Герман пробирался к тротуару через ряды остановившихся электромобилей. Он надеялся хоть на время сместить все внимание толпы на мертвого Дамира Игнатьевича, которого кто-то уже распознал среди очевидцев как владельца «Осе».

Где-то за спиной раздался рокот пропеллеров дрона, и Герман, зная, что полицейское устройство будет пытаться выяснить его личность и запрашивать код, бросился со всех сил бежать вперед. Оторваться от преследователя удалось далеко не сразу. Боксеру пришлось забежать в переулки и плутать между тесными улочками какого-то жилого района. Несколько минут он просидел за мусорным баком, ожидая, пока дрон пролетит мимо, и только после со спокойной душой ушел наконец в том направлении, что ему было нужно.

Поймав на парковке первое же свободное беспилотное такси, Герман назвал искусственному интеллекту адрес небоскреба компании «Осе» и упал на заднее сиденье электромобиля.

За стеклом проносились жилые дома и бизнес-центры Новой Москвы, пролетали дроны-курьеры. Герман, прислонившись лбом к окну, с толикой безразличия скользил взглядом по проезжавшим мимо машинам. Болел в который раз сломанный нос, но, к счастью, кровь уже остановилась, и еще к тому же ныла

полоса стертой кожи на груди, оставшаяся после ремня безопасности, который спас мужчине жизнь. А вот Олегу так не повезло. Не повезло беспомощному псу Цезарю и даже такому богатею, как Дамир. Хотя смерть последнего не особенно тяготила Германа после того, как он мельком просмотрел большинство важных воспоминаний в голове магната.

В душе не осталось ни сожалений, ни страха. И цель как никогда четко стояла перед внутренним взором, указывая путь. Теперь на его руках было столько крови, что никогда уже не отмыться, и, пока еще была возможность, стоило сделать что-то правильное, что-то, что было ему по силам.

Едва машина притормозила перед небоскребом, Герман быстро списал с кошелька нужную сумму и спешно направился ко входу в здание. Стараясь держаться как можно невозмутимее, он, выпрямив спину и отряхнув пиджак, шагнул в кабину лифта. Когда двери распахнулись на восьмидесятом этаже, то первым, кого Герман увидел, была Яна. Помощница Дамира вместе с новой секретаршей просматривали что-то за мониторами, расположенными на стойке.

— Герман? — изумилась Яна. — Что-то случилось? Почему ты один?

— Дамир Игнатьевич попросил у меня кое-что забрать из его личного кабинета, — спокойно произнес боксер и сразу же направился вперед по коридору.

— С тобой все нормально? — послышался за спиной вопрос Яны. — Ты какой-то помятый.

— Все в порядке. — Герман скорее провел своей идентификационной карточкой и нырнул за двери пустовавшего кабинета.

Прижавшись спиной к деревянным створкам, он перевел дух. Времени у него было не очень много, иначе Яна могла бы заподозрить что-то и прийти сюда.

Первым делом он сел за компьютер. Войти в систему с помощью выуженного из памяти Дамира пароля оказалось проще простого, и, пользуясь воспоминаниями своего погибшего начальника, Герман быстро открыл программы, ответственные за управление лабораторно-исследовательскими этажами. С этого устройства доступ был весьма ограниченным, но мужчине было достаточно и самого малого.

Он зашел в раздел аварийных ситуаций, указал высокую степень опасности и нажал на кнопку запуска, пройдя несколько степеней защиты с паролями и дав ответы на контрольные вопросы. В этот момент где-то на семидесятых этажах должна была раздаться тревога о нарушении безопасности в

исследовательских зонах. Все двери в секторах автоматически открылись, даже те, которые сдерживали десятки животных. Ученые, согласно планам эвакуации, должны были запустить на компьютерных устройствах файлы самоуничтожения, а сами покинуть здание.

Времени теперь становилось еще меньше. Скоро сюда должны были подняться, чтобы сообщить о произошедшем сбое в системе, по их предположениям. Но пара минут еще имелась в запасе.

Герман запустил форматирование всех дисков компьютера и скорее поднялся из-за стола. Память Дамира, будто сонный туман, преследовала его на каждом шагу. Он знал каждый уголок этого офиса, знал все потайные места, даже замаскированный под стенную панель сейф.

Ладонью коснувшись одного из участков стены, Герман слегка на него надавил. Сразу же беззвучно выдвинулся кусок панели, сместился чуть в сторону, являя взору боксера дверцу оформленного под старину сейфа, использовавшего цифровую кодовую комбинацию.

Герман набрал последовательность цифр, а после зажал крупную серебристую кнопку, подтверждая правильность ввода. Дверца с легким щелчком открылась. Внутри оказалось несколько полок. На одной лежали портативные носители с большинством важных документов Дамира Игнатьевича, и Герман знал, что среди них была и электронная карта памяти с законопроектом, разрешавшим опыты на людях. Он без колебаний сгреб их все. На второй полке гордо стояла объемная деревянная шкатулка, обитая изнутри красным шелком. Это был подарок Чарльза Ричардса Дамиру, и Герман, открыв крышку, извлек на свет тяжелую зажигалку с позолоченным корпусом.

Торопливо подбежав к барной стойке и схватив пару бутылок с самым крепким спиртным, боксер откупорил пробки и стал разливать алкоголь по всему кабинету. Диванчики, рабочий стол, компьютер, даже маленький аккуратный бонсай, который всегда казался мужчине единственным украшением этого минималистичного офиса. Последняя бутылка ушла на спальное место Цезаря, которое располагалось в самом углу. Герман сжал зубы и плеснул туда особенно щедро.

Со своей станции сразу же выехал плоский робот-уборщик, но боксер лишь раздраженно отбросил его в сторону, переворачивая на спину, как беспомощного жука. Висевший на стене пульт управления пожарной сигнализацией Герман отключил всего за полминуты, введя персональный код Дамира. Теперь на всем этаже выключились детекторы дыма, и эту обитель бесчеловечности и живодерства можно было с чистой совестью

спалить дотла.

Откинув крышку зажигалки, мужчина мгновение любовался загоревшимся огоньком, а после обвел прощальным взглядом кабинет и поджег край огромной лужи, расплывавшейся по полу. Синее пламя заплясало по разлитому алкоголю, рванув вверх и в стороны, с невероятной скоростью охватывая пространство вокруг. Герман выдохнул, бросил в огонь горсть портативных носителей с документами и вынырнул за толстую дверь, плотно закрывая ее за собой.

Быстрым шагом проскочив коридор, Герман вызвал лифт.

— Ты нашел то, что просил Дамир Игнатьевич? — материализовалась за спиной боксера Яна.

— Да. — Мужчина развернулся, легко улыбнулся девушке и показал ей позолоченную зажигалку.

— Разве он курит? Еще и табак? — удивилась помощница.

— Это подарок его иностранного коллеги.

Мягко звякнул лифт, прибыв на этаж.

— А, понятно. Я, кстати, никак не могу дозвониться до Дамира Игнатьевича. Странно, что он не отвечает. Ты не знаешь, у него что-то с голосмартфоном?

— Он сейчас в ресторане «Adam» на встрече с Шамилем Магомедовичем, — произнес Герман, ступая в кабину лифта. — Думаю, он просто занят. Не отвлекай его.

— Точно… Ты прав. — Яна вдруг с подозрением принюхалась. — Откуда этот запах гари?

Двери лифта отсекли Германа от озадаченно нахмурившейся девушки.

Теперь его миссия перед самим собой была выполнена.

Глава пятнадцатая
Медь тверже золота

Сколько времени ушло на то, чтобы добраться до штаба ассоциации, Герман не особенно считал. В какой-то момент старое четырехэтажное здание просто появилось из-за угла, и боксер машинально к нему направился. А на входе его уже ждали.

Тимур строго взглянул на мужчину поверх своих затемненных очков и покачал головой.

— Что ты натворил, Герман?

Ответом ему было лишь сухое безразличное пожатие плечами.

— Альберт велел вести тебя сразу к нему, как прибудешь.

Махнув головой, Тимур двинулся к лестнице, а боксер послушно последовал за ним. Едва они поднялись на второй этаж, как стали слышны голоса. Альберт с несколькими своими подчиненными расположился в комнате отдыха на втором этаже. Они играли в бильярд, со стуком гоняя шары по столу, потягивали кровь из прозрачных бокалов и изредка обменивались отдельными фразами. Будто все было в порядке.

Едва Тимур и Герман появились на пороге, то в комнате на пару секунд повисла острая, как лезвие бритвы, тишина. Все в немом молчании изучали потрепанного боксера, а тот даже глаз ни на кого не поднимал. Он вовсе не боялся гнева главаря или осуждения других вампов, ему просто было все равно. Он уже сделал то, что должен был. То, что хотел сделать. И то, что соответствовало понятию его личной правды.

— Значит, все-таки осмелился заявиться сюда.

Альберт стоял, опершись на стол для бильярда и держал в руках кий. Он не сводил глаз с боксера, будто пытаясь прожечь в нем дыру. Безупречная черная жилетка и белоснежная рубашка выделяли Альберта среди всех остальных присутствовавших — он словно истинный благородный аристократ возвышался над чернью, одетой в растянутые штаны, грубые джинсы и футболки.

— Ты хотя бы приблизительно осознаешь, как сильно ты испортил планы ассоциации?..

Альберт подхватил с края стола кусочек синего мела и принялся натирать кончик кия. В его медленных плавных движениях чувствовалась затаенная злоба.

— Мы подбирались к Дамиру несколько лет, вынюхивая всю информацию о его личной и официальной жизни, прорабатывая ближайших к нему людей. Мы внедряли нескольких вампов на

протяжении этого времени только для того, чтобы достать кусочек какого-нибудь недостающего паззла. Начальник охраны и ты были нашими самыми важными объектами, поскольку именно на ваши плечи ложилась основная работа.

Альберт резким движением отбросил мел в сторону. Вампы вокруг посторонились. Все молча слушали главаря.

— И вот он, наконец, решающий этап этой многолетней операции! Захват Дамира и Шамиля. То, ради чего мы столько трудились. Герман… От тебя требовалось лишь привезти Дамира в ресторан. И все. Ничего больше. Мы уже полностью подготовили «Adam» к его приезду, все было рассчитано до мелочей. И вдруг…

Развернувшись к столу, Альберт, практически не примериваясь, ударил по шару. Тот, набирая скорость, пересек зеленое полотно и со стуком врезался в одну из сфер. Закрутившись на месте, она медленно и неторопливо подкатилась к лунке и упала в нее.

— И вдруг все пошло прахом, Герман. Время шло, а машины все не было. Шамиль стал названивать Дамиру, но тот не выходил на связь. Мы сами стали нервничать: с тобой невозможно связаться, а нашей цели все нет. И вот мне звонит Вики и дрожащим голосом сообщает, что по всем новостям крутят экстренный сюжет. «В автомобильной аварии погиб владелец компании «Осе», крупный магнат Дамир Игнатьевич Реутов. Вместе с ним скончался один из телохранителей. Второй охранник, виновник аварии, сбежал с места преступления. Полиция уже разыскивает его».

Герман только хмыкнул себе под нос. Новости его опередили.

— Мы спешно сворачиваем операцию, обернувшуюся таким грандиозным провалом, возвращаемся в штаб… А здесь, представь себе, узнаем, что уже по всему Рунету пронеслась очередная сенсационная новость. «Небоскреб «Осе» в огне. Пожар охватил верхние этажи, и здание пылает, как свеча». Какого черта, Герман?!

Боксер выудил из кармана позолоченную зажигалку и бросил ее Альберту. Тот машинально поймал ее одной рукой и, вздернув бровь, покрутил между пальцами.

— Я уничтожил все физические и электронные копии законопроекта. И замел следы. Быть может, немного радикально, но зато теперь я выполнил то, чего ты добивался, Альберт. Законопроекта больше нет, Дамир мертв, и его исследования сгорят в пожаре.

— Ты… — Глаза Альберта загорелись недобрым огнем. — Ты выпил его память перед смертью, не так ли? Вики уже поделилась со мной тем, что ты подглядел за ходом одной из операций

захвата. Ты знаешь теперь и о способностях вампов, и о некоторых наших делах.

Герман промолчал. Ответ и так знали все, собравшиеся в комнате вампы.

— Это я должен был впитать с кровью его память! — неожиданно с рычанием рявкнул Альберт, ощерив свои золотые клыки. — А ты мало того, что украл его воспоминания, так еще и, действуя без приказа, натворил дел, которые ставят под угрозу и безопасность ассоциации и напрямую мешают дальнейшим нашим планам!

Последние слова задели Германа особенно сильно. Он поднял голову и хмуро взглянул в искаженное от злобы лицо Альберта.

— Тебе не нужна была его смерть, верно? Ты желал завладеть его памятью, чтобы получить над ним абсолютную власть и управлять Дамиром, как марионеткой. А впоследствии занять его место и вернуть себе влияние в обществе, которое дают такие огромные деньги. Я прав?

Конечно, он был прав. И понял это, едва заметил, как дернулась у Альберта губа.

— Все вон из комнаты! — приказал главарь. — Немедленно!

В первую секунду вампы замешкались, но стоило Альберту раздраженно сломать пополам кий, который он держал в руках, как все его подчиненные мгновенно покинули комнату отдыха, захлопнув дверь. Герман и Альберт остались наедине стоять напротив друг друга, как бойцовские псы. И неожиданная ненависть, которая взыграла в каждом из них, искала выход.

— Быть может, я и не идеален. — Отбросив на пол половинки сломанного кия, Альберт скрестил руки на груди. — Но и не так коварен, как ты меня себе представляешь. Дамир был инициатором закона о преследовании и утилизации вампов. Через шантаж и манипуляции я мог бы добиться от него отмены этого закона. Вампы могли бы наконец снова вернуться в лоно общества и перестать быть изгоями…

— Это лишь отговорки, — оборвал его Герман. — Добиться подобного можно и через Шамиля, который имеет влияние на Госдуму. Ты хотел подобраться именно к Дамиру из-за его баснословного состояния, его бизнеса и тайных исследований. Ты просто использовал ассоциацию и верных тебе людей, чтобы поудобнее устроиться в этом мире.

— Даже если так, — процедил Альберт, дернув головой. — Твое слово против моего, Герман. Как думаешь, кого вампы станут слушать? Новичка, который сорвал многолетнюю операцию, или же их лидера, который вывел ассоциацию из болота, в котором та сидела годами?.. Я дал вампам работу, дал

им цель и следил за этой ассоциацией на протяжении долгого времени. Тебе не стоит недооценивать полноту моей власти здесь, Герман!.. Как думаешь, многие ли станут горевать, если один говорливый боксер неожиданно пропадет из штаба?

— Быть может, плакать по мне и не станут, но мои слова уже заронили зерно сомнения в головы отдельных твоих подчиненных.

— Я выкорчую эти ростки, уж поверь. А после утилизации о тебе здесь и вовсе никто не вспомнит, — мрачно пообещал Альберт. — Я дам тебе последний и единственный шанс выжить, Герман. Отдай мне воспоминания Дамира, отдай добровольно свою кровь и слушайся меня во всем, как и прежде. И тогда ты останешься при мне. Я закрою глаза на твою колоссальную промашку.

Герман пошевелился впервые с начала разговора. Он задумчиво почесал мизинцем бровь, а после неторопливо приблизился к Альберту. Тот хмыкнул и протянул ладонь для рукопожатия:

— Ты оказался гораздо благоразумнее, чем я о тебе думал.

Герман, совершенно не изменившись в лице, подошел к главарю вплотную, на миг заглянул ему в глаза и практически сразу же нанес быстрый и решительный апперкот повернутым на себя кулаком. И пока Альберт еще не успел опомниться, добавил крепкий хук правой рукой прямо в челюсть. Что-то хрустнуло, а голова вампа дернулась в сторону, как на шарнирах.

— Такой ответ тебя устроит, выродок?

С протяжным стоном Альберт качнулся и выпрямился. Он рассеянно ощупал пальцами свое лицо, а после внезапно замер, ошарашенный какой-то мыслью. Его пальцы скользнули в рот, и по губам мгновенно заструилась кровь.

— Ты выбил мой имплант, — по слогам процедил Альберт.

Он ощерился в пугающем злобном оскале. На месте одного из золотых клыков зияла черная дыра, из которой и сочилась кровь.

«Похоже, теперь я действительно разозлил его не на шутку».

Герман уже поднял руки в двойную локтевую защиту, прикрывая часть корпуса и голову. Но Альберт схватил со стола ближайший бильярдный шар и, крепко зажав его в руке, со всей силы саданул Германа по тазовой кости. От резкой боли мужчина согнулся и практически сразу же ему по локтевому суставу прилетел второй удар шаром.

Альберт, опершись на стол, оттолкнул от себя Германа ногой в нижнюю часть живота. Зашатавшись, боксер отступил на пару шагов, но сумел сохранить равновесие.

— Значит, я достану эти воспоминания из тебя силой! —

пригрозил главарь вампов. — Я еще успею забрать часть состояния Дамира!

— Стервятник!

Альберт хорошо замахнулся и бросил бильярдный шар в Германа. Боксер увернулся, тяжелая сфера с грохотом упала на пол, расколовшись. Однако вамп одним тягучим движением уже оказался на расстоянии одного удара, не позволяя противнику расслабляться. Они обменялись сериями из нескольких быстрых джебов по голове, и Герману даже удалось стукнуть Альберта по носу тыльной стороной ладони, но в ответ он получил резкий удар локтем по горлу.

Закашлявшись и отступив назад, боксер с куда большим уважением взглянул на главаря.

«Еще тогда, на парковке, он показался мне хорошим бойцом. Одолеть его будет нелегко».

Не позволяя Герману прийти в себя, Альберт налетел на него стремительной молнией и ударил пяткой в живот. Боксер вовремя развернул корпус, нога скользнула в сторону, но следом за ней шел короткий прямой удар кулаком под ребра, избежать его оказалось куда сложнее.

Глухая оборона не давала Герману пространства для маневров: он закрыл руками голову, старался избегать ударов по корпусу и особенно следил за ногами противника, но Альберт постепенно выматывал его, загоняя в угол комнаты и не давая развернуться. Это не могло продолжаться долго, и после очередной защиты нырком Герман нанес ответный прямой удар правой рукой прямо в голову, вложив в кулак всю свою силу. Альберт не успел увернуться или подставить плечо, костяшки врезались ему в рот, разбивая нижнюю губу. Брызги крови попали даже на боксера, но он не обратил на них внимания, а лишь усилил свой натиск.

Замелькали кулаки, Герман не стеснялся удерживать противника за руки, бить по открывшемуся затылку или обхватывать туловище, сжимая его в своих медвежьих объятьях. Запретов ринга здесь не было, и мужчина лишь пытался отстоять свою жизнь и свои идеалы. А Альберт, разъяренный и неудовлетворенный крахом всех своих планов, отбивался с особенным бешенством. Разбитое лицо и изорванная испачканная в его же собственной крови одежда лишь подстегивали главаря бить ожесточеннее, действовать грубее и коварнее. Несколько раз ему удалось откинуть Германа на стену, снеся какой-то старый шкаф. Полки с грохотом обрушились вниз, подняв кучу пыли, но боксер лишь использовал случившееся в свою пользу: подхватив одну из деревяшек он с размаху огрел Альберта ей по голове.

— Дрянь!.. — сплюнул кровью главарь, с трудом поднимаясь на ноги после такого удара.

Герман пошел на таран, снеся Альберта с места и бросив его прямо на бильярдный стол, который заскрипел от такого давления и чуть сдвинулся. Кулак боксера рассек вампу бровь, впился в скулу куском гранита, и после нескольких мощных ударов боксер отступил на шаг, а после с особенным удовольствием толкнул Альберта ногой в грудь. Уже плохо соображавший главарь ассоциации с хрипом повалился спиной на стол, дерево затрещало и неожиданно проломилось.

Альберт упал на пол, с головой оказавшись под щепками и деревянной крошкой. А вот Герман, тяжело дыша и едва сдерживаясь, чтобы не закричать от боли в сбитых костяшках, не собирался останавливаться. Он стал бить противника ногами по бедрам, спине и корпусу, вынудив Альберта со стоном свернуться в клубок, защищая живот и лицо.

— Что за шум?!

В комнату ворвался Тимур, который в первый миг в шоке замер на пороге, обводя взглядом все разрушения. Но практически сразу же он пришел в себя и бросился к Герману, избивавшему Альберта. Взяв его в кольцо рук со спины, он попытался оттащить боксера.

— Какого черта вы тут морды друг другу бьете?! Мужики! Помогите! — закричал Тимур.

Из коридора сразу пришла подмога. Кто-то бросился поднимать Альберта, другие разгребали обломки бильярдного стола, а Тимур удерживал за руки слабо сопротивлявшегося Германа, который устал и обессилел настолько, что даже не особенно дергался.

Едва Альберта поставили на ноги, и он смог самостоятельно держать равновесие, то первым делом он раздраженно сплюнул кровью в сторону Германа.

— Свяжите и заприте его в каком-нибудь чулане. Я позднее с ним разберусь.

Альберт пошатнулся и сразу же схватился за свою гудевшую голову. Его привычный строгий хвост волос растрепался, пряди спутались и облепили избитое лицо, присохли к крови. Но главарь лишь грузно дышал и не сводил свой темный взгляд с напряженной фигуры Германа, которого Тимур насильно поволок в сторону выхода.

— Я с тобой еще не закончил, — напоследок презрительно бросил в его сторону боксер.

— Пошли уже! — Тимур дернул мужчину за обляпанный в пыли пиджак и потянул дальше по коридору.

Идти пришлось не очень далеко. Тимур отыскал первую попавшуюся незапертую кладовку, размеры которой едва превышали туалетную кабинку, и завел туда Германа. Света в этой крошечной комнатке не было и в помине, а большая часть свободного места была заставлена высокими шаткими шкафчиками, на которых лежал всякий мусор, начиная от старых ведер и швабр и заканчивая строительными инструментами.

— Садись, — бросил Тимур и указал взглядом на пол.

Стоило боксеру послушно упасть на ледяной пол, облокотившись спиной на один из шкафов в полумраке, то подручный Альберта взял с одной из полок пластиковый хомут и крепко перетянул запястья Германа.

— Не рыпайся, — хмуро произнес Тимур. — Посиди тут, остынь пока.

Он развернулся, чтобы уйти, но Герман легко схватил его за штанину.

— Постой… Тимур, позови Дантиста.

— С чего бы это? — хмыкнул парень, тем не менее остановившись.

— У меня нос сломан. Дышать не могу. Хочу, чтобы он глянул.

— Не уверен, что Альберт обрадуется, если я к тебе кого-нибудь пущу.

— А ты всегда намерен слепо подчиняться любым его приказам? — спросил Герман, из-под полуприкрытых век наблюдая за парнем в затемненных очках.

— Он мой босс. Так положено.

Тимур вырвал штанину из пальцев боксера и вышел за пределы кладовки.

— Этот босс направил тебя на убой тогда, во время операции с покушением на Дамира. Тебя избили до полусмерти именно из-за его приказа. И это было не в первый и не в последний раз. Я спрошу тебя снова. Ты всегда намерен слепо подчиняться любым его распоряжениям или хочешь сам определять свою жизнь?

Что-то во взгляде Тимура на миг дрогнуло. Но парень все же молча захлопнул дверь крохотной комнатки и, судя по звуку, подпер ее снаружи чем-то вроде стула.

Герман откинул голову назад, она глухо стукнулась о металлическую полку шкафа. У мужчины болело все тело после ударов Альберта, но в душе плясала ярость, от которой не было спасения.

«Всю свою жизнь я прятался и убегал от проблем, предпочитая терпеть и отмалчиваться там, где на самом деле требовался лишь один сокрушительный удар кулаком по чьей-то

роже. И вот теперь я нанес этот удар. И, кажется, я жалею лишь о том, что не сделал этого раньше…»

Через десять минут в коридоре послышались шаги. Заскрипел отодвигаемый стул, резко распахнулась дверь, заставив сидевшего в темноте Германа вздрогнуть.

— Заперли, как крысу в клетке, — глухо констатировал Дантист.

Он перешагнул порог и опустился на колени возле боксера. Медик принес с собой металлический лоток с инструментами, пластырями и медицинский пистолет.

— Я побуду в коридоре, — буркнул Тимур, прикрывая дверь и отходя в сторону.

— Спасибо, что пришел, — прошептал Герман.

— Я уже слышал про аварию и пожар. Судя по всему, твоя самодеятельность Альберта не особенно осчастливила.

— Как видишь.

Дантист нажал на кнопку своего голосмартфона, чтобы разогнать темноту кладовой синеватым светом проекции. Он натянул латексные перчатки и принялся ощупывать сломанный нос боксера своими ледяными пальцами.

— Ты выпил кровь Дамира? — спросил медик.

— Да.

— Я подозревал, что ты так сделаешь. Если не из своего врожденного любопытства, то уж точно из желания насолить Альберту.

— Вот только теперь он намерен достать из меня украденные воспоминания Дамира. — Герман резко дернулся от боли, когда Дантист одним движением вправил ему нос.

— Тише-тише. Я уже закончил.

Док принялся обрабатывать переносицу и накладывать на нее пластырь с обезболивающим эффектом.

— Само собой он попытается их выудить из тебя.

— Я не знаю, как помешать ему. — Герман стянутыми хомутом руками схватил мужчину за запястье, вынуждая его остановиться на несколько секунд и посмотреть ему прямо в глаза. — Я получил столько важной информации из памяти Дамира, что отдавать ее этому двуличному ублюдку нет никакого желания!

— У тебя просто нет выбора. Память Дамира теперь в твоей крови, она часть тебя, и для Альберта не составит никакого труда заполучить глоток твоей крови в ближайшее время.

Шумно вздохнув, Дантист зябко повел плечами.

— Лучше сдохнуть, чем дать ему такой сочный кусок данных, — понизив голос, произнес Герман.

Док дернулся, будто не поверив своим ушам. Он с легким изумлением вгляделся в лицо боксера, словно надеялся обнаружить там улыбку.

— Ты еще молод и полон сил, Герман.

— Но остановить Альберта нужно именно сейчас, иначе в скором времени он превратится в чуму, пожирающую этот город.

— Он уже давно стал ей…

— В каком это смысле? — спросил Герман, нахмурившись.

Дантист медленно стянул с рук латексные перчатки по одной и выбросил их в лоток.

— Еще в те времена, когда я передал ему в руки ассоциацию, то вампов в городе было довольно мало. Многие не осознавали как следует угрозу утилизации, не видели надобности объединяться в группы или менять свою жизнь из-за заражения. В ассоциации нас можно было пересчитать по пальцам одной руки. Но стоило Альберту занять пост главы, как народ сплошным потоком хлынул к нему. Буквально каждую неделю мы находили новых инфицированных и брали их под свое крыло…

— Что-то я не пойму, к чему ты ведешь.

— За пару лет мы разрослись до крупной такой толпы. И я все удивлялся трудолюбию Альберта: он пропадал в городе днями и ночами, разыскивая отчаявшихся зараженных людей, которые не могли осознать свою новую сущность и нуждались в руке помощи. И каждый раз он приводил все больше и больше полезных ассоциации людей. Не просто каких-то бомжей и наркоманов, а бывших военных, опытных взломщиков, инженеров, программистов.

Герман молчал. Понемногу он начал догадываться, к чему клонил Док.

— И однажды я спросил его напрямую, — прошептал Дантист. — Знаешь, что он сделал? Он улыбнулся и достал из своего кармана маленький пустой шприц. «Я дарю им шанс стать чем-то большим в своей жизни», — ответил он мне. — «Я позволяю им присоединиться к моей борьбе».

— Этого не может быть! — с ужасом произнес Герман. — Просто не может быть!

Невесело хмыкнув, медик подальше от себя отодвинул лоток и медицинский пистолет.

— Я тоже тогда был в шоке. Передо мной стоял вирус-террорист, который ломал человеческие судьбы, вкалывая свою кровь совершенно здоровым людям и вербуя их в ассоциацию, а я даже никак не мог этому помешать. Вампы боготворили его, они доверяли ему, потому что в роковой для них миг он якобы протягивал им руку помощи. Никто не знал о его деятельности, и

никто не поверил бы мне, если бы я стал рассказывать, что это Альберт заразил их…

— Значит, он виновен и в моем заражении?..

Человек в желтом в сквере, выдыхавший лимонный пар, — это был Альберт. Его лицо было скрыто за широкополой шляпой и прочей бутафорией, но ведь Герман и правда не обратил тогда должного внимания на черты, не запомнил их, а ведь мог понять все куда раньше.

— Конечно. Тогда он подыскивал физически крепкого мужчину для новой работы в охране. Ты случайно оказался в его поле зрения, как и многие до тебя… Ему всегда нужны были верные подчиненные, своя собственная армия, над которой он бы имел полный контроль. И он превратил всех этих людей в обыкновенную преступную группировку, с помощью которой он зарабатывал хорошие деньги и репутацию. А я мог лишь мириться с этим, просто смотреть со стороны, как один за другим гибнут знакомые мне вампы, как ассоциация становится бандитским притоном. Мне не хватало смелости это изменить.

Неожиданно зашевелившись, Док достал какой-то небольшой предмет из кармана своего халата. На миг в пластине его очков отразилась синева проекции голосмартфона, которая скрыла грусть, поселившуюся в его взгляде. Он держал в руках небольшую круглую таблетницу. Под приоткрытой металлической крышкой виднелась лежавшая внутри прозрачная капсула, в которой было какое-то жидкое вещество мутно-желтого цвета.

— У меня нет смелости и сейчас, Герман… Я не такой человек, чтобы броситься грудью на амбразуры. Как бы я ни хотел себя исправить, но так и не смог. Я боюсь смерти.

— Что за лекарство в капсуле? — спросил Герман, почувствовав, как его голос резко охрип.

— Это не совсем лекарство. Это яд медноголового щитомордника. Помнишь ту змею, что ты видел в моей комнате? Представляешь, я изучил свойства ее яда и выяснил кое-что любопытное. У этой змеи гемотоксичный яд, он нарушает свертываемость крови, разрушает красные кровяные тельца — эритроциты. Для обычных людей этот яд не несет особенной опасности, а вот для больных железодефицитной анемией он смертелен. В наших с тобой телах очень малое количество эритроцитов, и попадание подобного яда в кровь ведет к тому, что гибнут все красные кровяные тельца. Наступает гипоксия: в организме больше нет клеток крови, занимающихся оксигенацией тканей. Недостаток кислорода — мозг медленно и мучительно умирает.

Герман как завороженный слушал медика, не отводя взгляд от капсулы с ядом.

— В течение первых пяти минут еще можно двигаться. Десять минут — это смерть. — Дантист закрыл глаза, выдохнул и протянул таблетницу боксеру. — Прости меня, Герман. Я не могу вылечить тебя, не могу вернуть тебе твою старую жизнь, но зато я могу дать тебе этот яд, чтобы ты спас сотни чужих жизней…

— Ты хочешь, чтобы я принял его? Тогда Альберт получит яд через мою кровь.

— Я этого не хочу, поверь. Но я не собираюсь и заставлять тебя это делать или же умолять. Это твое и только твое решение, потому что это твоя жизнь. Ты можешь сбежать, можешь добровольно отдать Альберту все, что ему нужно. Ты не обязан это делать, не обязан умирать.

Герман связанными руками неуверенно забрал маленькую изящную таблетницу и как-то отрешенно на нее уставился. Док положил руку на плечо боксеру, покачал головой и тяжело поднялся на ноги, а его узкое худощавое лицо, освещенное синевой голосмартфона, напоминало посмертную маску.

— Я хочу кое о чем тебя попросить, Дантист, — негромко сказал Герман.

— О чем?

Боксер протянул к своему собеседнику руки.

— Память Дамира должен получить ты. Выпей моей крови.

— Ты действительно этого хочешь?

— Мне удалось узнать о происхождении вируса и о многих исследованиях на эту тему. Для меня все эти формулы ученых — лишь неясные знаки, но тебе они могут быть действительно полезны.

Док, будто сперва даже не поверил услышанному. Но уже в следующее мгновение он склонился над боксером, схватил его за запястье и вонзил в него свои удлинившиеся клыки. Герман почувствовал, как медленно стала неметь его кисть, как похолодела кожа. Через десяток секунд, приглушенно сглотнув, Дантист отстранился от руки Германа.

— Это невероятно!.. — сипло проговорил медик. — Ведь это чрезвычайно важные данные!

— Знал, что ты оценишь. — Боксер хмыкнул и слабо улыбнулся, искривив уголок губ. — Значит, все теперь не зря…

В коридоре послышались шаги. Тимур негромко бросил в приоткрытую дверь:

— Альберт здесь.

Заволновавшись, Док заметался по кладовке, в спешке забирая свой лоток с инструментами и медицинский пистолет.

— Герман, я никогда не забуду то, что ты сделал для меня и для всей ассоциации! — на ходу шепнул он.

— Спасибо тебе, Борис. Спасибо за все. И прощай.

Дантист вздрогнул. И в тот момент в его глазах действительно загорелось пламя необыкновенной искренней благодарности.

Дверь широко распахнулась, залив кладовку ярким светом. На пороге, уже умывшийся и приведший себя в порядок, стоял Альберт в шелковой рубашке. Из-за его спины выглядывала взволнованная Виктория, бледная и тихая, как мышь. Едва она заметила на полу Германа со связанными руками, как ее глаза наполнились слезами.

— Док, какого черта ты тут делаешь? — рыкнул на медика Альберт.

— Я просто вправил ему сломанный нос, — позволив проскочить в своем голосе надменной холодности, ответил Дантист, демонстративно проходя мимо главаря ассоциации в коридор.

— Тимур, это ты его пустил? — Альберт обернулся в сторону парня.

— Герману требовалась медицинская помощь… — попытался оправдаться Тимур, но это лишь еще больше разозлило франта. Он махнул рукой в сторону и гаркнул:

— Пошли вон оба.

Док и Тимур, даже не собираясь перечить, сразу же исчезли из поля зрения Альберта. Только Вики так и осталась молчаливой тенью стоять рядом.

— Скажи мне, Герман. Теперь, когда ты посидел и подумал в темноте, ты раскаиваешься в своем поступке, а? — уперев обе руки в косяк, ядовито поинтересовался Альберт.

— Я раскаиваюсь лишь в том, что недостаточно сильно бил тебя сегодня.

Заскрипело дерево под пальцами у главаря.

— Видишь, Вики. Он не намерен быть послушным мальчиком, что бы ты там о нем ни думала. И все так же дерзит.

— Герман, пожалуйста, послушайся его, — взмолилась Виктория, не сводя с боксера свой испуганный взгляд. — Отдай ему память Дамира. Пусть все будет, как прежде. Я не знаю, что на тебя нашло, но, прошу, не сопротивляйся больше…

Женщина мелко тряслась, ее худощавые тонкие руки подрагивали, а большие оленьи глаза заволокла пелена слез. Видеть избитого обессиленного Германа для нее было горько, но и так просто избавиться от своего пиетета перед Альбертом она явно не могла.

— Вики… — боксер ласково прошептал это имя. — Ничто уже не будет так, как прежде.

— Почему, Герман? Почему?..

— Потому что теперь я знаю правду.

— Далеко не всегда истина — это лучшая альтернатива, — прошептала Виктория.

— Но и вечно жить в мире, построенном на лжи, нельзя, — произнес Герман.

Альберт громко и делано засмеялся, откинув голову назад. Среди остальных его зубов стала видна черная дыра на месте выбитого импланта.

— Вики, неужели ты и правда думала, что этот человек с наглухо отбитыми на ринге мозгами мог сделать тебя счастливой? Посмотри на него! Это жалкий тип без гроша в кармане, способный лишь на то, чтобы лезть в драку при первой же возможности и все проблемы решать кулаками!

— Я, быть может, и не рожден с золотой ложкой во рту, но мне, по крайней мере, совесть не позволяет насильно заражать людей неизлечимой болезнью и заставлять их на себя работать.

Послышался зубовный скрежет. Альберт явно жалел, что не успел заткнуть Герману рот, пока была возможность. А вот на Вики жалко было смотреть: она вся обмерла, не в силах пошевелиться или хотя бы моргнуть. Только открывала и закрывала рот как рыба, выброшенная на берег.

— Альберт?.. — едва слышно прошептала она. — Что он такое говорит?..

— Ты сама все слышала, — грубо ответил ей глава. — Отрицать не буду.

— Ты — вирус-террорист?..

— В нашем деле нужен хладнокровный подход, Вики. Если ты на него не способна, то, боюсь, тебе здесь не место.

Женщина схватилась пальцами за собственное горло, будто ей вдруг стало тяжело дышать. На ее щеках блеснули редкие слезы, похожие на капельки росы.

— Как ты мог… — только и сказала она.

А после развернулась и бегом бросилась прочь по коридору. Вскоре шаги ее затихли где-то на лестнице. Герман мог лишь сглотнуть, надеясь на то, что ему удалось вовремя спасти женщину.

— Ну и? — хмыкнул Альберт. — Доволен? Теперь я лишился ценного специалиста и фактически своей правой руки.

— Поверь, мне тебя совсем не жаль.

— Через пару дней я отыщу себе нового человека и завербую в ассоциацию. Вот только ты этого уже не увидишь, Герман.

Потому что я с радостью отправлю тебя на утилизацию, как только получу память Дамира.

Альберт склонился к боксеру и грубо дернул его вверх за связанные хомутом руки.

— Пойдем!

Тесная кладовка осталась позади, как и весь второй этаж. Альберт, не ослабляя захват, вел за собой Германа на первый этаж. И только когда главарь вампов ключом открыл двери, ведущие в партер театрального зала, все встало на свои места.

«Ну, конечно. Где, кроме как не на сцене, должен был завершиться весь этот спектакль».

Укрытый бархатной темнотой зал был подернут тонким слоем пыли, от любого движения вздымавшейся в воздух. Альберт щелкнул в электрическом щитке парой выключателей: замигали прожекторы на балконе, бросая на сцену лучи желтоватого света.

В этом месте тишина властвовала уже многие десятилетия. Старые театральные кресла были укрыты сверху полотнищами шелковой ткани, посеревшей от пыли и просевшей местами до пола. Под ногами поскрипывали половицы, поверх которых лежал бордовый истоптанный ковер. И только сцена, величественным валом вздымавшаяся над залом, все еще сияла. Тяжелый темно-синий занавес с изображением луны был опущен лишь наполовину, позволяя рассмотреть пустовавшую арьерсцену и кулисы.

— Теперь нас вряд ли кто-то потревожит, — сказал Альберт, запирая двери на замок изнутри. — Знаешь, раньше я всегда любил приходить в этот зал, чтобы поразмышлять в одиночестве и тишине.

— И о чем же ты мог здесь размышлять? — фыркнул Герман, медленно направляясь к авансцене. Он кое-как сдернул пыльный балдахин с кресел, поморщившись от серого облака сора, поднявшегося в воздух, и с удобством устроился в первом ряду, вытянув ноги.

— Сам как думаешь? — Альберт сощурился и неторопливо двинулся вдоль рядов кресел к сцене.

— Сдается мне, что ты представлял себя марионеточником, дергающим за ниточки своих подчиненных. И, сидя здесь, в первом ряду, ты разыгрывал в голове целые спектакли с их участием, и каждое из этих представлений оканчивалось твоим триумфом.

— Я не склонен к такому чрезмерному самолюбованию.

— Разве?

Альберт окинул боксера неприязненным взглядом и ступил на невысокую лестницу, ведущую на авансцену. Каблуки его

ботинок звонко застучали по черным деревянным ступеням. И наконец он оказался под светом софитов.

— Разве ты никогда не считал, что возвышаешься над остальными? Над всеми этими вампами, послушно выполнявшими все твои приказы? — подначивал собеседника Герман.

Выпрямив спину и заложив руки за спину, Альберт стоял на сцене, напротив связанного и внутренне опустошенного Германа. Лучи света со всех сторон обрамляли фигуру вампа, и казалось, что она горела внеземным огнем.

— В детстве я никогда не верил в то, что от рождения в чем-то превосхожу остальных, Герман. Да, у меня были деньги, образование, статус, но внутреннее содержание ничем не отличалось от других людей, окружавших меня со всех сторон.

Вамп пригладил рукой свои темные волосы, вновь забранные в идеальный хвост.

— Сейчас ты иной человек, — подал голос боксер. — Ты ищешь безоговорочного подчинения и преданности. И искренне считаешь, что тебе должны их предоставить.

— Сейчас — возможно. Раньше — нет.

— А что изменилось? Ты потерял свое благосостояние и семью, как заразился, но получил в свои руки власть иного рода и довольно быстро восстановил не только материальное положение, но и создал себе новый статус в обществе.

— Изменилось мое отношение… Тебе когда-нибудь доводилось задумываться о природе власти, Герман?

— Как это связано с нашей беседой? — Мужчина вздернул брови.

— Напрямую. Ты спрашиваешь, почему же теперь я не терплю неподчинения, но при этом по-прежнему не считаю себя исключительным человеком. Потому, что власть достается тем, кто готов принять на себя ответственность, Герман. И, если ты готов, то это вовсе не делает тебя особенным, но заставляет в ответ требовать от людей покорность.

Не особенно поняв мысль главаря, боксер отмолчался.

— В нашем мире, как это ни странно, власть давно перестала быть желанной. И очень часто те, на чьи плечи она неожиданно падает, скорее сбрасывают этот груз. Никто не хочет вылезать из своей скорлупы обыденности, взваливать на себя добровольное ярмо, мириться с выходом из зоны комфорта. Вот тебе прекрасный пример — Док. Он жаждал исследовать, но не править. И потому без колебаний отдал ассоциацию в мои руки.

— Но почему именно тебе? Почему?

— Потому что я был единственным, кто согласился взять на

себя ответственность. Ответственность за чужие жизни, за чужие благополучие и защиту. Люди очень боятся ответственности, Герман. Они стремятся избегать ее во всем: от самых мелочей, вроде принятия простейших решений, до выбора всей их жизни. Муж утром перекладывает на жену ответственность за то, какой завтрак он должен съесть, и, если блюдо ему не понравится, то он обвинит супругу в плохом выборе, а не самого себя в том, что он отказался от принятия решения. Так и во всем остальном: в крупных компаниях теперь клерки не горят желанием подниматься выше по карьерной лестнице и занимать руководящие должности — им больше по нраву получать жалкие гроши и сидеть тихо в своем мирке, ни о чем не думая.

— Не все такие. Люди учатся и с возрастом приходит осознание того, что если ты не будешь брать ответственность за свою жизнь и поступки, то никто не возьмет.

Альберт пронзил собеседника проницательным взглядом темных глаз. Он неторопливо спустился по лестнице и встал перед креслом боксера, склонив свое узкое лицо прямо к Герману.

— Разве много подобных личностей ты встречал? Меня, например, всю жизнь окружали лишь люди, нуждающиеся в том, чтобы кто-нибудь взял их за ручку, погладил по голове и устроил всю их жизнь. Целая ассоциация таких экземпляров… Ты сам, Герман, неужели не задумывался над тем, что все свои годы лишь искал опору, не веря в то, что способен ступать самостоятельно по жизни? Ты был спортсменом, где каждый твой день и бой были продуманы и спланированы тренером и остальной командой. Ты попал в лапы к Султану, который за тебя был готов продумать всю твою карьеру в теневом боксе, и только из-за гордости ты пошел против него. В конечном итоге ты оказался в моей ассоциации, под моим контролем. И что же ты делал? Ты лишь послушно и молча выполнял мои приказы, радуясь, что остался жив, что есть крыша над головой и деньги. И что тебе не нужно думать больше своей пустой головой!..

— Да неужели? — с рычанием в голосе спросил Герман, приподнимаясь в кресле. Этот надменный тон безмерно его раздражал.

— Скажешь, я не прав?!

Альберт резко вытянул вперед правую руку, хватая боксера за горло и крепко его сжимая.

— Все вы здесь — лишь толпа послушных рабов! Вы искали того, кто направит вас и поведет! И я пришел! Я возглавил эту ассоциацию, взвалил ответственность на свои плечи и теперь требую в ответ лишь чертовой покорности!..

Последние слова главарь буквально выплюнул в лицо

Герману, а после, не ослабляя хватку на горле боксера, развернулся и толкнул его грузную фигуру в сторону сцены. Из-за связанных рук мужчине не удалось нормально сгруппироваться, и он с грохотом упал на лестницу, приложившись боком о ступени.

— Если бы только не было смутьянов, подобных тебе! Тех, кто неожиданно начинает брыкаться и рушит все мои планы своим неповиновением!

Альберт в один шаг оказался около поваленного Германа и ощерился, демонстрируя свой единственный уцелевший золотой клык.

— Тебе пора отдать то, что изначально должно было принадлежать только мне!

Он склонился над фигурой боксера, но Герман неожиданно от души лягнул вампа ногой в грудь и скорее, помогая себе локтями, заполз на сцену, оказавшись под ослепительным светом софитов.

Пошатнувшись, Альберт с трудом устоял на ногах и теперь пытался привести дыхание в норму.

— Ах ты поганец!.. Я с наслаждением буду смотреть, как тебя увозят на утилизацию!

Взбежав по ступеням, главарь, не сдерживаясь, несколько раз ударил поверженного противника ногой по корпусу. Герман с досадой почувствовал, как заныли сломанные ребра, и замер на месте, не проявляя больше никакого сопротивления.

Альберт торжествующе фыркнул и опустился на колени рядом с боксером.

— Настала эра моего возрождения! Скоро все заговорят о величии вампа, подчинившего себе всю столицу! Никто больше не посмеет назвать меня отбросом!

Схватив Германа за кисти, Альберт задрал их выше и без промедления вонзил свой единственный клык в предплечье, вцепившись всеми остальными зубами в кожу боксера, как в кусок мяса. Его челюсти до боли сжали руку, и Герман чувствовал, как медленно и неотвратимо вытекала из него кровь, унося с собой тепло, жизнь и воспоминания. Свои и чужие.

Альберт все пил, будто томившийся от жажды странник, добравшийся до колодца. Кожа боксера похолодела, руку словно закололи сотни мелких игл, но Герман лишь безмолвно наблюдал за вампом из-под полуприкрытых век. Сил у него становилось все меньше.

Наконец Альберт нехотя оторвался от предплечья. Его рот был испачкан в размазавшейся крови. На месте укуса остался четкий след от зубов и широкая рваная рана от клыка. Судя по затуманенному взору, вамп смаковал в голове воспоминания,

которые ему удалось достать.

Герман ухмыльнулся. Слабо улыбнулся, а потом и вовсе начал едва слышно посмеиваться, ощущая, как неотвратимо заволакивает его сознание растущая легкость.

— Люди обычно не смеются, когда смерть смотрит им в лицо. — Альберт отер пальцами рот и окинул задумчивым взглядом распростертого перед ним боксера, чья бледная кожа напоминала свежевыпавший снег.

С трудом распахнув глаза, Герман из последних сил отыскал взглядом лицо Альберта. И, глядя ему прямо в темную бездну зрачков, разжал ладонь. Из одеревеневших пальцев выпала пустая металлическая таблетница, которая упала на сцену и покатилась по полу прямо по направлению к вампу.

— Даже маленький плут порой способен больно укусить.

Альберт замер.

Перед его мысленным взором калейдоскопом проносились все украденные воспоминания, смешиваясь в единый поток и переплетаясь между собой. Не сразу ему удалось выделить нужные фрагменты, которые открыли Альберту глаза на происходившее.

— Нет… Нет!..

Он вскочил на ноги, закружившись в каком-то сумасшедшем танце отчаяния и неистовства. В ослепительном свете прожекторов и неясно откуда рожденном в его голове гуле Герман мог лишь следить за смазанным силуэтом, метавшимся по сцене, рвавшим на себе волосы и в гневе крушившим все на своем пути. Альберт срывал занавесы кулис, голыми руками рвал бумажные рассыпавшиеся от старости задники. Он бросал в стену всю бутафорию, что попадалась ему под руки, что годами лежала в самых запыленных уголках сцены, а теперь крошилась под пальцами Альберта, понимавшего всю неизбежность своей гибели.

В какой-то момент вамп вытолкнул на сцену тумбочку, развалившуюся на части от первого же удара. И в воздух сразу же взмыли десятки бумажных страниц, которые, неспешно планируя, опустились на пол и укрыли его сплошным ковром.

Герман до последнего старался не закрывать глаза. Он вглядывался в размытую фигуру Альберта, пока у того не подкосились ноги, и он не упал на сцену, обессиленный ядом.

Только тогда Герман вдохнул и выдохнул в последний раз, уже ничего не чувствуя.

Возле самых его глаз лежала одна из пожелтевших от времени страниц сценария, который разлетелся по всей сцене. Текст на ней был практически нечитаемым, но отдельные строки

еще можно было различить:

«Нет зелья в мире, чтоб тебя спасти;
Ты не хранишь и получаса жизни;
Предательский снаряд — в твоей руке,
Наточен и отравлен; гнусным ковом
Сражен я сам; смотри, вот я лежу,
Чтобы не встать…»

Уильям Шекспир. «Гамлет, принц датский» (пер. М. Лозинский)

Эпилог

Док сидел в глубоком кресле, развернувшись лицом к двум высоким окнам, занимавшим всю стену в его новом кабинете на четвертом этаже театра. Он молча и с каким-то трепетным благоговением наблюдал за пробуждением города. Вдали уже поднималось солнце, окрасившее стены зданий в мягкий золотистый цвет и заставлявшее мерцать порхавшие в воздухе снежинки.

Последнее время мужчина стал часто любоваться Старой Москвой. Никогда раньше он не замечал, как она была красива и величественна — шумные магистрали темными венами пронизывали столь непохожие друг на друга кварталы, где за каждым углом творилась своя история. А теперь Дантист мог часами просто сидеть в одиночестве и смотреть в окно, думая о чем-то далеком, вспоминая былое или даже просто наблюдая за жизнью на улице, отвлекшись от работы, которой в последнее время было весьма и весьма много.

Поморщившись от царившего в кабинете холода и гулявшего сквозняка, дувшего из всех щелей, медик передернул плечами и завернулся в свой белый халат, думая о том, что стоило бы перенести поскорее из подвала обогреватель.

«По крайне мере, здесь не так сыро и нет плесени», — мысленно посмеялся Дантист.

Двери без стука распахнулись, заставив Дока вздрогнуть от неожиданности. На пороге стояла Вики, немного растрепанная и уставшая. Лицо ее чуть осунулось, под глазами залезли тени, но женщина явно закипала от переполнявшей ее энергии.

— На! Только полюбуйся, какой ответ они дали Ульяне!

Она помахала над головой стопкой пластиковой бумаги и с негодованием зачитала:

— «В связи с тем, что многие из предоставленных вами данных являются незаконно добытой информацией, то редакция считает, что публикация журналистского расследования, касающегося покойного магната Реутова Дамира Игнатьевича, может повлечь за собой проблемы для нашего интернет-издания…»

Вики без спроса упала на стул напротив рабочего места Дантиста и бросила ему под нос бумаги. Стопка рассыпалась по столешнице, которая и без того была завалена документами и заставлена всяческой химической посудой: колбами, чашами и стеклянными стаканами с реактивами.

— Осторожнее! — воскликнул Док, скорее хватая один из

штативов с пробирками, которые мерно застучали друг о друга, стоило стопке бумаги их сдвинуть.

— Ох, прости, — неловко извинилась Вики. — Что-то я совсем плохо соображаю в последнее время… Но просто эти лицемерные журналюги меня выбесили!

Дантист одной рукой сгреб в сторону рассыпавшиеся бумаги.

— То, что они отказались от статьи, это не конец света. За подобный материал многие представители желтой прессы готовы пойти на что угодно. Для них публикация такого расследования станет желанной сенсацией. Ульяне просто стоит сменить направление деятельности.

— Я тоже об этом думала. Но… Не хочется обращаться именно к ним.

— Осветить ситуацию нужно. И какая разница, каким путем она попадет к общественности?

— Да, наверное, ты прав. — Вики устало потерла переносицу.

— Когда ты в последний раз отдыхала? — бросив пристальный взгляд поверх очков, спросил Дантист. От его внимания не укрылся болезненный вид женщины и даже ее истощавшие руки, мелко подрагивавшие с самого начала их разговора.

— Отдыхала? Я… Я даже и не помню уже. Ты же сам знаешь, я плохо сплю с тех самых пор… — Она запнулась на несколько секунд. — С тех пор, как его не стало…

— Вики, Германа уже не вернуть. Но мы должны помочь другим вампам. Это наш долг.

— Я все это понимаю, Дантист. И потому стараюсь работать изо всех сил, чтобы не думать о нем… И уж лучше ночь посидеть в компьютерной кабине, чем бороться с бессонницей на жесткой койке.

— Это не решение. — Док покачал головой. — Ты не можешь смириться с потерей и лишь заглушаешь боль. Нам всем непросто. Многие тоскуют по Герману, Альберту, старым временам. Но если мы не преодолеем эту боль сейчас, не оставим прошлое позади, то никогда уже не увидим будущее.

Закусив губу, Виктория обхватила свои плечи руками.

— Ты должна отпустить его, — понизив голос, произнес медик. — Прекрати иссушать себя работой и заглушать мысли в голове строками компьютерного кода, Вики. Взгляни правде в глаза и прими ее такой, какая она есть. Германа и Альберта больше нет. Но ты не одна, и твоя жизнь идет дальше своим чередом…

— Я так по нему тоскую… По этому молчаливому упрямцу с наивным взглядом…

— Знаешь что? Тебе стоит развеяться. Ты сидишь тут уже которую неделю. Оставь все дела и съезди навестить кого-нибудь. Должны же у тебя быть какие-нибудь родственники, старые бабушки или там подруги? Смени на время свое окружение.

— Думаешь, это сильно поможет? — хмыкнула Вики.

— Ты ведь послушаешься моего совета, правда? Я не хочу тебе приказывать, как начальник. Я могу лишь дать добрый дружеский совет — отвлекись от вампов и своего компьютера.

— Ну, если ты так это подаешь, — протянула женщина, расцепляя руки. — Пожалуй, у меня есть одна знакомая, которую я давно хотела навестить… Только она живет совсем неблизко. В Сибири.

— И что? Думаю, на неделю ты можешь спокойно незаметно исчезнуть из штаба.

— И как ты тут будешь без моей помощи?

— Уж как-нибудь справлюсь!.. К тому же Тимур обещал сегодня зайти. Ему удалось связаться с несколькими группами вампов в Санкт-Петербурге и договориться с их лидерами о встрече. Так что нам с ним будет, чем без тебя заняться.

Док принял серьезный вид, на что Вики лишь усмехнулась.

— Я вижу, ты все еще занят своими исследованиями. — Вытянув шею, женщина кивнула на штатив с пробирками, который медик все еще инстинктивно сжимал в руках. — Тебе бы самому не помешало нормально отоспаться и отвлечься от своих реактивов.

— Не сейчас. Я уже на последнем этапе.

— Каком еще этапе?

— Осталось лишь финальное тестирование, и тогда можно будет с полной уверенностью говорить об успехе.

— Неужели?

— Да.

— Это отличные новости, Дантист! Ты просто настоящий гений!

Слегка смутившись, Док поправил свои очки с лупой на носу и кашлянул.

— Быть может… Но рано трубить в фанфары, пока не будет результатов последнего теста.

— И в чем он заключается? Когда ты планируешь его начать?

— Ну… Вообще-то, я уже начал. — Док нервно прочистил горло. — Как бы это сказать… Я уже ввел препарат себе.

В кабинете повисла неловкая тишина. Вики в изумлении смотрела на собеседника.

— Это не слишком опасно?.. — наконец протянула она.

— Пока никаких эффектов нет. К тому же, что я за медик

такой, если не буду знать, что даю своим собственным товарищам?

— Ты меня поражаешь.

— Не беспокойся об этом. Если все пройдет гладко, то уже меньше, чем через неделю, все вампы в штабе получат свою дозу лекарства.

— Это обнадеживает…

Поднявшись со своего места, Док упер ладони в поверхность стола.

— Вся наша жизнь — это риск. Когда-то больший, когда-то меньший. Мы должны подвергать себя ему, чтобы сделать следующий шаг. Иначе так и будем топтаться на месте… Иди, Вики. И чтобы с завтрашнего дня я ноги твоей в штабе не видел, ясно? Раньше, чем через неделю не возвращайся.

Вики тоже встала со стула и коротко кивнула.

— Так точно, босс!

Развернувшись, она двинулась прочь из комнаты. И только на пороге остановилась, обернулась и с легкой улыбкой произнесла:

— Надеюсь, когда я вернусь, то ты порадуешь меня хорошими новостями.

— Я тоже на это надеюсь.

Махнув на прощание рукой, Вики вышла из кабинета, закрыв за собой дверь. И только после этого Дантист вновь опустился на свое место, устало прикрыв глаза на минуту.

Если бы не помощь Виктории и других вампов, пожелавших после смерти Альберта остаться в театре, то вряд ли когда-нибудь Дантист нашел бы в себе силы вновь возглавить ассоциацию и начать разгребать весь тот сплошной клубок проблем, что оставил после себя Вайс.

Без всех этих людей Док бы не справился. Без всех них он чувствовал себя совершенно пустым и слабым. Хотя теперь, кажется, у него впервые появилась полноценная возможность отблагодарить всех их за эту помощь и поддержку.

Его потряхивало от озноба последние полчаса и постоянно тошнило — это уже стало таким привычным состоянием, что он даже не обращал внимания на эти дурные симптомы. Док осторожно взял кружку, стоявшую на краю стола. В ней плескался остывший, заваренный еще прошлым вечером кофе. Терпкий аромат давно уже практически пропал, но Дантист все равно упрямо поднес губы к краю и сделал один небольшой глоток.

Холодный кофе тяжелой волной пронесся по пищеводу и упал в пустой желудок. Еще совсем недавно от этого напитка Дока почти мгновенно должно было бы вывернуть, почти как и от любой другой пищи и жидкости, кроме воды и крови. Но теперь

все было иначе.

«Кажется, мне действительно удалось это сделать…»

Док повернулся к окнам и вгляделся в яркое солнце, показавшееся из-за домов. Оно ласково коснулось небритого лица медика своими теплыми лучами. Мужчина еще раз пригубил такой непривычно странный на вкус кофе из своей кружки, закрыл веки и с усмешкой прошептал:

— Спасибо тебе, Герман. Спасибо за все. И прощай.